

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук»
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Данилов Игорь Альбертович

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ МОЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТОЯЗЫЧНЫХ ЭВЕНКОВ)**

Специальность 5.9.8 Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук
Иванова Нина Иннокентьевна

Якутск – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	
ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОЩНОСТИ ЯЗЫКА	14
1.1. Символическая мощьность языка в отечественной социолингвистике	14
1.2. Эвенки и эвенкийский язык в ситуации языкового сдвига	30
1.3. Методологическая стратегия исследования	37
Выводы по Главе 1	51
ГЛАВА 2. ХРОНИКА И ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА У ЭВЕНКОВ	
ЯКУТИИ В XVII-XXI ВЕКАХ	54
2.1. Общая характеристика языкового сдвига у эвенков Якутии	54
2.2. Объякучивание эвенков Северо-Западной Якутии	64
2.3. Этноязыковые процессы у эвенков Южной Якутии	82
2.4. Рост этнического самосознания эвенков в условиях языкового сдвига	104
2.5. Эвенкийский язык в системе образования Якутии	120
Выводы по Главе 2	134
ГЛАВА 3. МОДУСЫ СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОЩНОСТИ ЭВЕНКИЙСКОГО	
ЯЗЫКА В ЯКУТОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ	138
3.1. Территориальная вариативность символической мощьности эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия)	138
3.2. Влияние этнической идентичности на языковые установки эвенкийской молодежи Северо-Западной и Южной Якутии	152
3.3. Символическая мощьность эвенкийского языка в локальном сообществе с. Сьюльдюкар в Северо-Западной Якутии: количественное измерение	169
3.4. Концепт «эвенкийский язык» в языковом сознании взрослого населения с. Сьюльдюкар: результаты ассоциативного эксперимента	188
3.5. Эвенкийский язык в представлениях детского населения с. Сьюльдюкар: экспликация методом свободной дефиниции	199
Выводы по Главе 3	212
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	220
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	221
Официальные документы	221
Дореволюционные труды	222
Литература	223
Справочные издания	242
Диссертации	243
Электронные ресурсы	245
ПРИЛОЖЕНИЯ	247

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли этнического языка в жизни локальных сообществ в условиях его функциональной утраты. В социолингвистике традиционно доминировал подход, при котором витальность языка оценивалась преимущественно через количественные показатели владения и использования. Между тем данная исследовательская оптика оказывается недостаточной для понимания феномена, когда язык, утративший коммуникативную функцию, продолжает играть значимую роль в конструировании и поддержании этнической идентичности сообщества.

Ситуация эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия) (*далее – РС(Я), Якутия*) представляет собой показательный случай для изучения обозначенного феномена. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., лишь 11,4% эвенков республики владеют этническим языком, при этом доля признающих его родным выросла с 6,4% в 2010 г. до 15% в 2020 г. Установленная динамика указывает на формирование нового типа отношения к этническому языку, когда его значимость становится выраженной при минимальной языковой компетенции.

Особый интерес представляют якутоязычные эвенкийские сообщества Северо-Западной Якутии, где языковой сдвиг завершился не позднее XIX в. Здесь эвенкийский язык полностью вытеснен якутским языком из повседневной коммуникации, при этом эвенкийская этническая идентичность сохраняется устойчиво и получает институциональное закрепление через систему национальных районов и наслегов. Изучение того, как язык существует в сознании не говорящих на нем носителей этнической идентичности, какие функции он выполняет, какую роль играет в поддержании этничности, позволит выявить механизмы формирования символической мощности языка в ее наиболее выраженной форме.

Кроме того, насущность и значимость исследования определяется также тем, что глобальные процессы языкового сдвига охватывают все большее число миноритарных языков по всему миру, поэтому понимание того, как языки

функционируют после утраты коммуникативной роли, становится важным для разработки программ языковой ревитализации. Концепт «символическая мощьность языка», формирующийся в отечественной социалингвистике с конца 2010-х гг., нуждается в эмпирической верификации через детальные исследования конкретных этноязыковых сообществ. Практическая актуальность связывается с необходимостью оценки перспектив языковой ревитализации в сообществах, где коммуникативная функция языка утрачена. В данном контексте выявление мотивационной базы и барьеров для возрождения языка позволит определить направления языковой политики в отношении языков коренных малочисленных народов Севера.

Степень разработанности темы характеризуется неравномерностью изучения различных аспектов проблемы. Теоретические основы исследования субъективных факторов языковой ситуации в отечественной социалингвистике заложены в работах А.Д. Швейцера, Г.В. Степанова, В.А. Виноградова и др., которые в 1970-1980-е гг. обосновали необходимость учета языковых установок, оценок престижа языка, ценностных ориентаций носителей наряду с объективными параметрами. Развитие данного направления в 1990-2000-е гг. привело к формированию комплексного подхода к анализу языковой ситуации, что отражено в трудах В.Ю. Михальченко, В.М. Солнцева, Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки, Л.Л. Аюповой и др. Значительный вклад в осмысление субъективного измерения этноязыковых процессов внесли работы Г.А. Дырхеевой, Т.Г. Боргояковой, Э.В. Хилхановой, Н.И. Ивановой и др., посвященные изучению языковых установок, языковой лояльности, этноязыковой идентичности у коренных народов Сибири.

Концепт символической мощьности языка как интегративное понятие появляется в отечественных социалингвистических исследованиях с 2018 г. А.Н. Биткеева связывает его с этнической самоидентификацией и рассматривает как ключевой параметр витальности языка. В последующих работах А.Н. Биткеевой, М.А. Горячевой, Ч.С. Цыбеновой, С.В. Кириленко, М.Я. Каплуновой и др. понятие получает развитие применительно к различным языковым ситуациям. Показательна попытка А.Ф. Хановой, Т.А. Больгиной, О.В. Драгой

операционализировать символическую мощьность через введение коэффициента эмотивности, измеряющего разрыв между признанием этнического языка родным и реальным владением им.

Вместе с тем анализ литературы выявляет несколько недостаточно разработанных аспектов. Отсутствуют системные эмпирические исследования, посвященные изучению символической мощьности языка в сообществах с завершенным языковым сдвигом. Существующие работы либо фокусируются на языках с сохраняющейся коммуникативной функцией, либо рассматривают символические аспекты фрагментарно, в контексте более широкого анализа языковой ситуации. Механизмы формирования и проявления символической мощьности, ее связь с этнической идентичностью, возрастная и региональная вариативность остаются недостаточно изученными. Практически не исследован вопрос о том, как символическая мощьность отражается в языковом сознании разных поколений, какие когнитивные структуры организуют восприятие утраченного языка.

Применительно к эвенкийскому языку в Якутии нужно отметить наличие обширной литературы по структурному описанию языка, фольклору, литературе эвенков региона, их истории, этнографии, хозяйственному укладу и пр. Отдельные аспекты языковой ситуации рассматривались в работах А.В. Романовой, А.Н. Мыреевой, Т.Е. Андреевой, К.Н. Стручкова, Н.Е. Захаровой и др. При этом комплексное социолингвистическое исследование, которое бы охватывало различные территориальные группы эвенков и анализировало динамику языковых процессов в исторической перспективе, до настоящего времени не проводилось. Недостаточно изучены якутоязычные эвенкийские сообщества Северо-Западной Якутии, где языковой сдвиг произошел значительно раньше, чем у других территориальных групп.

Объектом исследования выступает эвенкийский язык в Республике Саха (Якутия) в ситуации завершенного и продолжающегося языкового сдвига.

Предметом исследования является символическая мощьность эвенкийского языка как совокупность субъективных установок, ценностных ориентаций и

когнитивных структур, определяющих восприятие языка носителями этнической идентичности при отсутствии или минимальном уровне языковой компетенции.

Цель исследования состоит в выявлении механизмов формирования и проявлений символической мощности эвенкийского языка в якутоязычных эвенкийских сообществах Республики Саха (Якутия) в условиях заверщенного языкового сдвига. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Проанализировать развитие концепта символической мощности языка в отечественной социолингвистике и обосновать его эвристический потенциал как концептуальной рамки для изучения субъективного отношения к языку в условиях языкового сдвига;
2. Реконструировать историческую динамику языкового сдвига у территориальных групп эвенков Якутии с XVII по XXI вв., выявив хронологию утраты коммуникативных функций эвенкийского языка и комплекс факторов, обусловивших данный процесс в различных районах;
3. Выявить территориальную вариативность проявлений символической мощности эвенкийского языка в эвенкийских сообществах на основе анализа переписных и социолингвистических данных;
4. Определить роль этнической идентичности в формировании символической мощности эвенкийского языка у молодежи в сообществах, находящихся на разных стадиях языкового сдвига;
5. Изучить модусы (проявления) символической мощности эвенкийского языка в локальном якутоязычном сообществе (на материале с. Сюльдюкар) через анализ языковых установок, восприятия эвенкийского языка взрослым населением и детьми.

Научная новизна исследования определяется комплексным подходом к изучению символической мощности языка, объединяющим историко-социолингвистические, социолингвистические и психолингвистические ракурсы анализа. Конкретные аспекты новизны включают:

1. Впервые осуществлена комплексная диахроническая реконструкция процессов языкового сдвига у различных территориальных групп эвенков Якутии с XVII по XXI вв. на основе интеграции разнородных источников: архивных документов, описаний исследователей и путешественников, материалов этнографических экспедиций, данных переписей населения и социолингвистических обследований, включая повторные обследования одних и тех же населенных пунктов.

2. Получены новые эмпирические социопсихолингвистические данные о языковой ситуации в эвенкийских сообществах Северо-Западной и Южной Якутии (материалы полевых исследований 2021-2025 гг., охватившие 14 населенных пунктов в 9 районах республики). Якутоязычные эвенкийские сообщества в условиях заверщенного языкового сдвига впервые становятся объектом специального социопсихолингвистического анализа.

3. Концептуализирована символическая мощь этнического языка как самостоятельный феномен в условиях заверщенного языкового сдвига: выявлена закономерность обратной зависимости между коммуникативной и символической мощью языка; установлено варьирование роли этнической идентичности в формировании языковых установок в зависимости от стадии языкового сдвига; описан механизм трансформации языка в символический ресурс конструирования этнической идентичности.

4. Реконструированы когнитивные структуры восприятия утраченного языка носителями этнической идентичности: выявлена система концептуальных метафор и фреймов, репрезентирующих представления об этническом языке; описаны доминирующие модели осмысления утраты языка и ответственности за его сохранение; установлен феномен коллективной ответственности за языковое возрождение при минимальной индивидуальной агентности как специфическая черта языкового сознания в условиях заверщенного языкового сдвига.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии концептуального аппарата социолингвистики через теоретическое осмысление понятия символической мощи языка и разработку комплексной методологии его

изучения, интегрирующей подходы исторической социолингвистики, социолингвистики и психолингвистики. Предложенный подход к изучению языка в условиях завершеного языкового сдвига может быть применен для анализа других миноритарных языков, утративших коммуникативную функцию. Выявленные проявления символической мощности расширяют понимание роли субъективных факторов в языковой динамике. Результаты исследования вносят вклад в развитие социолингвистического изучения языков коренных малочисленных народов Севера России, восполняя существующий пробел в изучении якутоязычных эвенкийских сообществ.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов органами государственной власти РС(Я), общественными организациями коренных малочисленных народов Севера и образовательными учреждениями при разработке программ ревитализации эвенкийского языка и планировании мероприятий по поддержке языка и культуры. Результаты работы применимы в преподавании курсов по социолингвистике, лингвистической антропологии, региональным исследованиям в высших учебных заведениях, в программах подготовки магистрантов и аспирантов. Материалы исследования могут быть также использованы при разработке учебных пособий, спецкурсов и программ повышения квалификации для специалистов, работающих в сфере сохранения языков и культур коренных малочисленных народов Севера.

Хронологические рамки исследования определяются периодом с XVII по XXI вв. Нижняя граница обусловлена началом документальной фиксации сведений о тунгусах (эвенках) Якутии, верхняя – временем проведения полевых исследований и актуальностью изучаемых процессов.

Территориальные рамки исследования охватывают в основном арктические и субарктические зоны традиционного расселения эвенкийских сообществ Северо-Западной Якутии, которые расположены в современных границах Республики Саха (Якутия): в Анабарском национальном (долгано-эвенкийском), Оленекском эвенкийском национальном, Жиганском национальном эвенкийском и Булунском улусах (районах), а также в Садынском национальном эвенкийском наслеге

Мирнинского района. Привлечение дополнительного материала расширяет географические рамки исследования за счет других территорий, где проживает эвенкийское население: Алданский и Нерюнгринский районы в Южной Якутии и сопредельные к ним Олекминский район в Юго-Западной Якутии, Усть-Майский район в Юго-Восточной Якутии, которые в настоящей работе объединяются в южную группу на основании этнокультурных характеристик и особенностей расселения эвенкийского населения.

Методология и методы исследования определяются спецификой объекта и предмета и основывается на системном подходе, рассматривающем языковую ситуацию как сложное явление, детерминированное комплексом объективных и субъективных факторов. Методологической основой выступает интеграция диахронического и синхронического подходов к анализу языковой ситуации. Диахронический компонент реализуется через методы исторической социолингвистики, предполагающие реконструкцию языковых процессов на основе нелингвистических источников. Синхронический компонент опирается на полевые социолингвистические методы.

Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством массового структурированного анкетирования ($n=515$ взрослых, $n=234$ молодежи), глубинных интервью, включенного наблюдения в эвенкийских населенных пунктах Якутии в 2021-2025 гг. Проведено углубленное исследование с. Сюльдюкар Мирнинского района, включавшее сплошное анкетирование эвенкийского ($n=90$) и якутского ($n=30$) населения, свободный ассоциативный эксперимент ($n=90$), изучение восприятия эвенкийского языка детьми через методику субъективной дефиниции ($n=16$).

Анализ данных включал несколько уровней. Статистический анализ применен для обработки результатов анкетирования и выявления корреляций между различными параметрами. Реакции ассоциативного эксперимента и школьные эссе обработаны с применением контент-анализа. Изучение языкового сознания осуществлено в рамках семантико-когнитивного подхода (З.Д. Попова, И.А. Стернин): концептуальный анализ позволил выявить метафорические модели

восприятия языка, фреймовый анализ – реконструировать когнитивные структуры, репрезентирующие представления о языке. Сравнительный метод внедрен во все уровни анализа, обеспечивая сопоставление данных по разным районам, возрастным группам, этническим группам и др.

Источниковая база исторической реконструкции языкового сдвига основывается на материалах различного характера: архивные документы, использованные опосредованно через опубликованные работы историков и этнографов (И.С. Гурвича, Б.О. Долгих, Н.Н. Степанова и др.); описания исследователей и путешественников XVIII-XX вв. (И.Г. Георги, В.И. Иохельсона, И.И. Майнова, А.Ф. Миддендорфа, С. Патканова и др.); материалы этнографических исследований советского периода (Г.М. Василевич, В.Н. Васильева, Г.В. Ксенофонтова, С.И. Николаева, В.А. Туголукова и др.); данные переписей населения Российской империи, СССР и Российской Федерации (с 1897 г. по 2020 г.); материалы социолингвистических обследований второй половины XX – начала XXI вв.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт символической мощности языка обладает эвристическим потенциалом для анализа языковых ситуаций в условиях языкового сдвига, поскольку фиксирует способность языка сохранять субъективную значимость при утрате коммуникативной функции. Ситуация заверщенного языкового сдвига позволяет изучать символическую мощность как относительно автономный феномен.
2. Языковой сдвиг у эвенков Якутии характеризуется выраженной территориальной вариативностью в хронологии и факторах с формированием двух различных моделей: ранней якутизации эвенков северо-западных районов, зафиксированной уже в XIX в., и поздней утраты языка в южных районах, продолжавшейся до конца XX в. с сохранением отдельных очагов относительной языковой витальности в начале XXI в.
3. В условиях языкового сдвига у эвенков в Республике Саха (Якутия) символическая мощность этнического языка формируется как

компенсаторный механизм в ответ на утрату коммуникативной функции, демонстрируя обратную зависимость по отношению к коммуникативной мощности языка.

4. Этническая идентичность выступает ключевым фактором формирования символической мощности языка в условиях завершённого языкового сдвига. В якутоязычных эвенкийских сообществах высокий уровень этнической рефлексии коррелирует с признанием необходимости языка для этнической идентичности, восприятием эвенкийского как родного языка, готовностью к его изучению.
5. Символическая мощность эвенкийского языка в локальном якутоязычном эвенкийском сообществе проявляется отсутствием межэтнической конфликтности в вопросах поддержки институционализации языка, разрыва между языковыми установками и реальными практиками, переноса ответственности за языковое возрождение с индивидуального на коллективный уровень.
6. Символическая мощность языка генерирует мотивационный потенциал для языковой ревитализации; при этом реализация данного потенциала детерминирована наличием институциональных форм языковой поддержки, отсутствие которой трансформирует готовность к изучению языка в нереализованную интенцию.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается масштабом эмпирической базы (полевые исследования в 14 населённых пунктах 9 районов Республики Саха (Якутия), 885 респондентов различных возрастных групп), триангуляцией методов сбора и анализа данных, верификацией материалов официальной статистики данными полевых исследований, интеграцией разнородных источников при диахроническом анализе.

Апробация исследования и публикации. Основные положения и результаты исследования апробированы в научных мероприятиях: V международная научная конференция «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (г. Абакан, 19.05.2022 г.); III международная научная конференция «Когнитивные

парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике» (г. Майкоп, 28.10.2022 г.); всероссийская научная конференция «Дробжижевские чтения: этническое и социальное измерения» (г. Москва, 01.06.2023 г.); международная конференция «Лингвистический форум 2023. Функционирование языков в труднодоступных регионах: Арктика и другие ареалы» (г. Москва, 27.10.2023 г.); всероссийская научно-практическая конференция «Языки и диалекты народов России» (г. Якутск, 15.02.2024 г.); всероссийская научно-практическая конференция «Освоение Арктики: три века поисков и открытий» (г. Якутск, 26.09.2024 г.); III Томский антропологический форум «Страхи и надежды в мире ускользающего благополучия» (г. Томск, 04.10.2024 г.); всероссийская научная конференция с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 09.10.2024 г.); XX научная конференция «Бубриховские чтения: традиции и новации в исследовании финно-угорских языков и культур» (г. Петрозаводск, 25.10.2024 г.); Первый Евразийский конгресс лингвистов (г. Москва, 09.12.2024 г.); I конференция по лингвистической антропологии (г. Санкт-Петербург, 02.10.2025 г.) и др.

Результаты исследования представлены в 14 публикациях общим объемом 7,41 а.л., из них – 6 публикаций в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Данилов, И. А. Эвенкийский язык в селе Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия): обратный языковой сдвиг? / И. А. Данилов // Социолингвистика. – 2022. – № 2(10). – С. 174-192. (1,22 а.л.)
2. Данилов, И. А. Молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): этноязыковая идентичность и речевое поведение / И. А. Данилов, В. Б. Игнатьева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2022. – № 4(38). – С. 27-40. (0,96 / 0,58 а.л.)
3. Данилов, И. А. Символическая мощь эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии / И. А. Данилов, Н. Е. Захарова, А. Е. Захарова // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 4. – С. 348-359. (1,04 / 0,73 а.л.)

4. Данилов, И. А. Витальность эвенкийского языка в субъектах Российской Федерации, переписное измерение / И. А. Данилов // Социолингвистика. – 2025. – № 1(21). – С. 201-222. (1,34 а.л.)
5. Danilov, I. A. Ethnolinguistic Identity of the Sakha-Speaking Evenks: Results of a Study in the Zhigansk District of the Republic of Sakha (Yakutia) / I. A. Danilov // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2025. – Vol. 22, No. 2. – P. 240-250. (0,82 а.л.)
6. Данилов, И. А. Лингвистический ландшафт Якутии: историческая ретроспекция факторов трансформации в XVII–XXI вв. / В. Б. Игнатьева, И. А. Данилов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2026. – № 1(57). – С. 73-92. (1,93 / 0,97 а.л.)

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, приложений. Во Введении обосновываются актуальность и научная новизна исследования, формулируются цели, задачи и положения, выносимые на защиту. Первая глава посвящена анализу концепта символической мощности языка в отечественной социолингвистике, характеристике эвенкийского языка в ситуации языкового сдвига и разработке методологической стратегии исследования. Вторая глава представляет историческую реконструкцию процессов языкового сдвига у территориальных групп эвенков Якутии в XVII–XXI вв., установление факторов и хронологии утраты коммуникативных функций эвенкийского языка. Третья глава содержит результаты эмпирического анализа модусов (проявлений) символической мощности эвенкийского языка в современных якутоязычных сообществах на основе количественных и качественных данных социолингвистических обследований 2021–2025 гг. В Заключении формулируются основные выводы исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки проблематики.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОЩНОСТИ ЯЗЫКА

1.1. Символическая мощьность языка в отечественной социалингвистике

История становления отечественной социалингвистики как интегративной дисциплины получила освещение в классических учебниках В.М. Алпатова [1998], Л.П. Крысина и В.И. Беликова [2001], Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки [2004] и др. Существенный вклад в историографию дисциплины внесли аналитические обзоры В.Ю. Михальченко [1999, 2023] и Т.Б. Крючковой [2008], в которых прослеживается эволюция парадигмальных установок и методологических подходов советской и постсоветской социалингвистики. Многочисленные диссертационные работы по социалингвистике, содержащие историографические обзоры, также вносят вклад в изучение различных аспектов становления и развития дисциплины.

Фундаментальные труды Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН систематизировали накопленный эмпирический материал и совершенствовали понятийный аппарат дисциплины. Так, «Словарь социалингвистических терминов» [2006] представил первое в России и мире систематизированное описание более 900 терминов. Энциклопедия «Язык и общество» [2016] комплексно раскрыла теоретические основы и актуальное состояние языковой жизни многонациональной России.

Необходимо отметить, что российская социалингвистика характеризуется гетерогенностью научно-исследовательских традиций, репрезентированных в деятельности региональных школ, каждая из которых обладает своей методологической спецификой. История развития региональных школ и их особенности находят также отражение в специальных трудах: о московской школе функциональной социалингвистики [Крысин, Земская, 1998], петербургской [Гулида, Вахтин, 2010], уфимской [Аюпова, Галимьянова, Салихова, 2012], пермской [Ерофеева, 2014] и др.

Для настоящего исследования особую значимость представляет якутская социалингвистическая школа, что обусловлено как региональной локализацией

эмпирического материала (по Республике Саха (Якутия)), так и принадлежностью автора. Историографический анализ якутской школы, осуществленный в программных трудах П.А. Слепцова [2008] и монографическом исследовании Н.И. Ивановой [2022], демонстрирует достижения и перспективы в изучении функционирования языков в полиэтническом пространстве РС(Я).

При наличии обширной литературы по истории отечественной социолингвистики настоящий параграф фокусируется на недостаточно разработанном аспекте концептуализации символической мощности (*далее* – СМ) языка, выступающей предметом диссертационного исследования. Данная работа рассматривает преимущественно труды отечественных социолингвистов.

Несмотря на существенный прогресс в разработке понятийного аппарата дисциплины [Кириленко, 2015], вопрос о формировании и эволюции концепта СМ языка остается на периферии исследовательского внимания. Данное обстоятельство актуализирует необходимость детального рассмотрения трансформации отношения к субъективному измерению языковой ситуации (*далее* – ЯС) в отечественной социолингвистической традиции. Анализ позволит реконструировать историческую динамику методологических подходов и выявить теоретические предпосылки формирования концепта СМ как интегративного аналитического инструмента исследования субъективных факторов ЯС в полиэтнических сообществах.

Фундаментальное методологическое противоречие между объективистским и субъективистским подходами к исследованию ЯС определило траекторию развития социолингвистики. В отечественной традиции, как отмечают Э.В. Хилханова и Д.Л. Хилханов, «субъективные данные (такие как оценки и установки говорящих, идентичности, идеологии, преломление культурного контекста в сознании человека и т.п.) долго оставались вне зоны интересов социолингвистов как “ненаучные”, в отличие от “объективных” данных – изменений самого языка или количественных данных. Более сильное и продолжительное, чем в западных социальных науках, недоверие к субъективным фактам и факторам было характерно для советской социолингвистики; социолингвистами исследовались либо внешние, социальные

аспекты языковых ситуаций, либо структурные (внутриязыковые) изменения, происходящие с контактирующими языками» [Хилханова, Хилханов, 2023: 38]. Данная позиция отражала доминирование позитивистской парадигмы, требовавшей исключительно верифицируемых, объективно измеряемых параметров.

Противоположная тенденция наблюдалась в западной социалингвистике. Как отмечает Н.И. Иванова, «с 1960-х гг. «человеческий фактор» как компонент ЯС, охватывая субъективную сторону функционирования языков под термином языковые установки, активно задействован в теоретических и практических разработках западных социалингвистов» [Иванова, 2021: 33].

В отечественной социалингвистике проблематика субъективных факторов в изучении ЯС впервые была обозначена А.Д. Швейцером. Он предложил новаторский подход к изучению ЯС как к модели, учитывающей не только объективные признаки, но и субъективные факторы [Швейцер, 1976а: 133-134], обосновывая его двусторонней природой социалингвистического анализа языковой и речевой вариативности: объективной (социальная дифференциация) и субъективной (ценностные ориентации носителей, проявляющиеся в оценочных суждениях о языковых формах и системах) [Швейцер, 1976б: 41]. Подчеркивая важность «человеческого фактора», в частности, субъективного восприятия языка (что перекликается с идеями Ч. Фергюсона о значимости языковых установок), работы А.Д. Швейцера стали отправной точкой для формирования комплексного подхода к изучению ЯС, интегрирующего как объективные, так и субъективные аспекты. Подход, предложенный А.Д. Швейцером, можно интерпретировать как первичную попытку преодоления бинарной оппозиции «объективное vs субъективное» в отечественном социалингвистическом дискурсе.

Развитие направления продолжилось в работах Г.В. Степанова, который подчеркнул необходимость учитывать оценочные параметры восприятия языка как родного/чужого и языковой престиж [Степанов, 1976: 13]. В.А. Виноградов развил идею, отметив зависимость субъективной оценки языка от его статуса в государстве и сфер использования, влияние данной оценки на витальность, выбор и

функциональный потенциал языка. Исследователь подчеркнул двусторонний характер оценки языка: внутренней (самими носителями) и внешней (носителями других языков) [Виноградов, 1984: 37]. Позднее он выделил коммуникативную и демографическую мощь языка, аксиологические параметры, включающие внешние и внутренние оценки с точки зрения коммуникативной пригодности, эстетичности и престижа. Совокупность внутренних оценок, по В.А. Виноградову, определяет языковую лояльность сообщества [Виноградов, 1990: 616].

В.Ю. Михальченко и В.М. Солнцев также указывали, что в ранних исследованиях национально-языковых процессов доминировал анализ объективных факторов ЯС (этнокультурные, социально-исторические, демографические и экономические условия), в то время как субъективные факторы (ценностные ориентации, привязанность к культуре и языку, стремление расширить функции родного языка) игнорировались или даже трактовались как проявление национализма [Михальченко, Солнцев, 1991: 57]. В.Ю. Михальченко предложила включить в определение ЯС такие компоненты, как ценностные ориентации, речевая практика, языковая общность, языковая компетенция, языковая традиция и юридический статус языков [Михальченко, 1991: 10-13]. Она подчеркивала влияние языковой компетенции и ценностной ориентации носителей на витальность языка [Михальченко, 1992: 41]. Таким образом, в 90-е гг. XX вв. наметился переход к более комплексному пониманию ЯС.

Н.Б. Мечковская, анализируя содержание понятия «языковая ситуация», выделяет восемь типологических признаков, среди которых восьмой – оценки социумом престижа сосуществующих языков, противопоставляя разный престиж и относительно равный престиж [Мечковская, 1994: 101-103], что подчеркивает важность учета субъективного восприятия и социальных оценок языков.

Л.Л. Аюпова рассматривает ЯС как концептуальное поле, «компонентами которого являются: 1) статус языка (государственный или официальный); 2) языковая политика и языковое строительство; 3) языковые конфликты (открытые и скрытые, этнолингвистические, лингвополитические, лингвопрагматические); 4) языковая компетенция (степень владения языком); 5) ценностные ориентации

(объективные и субъективные факторы) этнофоров, составляющих языковой портрет социума, особенно билингвистический – этот уникальный феномен социолингвистики» [Аюпова, 1998: 6]. Она расширяет понятие языковой ориентации, включая не только психологическое отношение к языкам, но и отношение к статусу языка, языковому строительству, конфликтам и экспансии [там же: 99], проблемам билингвизма и многоязычия [Аюпова, Салихова, 2007: 17]. Исследователь отмечает, что «соотношение объективного и субъективного порождает ту диалектику, тот механизм воздействия на языковые процессы (ситуацию), которые на определенном этапе языкового развития создают специфику, своеобразие языковой жизни социума в том или ином регионе» [Аюпова, 1998: 101], настаивая на необходимости учета ценностных ориентаций и языковой компетенции для полной характеристики ЯС [там же: 192].

Важным этапом в осмыслении роли субъективных факторов стали работы Н.Б. Вахтина, посвященные языковому сдвигу у народов Севера. Исследователь убедительно продемонстрировал, что традиционный набор детерминирующих факторов недостаточен для объяснения динамики ЯС без учета установок и мотиваций самих акторов – носителей языка [Вахтин, 2001]. Реализованные эмпирические наработки послужили основой для теоретической систематизации. Так, Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин, обобщая накопленный опыт, предложили трехуровневую классификацию признаков ЯС: количественные, качественные и оценочные. По их мнению, «оценочные признаки – это внешние и внутренние оценки идиомов по разным параметрам: коммуникативная пригодность, престижность, эстетическая ценность и т.п.» [Вахтин, Головкин, 2004: 47].

Анализ определений понятия «языковая ситуация» в диссертационных исследованиях с 2000-х гг. выявляет отчетливую тенденцию к включению субъективных данных, отражающих восприятие языка его носителями. Данный факт свидетельствует о переходе от преимущественно объективного описания языковой реальности к комплексному подходу, учитывающему социально-психологические аспекты функционирования языка.

Так, В.Р. Галимьянова вводит понятие «человеческого фактора», объединяющего ценностные ориентации, языковую компетенцию и готовность к изучению других языков [Галимьянова, 2003: 166]. А.Н. Биткеева акцентирует внимание на субъективных, оценочных мнениях носителей языка, подчеркивая, что установки языковой общности, отражающие стереотипы и языковое самосознание, являются ключевыми элементами ЯС [Биткеева, 2006: 47]. Ч.С. Цыбенова включает в определение ЯС языковые установки сообщества по отношению к различным компонентам социально-коммуникативной системы, которые представляют субъективные предпочтения и отрицания, связанные с использованием языка [Цыбенова, 2013: 30]. Н.И. Иванова также подчеркивает роль «языковых установок» членов этнической общности. В ее определении ЯС представляется как динамический процесс, в котором субъективные оценки и представления о языке играют значительную роль [Иванова, 2022: 59].

Включение субъективных данных в определения ЯС свидетельствует о формировании более глубокого понимания данного комплекса факторов. Подход позволяет учесть не только объективные характеристики языковой реальности, но и субъективное восприятие языка носителями, что необходимо для адекватного анализа сложных языковых процессов в современном обществе. Как пишет Э.В. Хилханова, «появление ряда социолингвистических работ, которые учитывают «человеческий фактор» при анализе социолингвистических данных, соотносят их с особенностями тех или иных этнических групп, маркирует, на наш взгляд, изменение лингвистической парадигмы в целом в сторону антропоцентризма» [Хилханова, 2009: 85]. Сдвиг фокуса на человека и его восприятие языка позволяет более точно моделировать языковые процессы, учитывая не только внешние факторы, но и внутренние мотивации и установки языковых сообществ.

Эволюция концептуального аппарата социолингвистики позволяет переосмыслить дихотомию «объективное vs субъективное» не как методологическое противоречие, а скорее как продуктивное диалектическое взаимодействие двух взаимодополняющих исследовательских перспектив. Современное понимание ЯС предполагает системную интеграцию

количественных, качественных и оценочных параметров, позволяющую учесть многомерность социолингвистических процессов.

В рамках современной социолингвистической парадигмы субъективные факторы рассматриваются как комплексная детерминанта языковой устойчивости, определяющая траекторию витальности языков в условиях межъязыкового взаимодействия. Данная диалектика обусловлена комплексной природой ценностно-мотивационных установок носителей и их влиянием на языковые практики.

Субъективные данные, отражающие отношение носителей к своему языку, играют решающую роль в его сохранении и развитии. В.М. Солнцев и В.Ю. Михальченко отмечают, что позитивные ценностные ориентации к родному языку и стремление к расширению его функций являются ключевыми факторами, способствующими его возрождению и развитию. Социальные перспективы использования языка напрямую связаны с престижем и статусом языка в обществе, что формируется коллективными установками [Солнцев, Михальченко, 2000а, Солнцев, Михальченко, 2000б]. Т.П. Бажеева указывает на влияние социальных установок семьи и системы ценностных ориентаций на выбор языка общения, демонстрируя, как субъективные факторы формируют языковую практику на микроуровне [Бажеева, 2001: 69]. Т.Г. Боргоякова среди факторов, способствующих остановке языковой ассимиляции, выделяет позитивное эмоциональное отношение к родному языку и готовность к его передаче следующим поколениям [Боргоякова, 2002: 109]. Э.В. Хилханова призывает обратить внимание на «внутренние детерминирующие факторы», такие как оценочные установки этнической группы к своему языку, которые определяют языковое поведение и влияют на судьбу языка [Хилханова, 2009: 87]. С.А. Москвичева прямо указывает на уровень и тип языковой лояльности как критерий витальности языка [Москвичева, 2014: 479].

Вместе с тем субъективные факторы играют решающую роль не только в сохранении и развитии, но и в утрате языков. Отрицательные установки по отношению к этническому языку, его низкая престижность в глазах носителей,

ориентация на социально более успешные группы, использующие другой язык, могут привести к языковому сдвигу и ассимиляции.

В.Ю. Михальченко обращает внимание на языковой нигилизм как фактор, препятствующий развитию национальных языков. Нежелание части населения знать свой родной язык из-за его социальной непрестижности демонстрирует негативную субъективную оценку, ведущую к снижению витальности языка [Михальченко, 1992: 12]. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки подчеркивают, что отношение к языку включает оценку как его эстетических качеств, так и говорящих на нем. Низкая оценка престижа языка и социального статуса его носителей может стать причиной языкового сдвига, поскольку группы стремятся идентифицировать себя с более успешными сообществами, в том числе через язык [Вахтин, Головки, 2004: 87]. А.В. Гусейнова говорит о языковой лояльности как факторе, препятствующем языковому сдвигу [Гусейнова, 2014: 16]. Следовательно, нелояльность, то есть отсутствие приверженности к родному языку, ускоряет переход на другой язык. Т.Н. Журавель подчеркивает роль ценностных установок этнической группы в языковом сдвиге [Журавель, 2015: 114]. Именно субъективные факторы, связанные с отношением к языку, объясняют, почему некоторые группы полностью переходят на другой язык даже во внутрисемейном общении.

Таким образом, субъективные факторы, такие как языковой нигилизм, низкая престижность языка, негативные установки по отношению к нему и отсутствие языковой лояльности, могут стать причиной языкового сдвига и ассимиляции.

Субъективный фактор, долгое время остававшийся на периферии лингвистических исследований, сегодня выходит на первый план в изучении ЯС. Парадигмальный сдвиг в сторону антропоцентризма переносит фокус на язык, преломленный через призму человеческого восприятия и опыта, что позволяет глубже понять механизмы, управляющие динамикой языковых процессов. Объективные данные, такие как количество носителей языка или сферы его применения, не дают полной картины, не объясняют, почему язык процветает или угасает. Ответ кроется именно в субъективном (или символическом [Москвичева и др., 2023: 710]) измерении ЯС.

Показателями субъективного фактора выступают прежде всего ценностные ориентации носителей языка [Дырхеева, 2002: 59]. Насколько важен для них этнический язык как символ культурной идентичности, маркер принадлежности к определенному сообществу? Ценностные ориентации, зачастую неосознанные, формируют базовое отношение к языку и влияют на готовность его использовать.

Языковая лояльность является ключевым показателем субъективного отношения к языку [Боргоякова, 2002: 192]. Е.А. Кондрашкина детализирует данное понятие, выделяя ряд признаков: «признание родным своего этнического языка, выбор языка в качестве средства общения и языка обучения, защита языка правовыми актами, стремление к расширению социальных функций родного языка, изучение и сохранение культурного наследства на своем языке, передача языка подрастающим поколениям» [Кондрашкина, 2010: 185]. При этом языковая лояльность неоднородна и варьируется в зависимости от урбанизированности среды, возраста, пола, подвержена влиянию исторического контекста и языковой политики [там же].

Субъективная оценка языка включает как эстетические суждения о его качествах (мелодичность, выразительность, сложность), так и социальные ассоциации, связанные с говорящими на нем [Вахтин, Головкин, 2004: 87]. Воспринимается ли язык как престижный, современный, ассоциируется ли он с успехом и высоким социальным статусом? Субъективные восприятия напрямую влияют на выбор языка в различных социальных контекстах.

Субъективная жизнеспособность языка, вера в его будущее, также является значимым показателем [там же: 126]. Верят ли носители в то, что их язык будет жить и развиваться, или они воспринимают его как устаревший и обреченный на исчезновение? Подобные убеждения формируют мотивацию к использованию и передаче языка следующим поколениям.

Кроме того, следует учитывать прагматические мотивации [Хилханова, 2009: 9] и восприятие языка как этнообразующего фактора и символической ценности [Журавель, 2015: 114]. Какие практические преимущества или недостатки связаны

с использованием этнического языка? Насколько он важен для сохранения этнической и культурной идентичности?

Одним из ключевых показателей выступает также этноязыковая идентичность. Это сложное, многогранное явление, включающее как эмоциональную привязанность к этническому языку, так и рациональное понимание его значения для сохранения культурного наследия. Н.И. Иванова выделяет следующие признаки, характеризующие этноязыковую идентичность: «выбор родного языка (родной/неродной), языковые установки в доминантных коммуникативных сферах (в сфере образования и массмедиа) (этнический/неэтнический), установки в формулировке современного риторического (коммуникативного) идеала носителем языка как модифицирующая категория этноязыковой идентичности, языковые установки в национально-языковых отношениях (выявление мотивации в изучении якутского языка, языковые установки русских), тип языковой политики (демократическая/недемократическая, плюралистическая/неплюралистическая, конструктивная/деструктивная)» [Иванова, 2022: 223]. Этноязыковая идентичность, будучи субъективным фактором, тесно связана с языковыми установками, ценностными ориентациями и прагматическими мотивациями носителей языка. Понимание указанных взаимосвязей позволяет адекватно оценить ЯС и разработать эффективные меры языковой политики.

Изучение субъективного измерения ЯС требует комплекса методов, включая количественные и качественные подходы. Поэтому оно знаменует расширение методологических границ социолингвистики. Традиционно социолингвистика, как отмечали выше, фокусировалась на объективных, количественно измеряемых аспектах ЯС: количество носителей, сферы использования языка, языковая политика. Однако современное развитие дисциплины характеризуется переходом от узкого понимания социолингвистики к широкому, что проявляется в антропологическом повороте [Хилханова, 2025: 138]. Понимание сложной динамики языковых процессов требует более глубокого проникновения во внутренний мир говорящего, в его субъективное восприятие языка и его роли в обществе.

Сдвиг в сторону антропоцентризма стимулирует развитие новых методологических подходов, интегрирующих достижения психолингвистики и когнитивной лингвистики. Как отмечает Ч.С. Цыбенова, «наиболее продуктивное исследование субъективных (внутренних) факторов функционирования языков возможно при использовании психолингвистического подхода» [Цыбенов, 2013: 29]. Посредством этносоциопсихолингвистического анализа ЯС, в частности, языковых установок «можно определить доминирующие национально-языковые отношения, причем как по отношению к этническому или родному языку, так и к другим языкам, функционирующим в данном коммуникативном пространстве либо изучаемым языкам; обозначить конфликтогенную зону в национально-языковых отношениях» [Иванова, 2021: 264]. При этом важно учитывать, что установки по отношению к языку неразрывно связаны с установками по отношению к его носителям, что расширяет поле исследования и требует комплексного анализа социальных и психологических факторов [Хилханова, 2016: 38].

Интеграция психолингвистических методов и фокус на субъективном измерении ЯС представляют важный шаг в развитии социолингвистики, открывая новые перспективы для понимания сложных процессов, определяющих судьбы языков.

Признание методологической значимости субъективного измерения ЯС создало предпосылки для концептуальной интеграции разрозненных параметров (языковая лояльность, престиж, ценностные ориентации, этноязыковая идентичность и др.) под единой теоретической рамкой. Подобной рамкой может выступить концепт СМ языка, появление которого в социолингвистическом дискурсе отражает стремление исследователей к систематизации субъективных факторов и выявлению их роли в витальности языков.

Прежде чем рассматривать современное употребление термина «символическая мощь языка», необходимо обратиться к терминологическим предпосылкам его формирования. В классификации этносоциальных функций языка, разработанной Л.Б. Никольским, символическая функция выделяется наряду с интегрирующей, консолидирующей и разъединяющей функциями. Под

символической функцией понимается роль языка как символа внутригосударственной интеграции в ситуации, когда фактически данный язык не является средством межэтнического общения [Словарь социолингвистических ..., 2006: 192]. Данный классический подход фокусировался на роли языка в этнических процессах на макроуровне – как инструмента государственной политики и межэтнической интеграции.

Современное понятие СМ языка развивает указанные идеи, но переносит фокус на иной уровень анализа. Если символическая функция по Л.Б. Никольскому описывает роль языка в государственной и межэтнической политике, то СМ характеризует субъективное восприятие языка (не)носителями – как язык существует в их сознании, какую ценность представляет для конструирования идентичности независимо от интенсивности его коммуникативного использования. СМ актуальна прежде всего для ситуаций языкового сдвига, когда язык утрачивает коммуникативную функцию, но сохраняет значимость для сообщества.

Примечательно, что термин «символическая мощь» не зафиксирован в социолингвистическом словаре [2006] и энциклопедии «Язык и общество» [2016], однако начинает появляться в научных публикациях примерно с 2018 г., что свидетельствует о растущем интересе к данной проблематике и попытке формализовать понятие субъективной ценности языка. Появление термина в социолингвистическом дискурсе представляет закономерный результат методологической эволюции дисциплины.

В указанном контексте особенно важна работа А.Н. Биткеевой, поскольку в ней фиксируется одно из ранних употреблений термина «символическая мощь» языка в контексте социолингвистического анализа. Автор рассматривает витальность языка диаспоры, выделяя шесть ключевых параметров, среди которых, наряду с традиционными демографической и коммуникативной мощью, фигурирует СМ, определяемая автором как степень этнической самоидентификации [Биткеева, 2018: 59]. Она связывает СМ языка с этнической самоидентификацией, подчеркивая ее ключевую роль в сохранении и развитии языка диаспоры. Автор отмечает, что даже при неблагоприятных объективных

факторах (малочисленность, дисперсное расселение) сильная этническая идентичность может способствовать сохранению языка.

Аргументация А.Н. Биткеевой о том, что диаспора сохраняется до тех пор, пока сохраняется ее этнокультурная специфика и осознание «инаковости», подтверждает важность субъективного восприятия, ценностных ориентаций и идентичности для языковой витальности [там же: 60]. Даже при переходе на язык большинства этническая группа может сохранить свою идентичность, если сохраняется культурная основа и связь с предками, говорившими на исходном языке.

В работе А.Н. Биткеевой, М. Вингендер и В.Ю. Михальченко понятие СМ языка получает дальнейшее развитие в контексте прогнозирования языкового многообразия. Авторы предлагают использовать параметрический анализ оценки витальности языков, включая СМ в число ключевых параметров наряду с демографической и коммуникативной мощностью [Биткеева и др., 2019: 10], что подтверждает тенденцию к интеграции СМ языка в социолингвистические модели. Авторы подчеркивают ее связь с менталитетом народа, его образом мыслей, символами и установками, называя ее регулятором жизнеспособности языковой общности [там же: 11]. Установленная зависимость уточняет содержание понятия, связывая его не только с этнической самоидентификацией, но и с более широким комплексом культурных и ценностных представлений.

Авторы касаются проблемы языкового нигилизма, когда представители титульной этнической группы не признают этнический язык родным из-за его предполагаемой социальной непрестижности. Данный момент демонстрирует, как социальные факторы могут влиять на СМ языка, снижая его ценность для носителей. Вместе с тем они отмечают, что, несмотря на отдельные случаи языкового нигилизма, для большинства народов России этнический язык остается важным символом, неразрывно связанным с понятием принадлежности к определенному народу.

Работа Г.А. Дырхеевой и Ч.С. Цыбеновой рассматривает влияние доминирующего русского языка на языковые установки и лояльность носителей

бурятского и тувинского языков. Авторы отмечают, что, несмотря на необходимость владения русским языком для интеграции в общероссийское и мировое пространство, миноритарные языки сохраняют достаточную субъективную жизнеспособность и обладают высоким уровнем СМ [Дырхеева, Цыбенкова, 2020: 71]. Указанное наблюдение подтверждает важность различения функциональной нагрузки языка и его СМ. Русский язык воспринимается преимущественно как инструментальный, необходимый для практических целей, тогда как бурятский и тувинский языки сохраняют свою СМ, будучи связанными с культурным и этническим прошлым, идентичностью и ценностными ориентациями носителей. Данное исследование подкрепляет идею о том, что СМ языка может служить фактором его сохранения даже в условиях доминирования другого языка. Пока язык сохраняет свою СМ для носителей, он имеет потенциал для дальнейшего развития и передачи будущим поколениям, даже если его коммуникативные функции ограничены.

А.Н. Биткеева продолжает развивать концепцию СМ языка, применяя ее к анализу ЯС в различных регионах России. В труде, посвященном социалингвистическому прогнозированию, она включает СМ в многофакторную модель анализа ЯС на локальном уровне [Биткеева, 2022: 42]. СМ включается также в число универсальных параметров языковой биографии этнической группы, определяемых через отношение носителей к языку, самоидентификацию и межгрупповые отношения [Биткеева, 2023].

Автор демонстрирует, как СМ проявляется на практике, анализируя данные социалингвистических исследований в Туве и Калмыкии. В случае тувинского языка, несмотря на наблюдающийся языковой сдвиг в сторону русского языка, фиксируется высокая СМ тувинского, подтверждаемая высоким процентом респондентов, считающих его родным [Биткеева, 2022: 44]. Высокая СМ тувинского языка коррелирует с высоким уровнем языковой компетенции среди молодежи и старшего поколения, что может свидетельствовать о ее роли в поддержании языковой жизнеспособности. В Калмыкии, несмотря на низкий

уровень владения калмыцким языком, также наблюдается высокая СМ, выражающаяся в поддержке обучения калмыцкому языку в школах [там же: 46].

Выявленный факт подтверждает, что язык может выступать как этнический символ, связывающий носителей с историей и культурой своего народа, даже при отсутствии активного использования в повседневной коммуникации. Автор указывает на взаимосвязь демографической, коммуникативной и символической мощности языка, предполагая, что рост численности этнической группы может способствовать укреплению как коммуникативной, так и символической мощности языка [там же: 48].

М.Я. Каплунова также включает СМ в набор параметров, определяющих модель развития языков. Автор использует дедуктивный подход: на основе полевых исследований и анализа специфики функционирования языка оценивается его витальность и принадлежность языка к определенной модели развития, затем анализируется влияние различных факторов, включая СМ [Каплунова, 2023]. Это говорит о том, что СМ не просто теоретическая конструкция, а практически значимый параметр, который можно оценить эмпирически.

В исследовании А.Н. Биткеевой, М.А. Горячевой и С.В. Кириленко, посвященном функциональной дистрибуции чеченского языка, понятие СМ используется для объяснения относительно стабильной витальности языка в семейном и культурном контексте. Авторы утверждают, что высокая СМ чеченского языка и устойчивая потребность в выражении идентичности среди его носителей способствуют его сохранению [Биткеева и др., 2024: 30]. В работе затрагивается соотношение СМ и языковой компетенции. Авторы отмечают, что у некоторых этнических групп может наблюдаться диссонанс между высокой СМ языка и низким уровнем владения им. В таких случаях язык функционирует скорее как этнический символ, нежели как средство повседневного общения. Чеченский язык выделяется на этом фоне: для чеченской этнической группы понятия родного и этнического языка совпадают, высокая СМ языка сочетается с высоким уровнем языковой компетенции [там же: 48].

Таким образом, данное исследование демонстрирует, что СМ языка может быть фактором его сохранения. В случае чеченского языка высокая СМ, связанная с идентичностью и культурными традициями, сочетается с активным использованием языка в различных сферах жизни, что способствует его устойчивому положению в языковом пространстве Чеченской Республики. Данное явление подтверждает важность учета как символической, так и коммуникативной мощности языка при анализе языковых процессов.

А.Ф. Ханова, Т.А. Больгина и О.В. Драгой предлагают новый подход к измерению СМ языка, вводя понятие коэффициента эмотивности (*далее – КЭ*). Они определяют КЭ как количественное соотношение людей, не владеющих этническим языком, при этом считающих его родным [Ханова и др., 2024: 60]. Указанный подход фокусируется на эмоциональной связи с языком, которая может сохраняться даже при отсутствии активной языковой практики. Авторы связывают КЭ с СМ языка, утверждая, что рост КЭ свидетельствует об увеличении СМ и актуализации этнической идентичности [там же: 62]. Анализ данных ВПН-2010 и ВПН-2020 показал статистически значимое увеличение КЭ, что, по мнению авторов, подтверждает их гипотезу.

Данный подход представляет попытку количественной оценки СМ языка, подчеркивая важность эмоционального компонента в восприятии языка как символа этнической принадлежности. Введение КЭ позволяет учитывать тех носителей языка, которые, возможно, не используют его в повседневной коммуникации, при этом сохраняют к нему эмоциональную привязанность, что важно для понимания динамики языковых процессов. Необходимо дальнейшее исследование для валидации этого метода и определения границ его применимости, что убедительно продемонстрировано в методологических изысканиях Э.В. Хилхановой и Г.А. Дырхеевой, предложивших систему верификационных критериев для оценки надежности количественных показателей СМ языка [Хилханов, Дырхеева, 2024].

В целом, концепт СМ языка представляет фундаментальную методологическую инновацию, отражающую парадигмальный сдвиг в

социолингвистике. Его эвристический потенциал для настоящего исследования обусловлен спецификой объекта изучения. Эвенкийский язык в якутоязычных сообществах не обладает коммуникативной мощностью, однако существует в сознании эвенков при отсутствии языковой компетенции. СМ позволяет концептуализировать ситуацию, когда язык, не функционирующий как средство повседневного общения, имеет высокую значимость для сообщества.

Настоящее исследование не ставит задачу разработки универсальной модели СМ языка. Концепт используется как аналитический инструмент для изучения эвенкийского языка в восприятии неговорящих на нем эвенков, то есть для анализа того, как язык существует в сознании тех, кто им не владеет, какие функции он выполняет, какую роль играет в конструировании этнической идентичности. СМ в данном контексте выступает как способ теоретического осмысления феномена, когда отсутствие коммуникативной компетенции не означает отсутствие языка в жизни сообщества.

В качестве рабочего определения символическая мощность языка понимается как зонтичное понятие, интегрирующее различные проявления субъективного отношения к языку и определяемое как степень значимости языка для сообщества в качестве символа этнической идентичности независимо от уровня владения языком и интенсивности его коммуникативного использования.

1.2. Эвенки и эвенкийский язык в ситуации языкового сдвига

Эвенки входят в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (*далее* – КМНС). Согласно данным ВПН-2020, численность эвенков в России составила 39 226 чел. Территория проживания эвенков выходит за пределы российских границ, охватывая северные районы Китая и Монголии, что свидетельствует о трансграничном характере их дисперсности.

Демографическая особенность, малочисленность эвенков в России, сочетается с уникальной пространственной протяженностью ареала их расселения. Территориальная рассредоточенность эвенкийского населения практически не

имеет аналогов среди других КМНС России. Эвенки населяют пространства, охватывающие более десятка крупнейших регионов Сибири и Дальнего Востока, при этом широтная и меридиональная протяженность ареала достигает нескольких тыс. км. Подобная дисперсность расселения создала условия для формирования множественных локальных вариантов языковой и культурной практики, что необходимо учитывать при социолингвистическом анализе. Отсутствие компактной этнической территории и включенность эвенкийских сообществ в различные региональные контексты обусловили разнообразие траекторий языкового развития в отдельных группах. При этом география расселения эвенков России характеризуется выраженной неравномерностью. Основная часть эвенкийского населения России (около 80%) сосредоточена на территории субъектов ДФО, а в составе округа Якутия выступает ключевым по отношению к типу расселения регионом, где проживает примерно половина всех дальневосточных эвенков [Степанов, 2022: 23].

Современное официальное наименование народа закрепилось в результате сложного исторического процесса этнонимической трансформации. Как отмечает А.А. Сирина, «название эвенки с начала 1930-х годов стало официальным этнонимом групп тунгусов, орочонов, илэ, хамниганов, манегров, отчасти ламутов» [Сирина, 2012: 53]. Унификация этнонима осуществлялась в рамках советской национальной политики, направленной на упорядочивание этнической номенклатуры и создание административных единиц по этническому принципу. При этом сам факт принятия нового названия различными территориальными группами свидетельствовал о том, что термин не воспринимался как полностью чуждый большинством населения [там же: 55].

Исторические источники фиксируют значительно более раннее использование данного этнонима. А.Н. Варламов со ссылкой на архивные документы указывает, что одно из первых письменных упоминаний этнонима «эвенки» встречается в документе 1677 г. Также уже «уже во второй половине XVIII в. исследователи обоснованно приводили этноним эвэн/эвэнки в качестве самоназвания тунгусов» [Варламов, 2022: 629], что сообщает о параллельном существовании эндоэтнонима

и экзоэтнонима на протяжении длительного исторического времени. Этноним «тунгус» не был самоназванием и распространен по преимуществу в исторических документах и научной литературе. При этом экзоэтноним сохранялся не только в официальном употреблении. Автор отмечает, что название «тунгус» продолжает и сейчас бытовать в неофициальной этнической среде, где используется наряду с автоэтнонимами [там же: 621].

К середине XX в. название «эвенки» окончательно утвердилось в официальных документах, научном дискурсе и в среде самого народа. А.А. Сирина интерпретирует данное закрепление как отражение процесса формирования единого этнического самосознания у территориально рассредоточенных групп [Сирина, 2012: 55]. Консолидация под общим наименованием создала основу для осмысления эвенков как единого народа, несмотря на сохраняющуюся региональную специфику локальных сообществ.

Вопрос о природе этничности и механизмах формирования этнической идентичности составляет предмет продолжающихся теоретических дискуссий в этнологии, этносоциологии, социокультурной антропологии. Наше исследование не ставит задачу включения в эти дебаты. Для целей социолингвистического анализа мы исходим из понимания этничности (по А.А. Сириной), как явления, формирующегося на основе совокупности реальных генеалогических связей, родственных отношений, общности территории проживания и системы разделяемых ценностей. Этническая идентичность в подобном понимании воспроизводится через социализацию в определенной культурной среде, при этом положение отдельного индивида определяется его включенностью в более широкое сообщество. Применительно к сибирским народам речь идет о процессах, имеющих глубокие исторические корни [там же: 125]. Данная интерпретация позволяет рассматривать эвенкийскую этническую идентичность как устойчивое явление, сохраняющееся независимо от трансформаций в языковой сфере.

Одним из компонентов этничности традиционно выступает язык, хотя степень его значимости для этнической идентификации может существенно варьироваться в различных социокультурных контекстах. Отмеченная выше территориальная

рассредоточенность эвенкийского населения по обширным пространствам Сибири и Дальнего Востока обусловила значительную диалектную раздробленность эвенкийского языка. Даже внутри одного региона могут сосуществовать несколько локальных эвенкийских групп, различающихся по языковым особенностям. Например, эвенкийское население Республики Бурятия представлено тремя говорами, каждый из которых имеет свои фонетические и лексические особенности [Афанасьева, 2023: 30]. Сходная ситуация наблюдается в Амурской области, где выделяются зейский, желтулакский и селемджинский говоры эвенкийского языка, демонстрирующие заметные отличия как от литературной нормы, так и между собой [Булатова, 1987: 11]. Диалектная дифференциация приводит к существенным региональным различиям не только в языковой структуре, но и в функционировании и витальности эвенкийского языка, что делает необходимым применение дифференцированного подхода к его социолингвистическому анализу.

В целом, ситуация с эвенкийским языком в России характеризуется выраженной неоднородностью. Н.Б. Вахтин, анализируя языковые процессы у народов Севера, отнес эвенкийский язык к «особому случаю» [Вахтин, 2001: 180], что обусловлено сочетанием широкого географического распространения с малочисленностью локальных групп и разнообразием контактных ситуаций.

Общая неблагоприятная тенденция развития эвенкийского языка была зафиксирована уже в 1990-е гг., когда он был включен в «Красную книгу языков народов России» [1994] как язык, находящийся под реальной угрозой исчезновения. В классификации В.А. Роббека, основанной на степени сохранности языков КМНС, эвенкийский язык отнесен к третьей группе – языкам, имеющим неблагоприятные показатели по большинству признаков, сохранение которых зависит от целенаправленных усилий государства [Роббек, 1998: 53]. Вместе с тем исследователь подчеркивал значительную вариативность ЯС в различных регионах проживания эвенков.

Данная региональная дифференциация нашла отражение в типологии моделей функционирования языков КМНС, разработанной В.А. Роббеком и П.А. Слепцовым на материале Якутии. Согласно их классификации, эвенкийский язык в

различных районах республики соответствует всем трем выделенным моделям. Первая модель, предполагающая параллельное функционирование этнического и русского языков с развитой системой образования и СМИ на этническом языке, реализуется в отдельных улусах компактного проживания эвенков. Вторая модель, при которой этнический язык сохраняется лишь у представителей старшего поколения, а средством общения становится русский или якутский язык, характерна для других групп эвенков. Третья, промежуточная модель, при которой язык функционирует в ограниченных сферах (преподается только в начальных классах), также представлена в отдельных группах КМНС в улусах республики [Роббек, Слепцов, 1999: 36].

Аналогичная вариативность характерна для эвенкийского языка на всей территории его распространения в России. Актуальное измерение языковой витальности в эвенкийских населенных пунктах различных регионов подтверждает существенную дифференциацию в степени сохранности языка: ситуации варьируются по пяти уровням витальности – от «начала языкового сдвига» до «исчезнувшего» языка [Казакевич и др., 2022: 37]. Зафиксированный разброс свидетельствует о том, что единая характеристика состояния эвенкийского языка в целом неизбежно упрощает реальную картину.

Вместе с тем, несмотря на локальные различия, доминирующая тенденция развития эвенкийского языка остается неблагоприятной. Обобщающая оценка, представленная Институтом языкознания РАН в «Списке языков России и статусов их витальности», определяет витальность эвенкийского языка как 2Б-, указывая на прерванную практически повсеместно межпоколенческую передачу, за возможным исключением сс. Иенгра и Усть-Нюкжа [Коряков и др., 2023: 51]. Однако детальные социолингвистические исследования указанных населенных пунктов выявляют ограниченность даже сохранившихся очагов живого функционирования языка. В с. Иенгра Республики Саха (Якутия) эвенкийский язык используется преимущественно старшим и средним поколениями в семейном общении и в кочевых родовых общинах, тогда как в школе он представлен лишь как один из предметов с небольшой учебной нагрузкой [Стручков, 2018: 96]. В с. Усть-Нюкжа

Амурской области наблюдается упрощение структуры языка, особенно среди тех, кто мало времени проводит в тайге, активное использование русских заимствований. Молодое поколение, за исключением детей из семей оленеводов и охотников, демонстрирует низкий уровень владения эвенкийским языком, а смешанные браки способствуют доминированию русского языка в семейном общении [Иванашко и др., 2017: 18]. Приведенные данные свидетельствуют о хрупкости даже относительно благополучных случаев и указывают на общую тенденцию сокращения сфер функционирования эвенкийского языка на всей территории его распространения. Таким образом, для большинства территориальных групп эвенков России, включая и Якутию, актуальной является ситуация языкового сдвига на поздних стадиях его развития.

Под языковым сдвигом в социалингвистике понимается «процесс и результат утраты этносом этнического языка» [Словарь социалингвистических ..., 2006: 276]. Данное определение акцентирует внимание на двух аспектах явления: процессуальном (как происходила утрата) и результативном (какое состояние сложилось). Применительно к эвенкам Якутии языковой сдвиг характеризуется значительной неравномерностью: если в отдельных локальных сообществах сохраняется ограниченное функционирование языка в специфических сферах (оленеводство, охотничий промысел, внутрисемейное общение старших поколений), то в других сообществах он может считаться завершенным – язык утратил коммуникативную функцию во всех возрастных группах и сферах общения.

Ситуация завершенного языкового сдвига представляет особый исследовательский интерес для настоящей работы. Уникальность данной ситуации заключается в том, что утрата языком коммуникативной функции не обязательно влечет утрату этнической идентичности. Более того, язык, переставший быть средством повседневного общения, может сохранять значимость для сообщества в ином качестве – как символ этнической принадлежности, маркер этнокультурной идентичности, связующее звено с предками и традицией. Вместе с тем, СМ присуща языкам независимо от степени их коммуникативной витальности. Как

коммуникативно и демографически мощные языки, так и языки с ограниченными сферами функционирования могут обладать высокой СМ для своих (не)носителей. Однако в ситуации, когда язык активно используется в коммуникации, его символическая и коммуникативная мощь тесно переплетены, что затрудняет их раздельное изучение: престиж языка может быть обусловлен как его практической полезностью, так и символическими ассоциациями, а эмоциональная привязанность к языку может подкрепляться ежедневной речевой практикой.

Именно в контексте завершенного языкового сдвига становится возможным развести коммуникативную и символическую мощь языка, проанализировать их относительную автономность. Если коммуникативная мощь языка объективно измеряется количеством владеющих им, сферами использования, интенсивностью функционирования, то СМ может сохраняться и даже возрастать при минимальной или нулевой коммуникативной функции языка. Данное явление превращает ситуацию завершенного языкового сдвига в методологически продуктивную исследовательскую среду для изучения СМ языка в ее относительно изолированном виде, не опосредованной практикой реального использования языка в коммуникации.

Логика настоящего исследования следует от процесса к результату, от диахронии к синхронии. Вторая глава работы посвящена реконструкции хронологии языкового сдвига у различных территориальных групп эвенков Якутии, что обусловлено необходимостью понимания исторической траектории языкового сдвига и тем самым воссоздания необходимого контекста для интерпретации современного состояния. Третья глава, составляющая основное содержание работы, представляет собой синхронное исследование СМ эвенкийского языка в якутоязычных эвенкийских сообществах – там, где языковой сдвиг может считаться завершенным. Фокус на якутоязычных эвенках позволяет изучить феномен в его предельном выражении: как функционирует язык в сознании тех, кто им не владеет, какие смыслы с ним связываются, какую роль он играет в конструировании и поддержании этнической идентичности при полном отсутствии коммуникативного использования.

1.3. Методологическая стратегия исследования

Как отмечено выше, изучение СМ эвенкийского языка в условиях языкового сдвига требует комплексного методологического подхода, сочетающего диахронический анализ исторических процессов с синхроническим изучением современной ЯС. Подобное сочетание основано на базовом разграничении синхронической и диахронической социолингвистики [Беликов, Крысин, 2001: 170].

Синхронический подход, ставший традиционным для отечественной социолингвистики и получивший программное название в классической работе Л.Б. Никольского «Синхронная социолингвистика» [1976], направлен на описание актуального состояния ЯС, функционирования языка в обществе в определенный момент времени.

Диахронический подход, находящийся в стадии активного становления и терминологического самоопределения, имеет иную исследовательскую задачу: «Целью социолингвистического изучения языка в диахроническом аспекте является установление связей между историей языка, изменениями, происходящими в нем в ходе исторического развития, – и историей общества, которое «обслуживается» данным языком, теми социальными, экономическими и культурными изменениями, которые характеризуют эволюцию данного общества и его институтов» [Беликов, Крысин, 2001: 173]. Для обозначения данного направления используются различные термины: «ретроспективная социолингвистика» [Словарь социолингвистических ... 2006: 59], «социолингвоисторическое исследование» [Бурятский язык ..., 2009], «историко-социолингвистическое исследование» [Ершова, 2013], «историческая социолингвистика» [Челышева, 2020] и др.

Применительно к настоящему исследованию релевантен подход исторической социолингвистики, предполагающий «движение от нелингвистического материала (исторические сведения, содержание литературных произведений, свидетельства материальной культуры и др.) к воссозданию элементов социолингвистической

ситуации» [там же: 10]. Подобная логика позволяет реконструировать процессы языкового сдвига, протекавшие на протяжении нескольких столетий, используя разнородные источники, фиксировавшие не столько языковую реальность как таковую, сколько социальные, демографические и этнокультурные процессы, которые ее формировали.

Необходимость интеграции обоих подходов обусловлена спецификой исследовательской задачи. Символическая мощь языка – это синхронное явление, но его понимание требует диахронической реконструкции процесса утраты коммуникативных функций на протяжении нескольких столетий. Без такой временной перспективы интерпретация современных проявлений СМ языка оказывается лишенной необходимого контекста.

Однако временное измерение процессов языкового сдвига неотделимо от пространственного: процессы языкового сдвига разворачивались неравномерно у различных территориальных групп эвенков Якутии, что требует отдельного рассмотрения каждой из них. Смешение в едином анализе сообществ, находящихся на разных стадиях языкового сдвига, приводит к утрате аналитической глубины и искажению картины. Выделение территориальных групп должно опираться на комплекс критериев: географическую локализацию, административные границы, характер исторических контактов с другими этническими группами, хронологию языковых процессов.

Необходимость учета как временного, так и пространственного измерения признается методологическим принципом социолингвистического описания языков малочисленных народов. Как отмечают исследователи, адекватное изучение ЯС требует, во-первых, расширения временных рамок для выявления тенденций развития и, во-вторых, максимальной конкретизации географических параметров, поскольку «языковая ситуация малочисленного народа может меняться от поселка к поселку, в зависимости, например, от интенсивности контакта с представителями других народов. Если учесть, что места компактного проживания малочисленного народа часто бывают разбросаны по обширной территории и, таким образом, значительно удалены друг от друга, становится очевидным, что некоторая

усредненная картина языковой ситуации для данного народа, полученные в целом по стране или даже по отдельному крупным региону, не дает адекватного представления о наличном состоянии языка, ни о перспективах его выживания» [Аношкина, Казакевич, 1995: 9].

Источниковая база исследования должна включать материалы различной природы, компенсирующие ограничения друг друга. Первую категорию составляют архивные документы, фиксирующие этнический состав населения, демографические процессы, практики межэтнических браков. Для периода с XVIII в. таким источником служат ревизские сказки. Доступ к данным указанных документов осуществляется опосредованно, через опубликованные работы историков и этнографов, проводивших архивные изыскания и систематизировавших материалы ревизий.

Вторую категорию источников формируют описания исследователей и путешественников XVII-XX вв. Ценность данных материалов заключается в непосредственной фиксации ЯС современниками, имевшими возможность наблюдать владение тунгусами (эвенками) этническим языком, степень распространения двуязычия, особенности межэтнического взаимодействия. Сопоставление наблюдений различных авторов по одной территории в близкие периоды времени повышает надежность реконструкции.

Третью категорию образуют материалы этнографических исследований советского периода. Работы профессиональных этнографов, проводивших длительные полевые исследования, содержат систематические данные о расселении отдельных родов, их хозяйственной деятельности. Особую ценность представляют случаи, когда исследователь фиксирует конкретные примеры языкового сдвига в определенных семьях или родовых группах, указывает на факторы, способствовавшие утрате или сохранению языка.

Четвертую категорию составляют данные переписей населения. Материалы переписей с 1897 г. по настоящее время формируют статистическую основу для анализа динамики владения языком. Сопоставление данных последовательных переписей позволяет выявить тенденции изменения численности владеющих

этническим языком, трансформацию структуры двуязычия. При этом интерпретация переписных данных требует критического подхода, поскольку сам «термин «родной язык» мог пониматься по-разному, а ответы нередко более отражали языковые предпочтения, чем реальную ситуацию» [Алпатов, 2000: 108].

Пятую категорию образуют социолингвистические обследования второй половины XX – первой четверти XXI вв. Осуществленные исследования предоставляют детальную информацию о ЯС в конкретных населенных пунктах, включая данные о возрастной структуре носителей языка, сферах функционирования языка, характере двуязычия, языковых установках. Особую значимость представляют повторные обследования одних и тех же населенных пунктов, позволяющие зафиксировать изменения за определенный период времени.

Комплексное использование разнородных источников позволяет восполнять ограничения каждого типа материалов. Так, статистические данные переписей дают количественные параметры ЯС, однако не раскрывают качественных характеристик владения языком, сфер его использования, языковых установок населения. Напротив, этнографические описания и социолингвистические обследования предоставляют качественную информацию, хотя и ограничены по географическому охвату и временным рамкам. Исторические свидетельства позволяют проследить динамику процессов, тогда как современные исследования фиксируют актуальное состояние. Только интеграция всех этих типов материалов создает полноценную основу для анализа на базе метода социолингвистической интерпретации – «интерпретации в социолингвистических целях экстралингвистического материала, известного из гражданской истории, истории культуры и т. п.» [Словарь социолингвистических ..., 2006: 123].

Общая методологическая установка реализуется посредством конкретных аналитических процедур. Сравнительно-исторический метод применяется для реконструкции последовательности этапов языкового сдвига. Сопоставление свидетельств различных периодов позволяет определить, когда начался переход на якутский язык в той или иной территориальной группе, как долго продолжался

период двуязычия, когда произошла окончательная утрата этнического языка как средства повседневного общения.

Демографический анализ данных переписей направлен на выявление корреляций между демографическими процессами и динамикой владения этническим языком. Анализ возрастной структуры носителей языка позволяет определить, происходит ли межпоколенческая передача языка. Концентрация владеющих языком в старших возрастных группах при их отсутствии среди детей свидетельствует о прерывании передачи. Сопоставление численности этнической группы с численностью владеющих языком в динамике выявляет масштабы языкового сдвига.

Факторный анализ необходим для выявления причин языкового сдвига и оценки относительной значимости различных факторов. Методология предполагает рассмотрение нескольких групп факторов. Демографические факторы включают численное соотношение эвенков и якутов на конкретной территории, интенсивность смешанных браков. Экономические факторы охватывают степень вовлечения в товарно-денежные отношения, характер хозяйственной деятельности, трансформацию традиционных промыслов. Социально-политические факторы включают административную политику, особенности ясачной системы, создание и ликвидацию национальных районов. Институциональные факторы охватывают языковую политику в образовании, функционирование СМИ на этнических языках, деятельность культурных учреждений и др.

Анализ образовательной политики опирается на официальную статистику о преподавании эвенкийского языка, доступ к которой осуществляется через опубликованные работы исследователей, систематизировавших данные министерства образования и статистических данных различных периодов. Необходимо проследить динамику следующих показателей: количество школ, где преподается эвенкийский язык; численность учащихся, изучающих язык; объем учебной нагрузки (количество часов в неделю); уровень образования, на котором ведется преподавание (начальная школа, основная школа, полная средняя школа);

статус языка (язык обучения, обязательный предмет, факультатив). Использование обработанных статистических данных позволяет сопоставить показатели за длительный период, охватывающий советский и постсоветский периоды. При этом необходимо учитывать возможные различия в методологии сбора и представления статистических данных разными исследователями и в разные исторические периоды.

Синхронное исследование современной ЯС требует применения комплекса эмпирических методов, центральное место среди которых занимает полевое социолингвистическое обследование.

Эмпирическая база формировалась в 2022-2025 гг. в рамках проекта «Организация и проведение мониторинга функционирования языков коренных народов Республики Саха (Якутия)», реализованного ИГиИПМНС СО РАН (рук. – к.ф.н. Н.Е. Захарова)¹. География проекта охватила 34 населенных пункта компактного проживания КМНС. Автор входил в состав исполнителей проекта и принимал участие в полевых исследованиях. В настоящей работе использованы данные опросов эвенкийского населения из девяти обследованных сельских поселений: Жиганск, Кыстатыам, Баханай, Бестях (Жиганский район); Петропавловск, Кюпцы, Эжанцы (Усть-Майский район); Иенгра (Нерюнгринский район); Тяня (Олекминский район) (n=515). Сбор данных осуществлялся посредством структурированного анкетирования, дополненного глубинными интервью и методом включенного наблюдения. Выборка формировалась с соблюдением половозрастных квот.

Особое внимание в исследовании уделяется молодежной когорте (15-40 лет) как группе, определяющей будущее языка. Выбор возрастных границ следует исследовательской традиции, сложившейся применительно к народам Севера: нижняя охватывает школьников старших классов, верхняя соотносится с принятым в РФ критерием учета молодых кадров в производстве [Игнатьева, 2022: 9]. Для

¹ Проект осуществлен в рамках Государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020-2024 гг.», утвержденной Постановлением Правительства РС(Я) от 15.09.2021 г.

углубленного анализа языковых установок молодежи привлекаются дополнительные данные, собранные в 2021 г. в рамках проекта ИГиПМНС СО РАН «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций» (рук. – к.и.н. В.Б. Игнатьева)², в котором автор также выступал исполнителем. Обобщенные результаты проекта представлены в коллективной монографии «Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии» (2022). В настоящей работе полевые материалы указанного проекта привлечены для вторичного анализа в ином исследовательском ракурсе, с фокусом на эвенкийской молодежи и специфике ЯС.

Так, из общего массива данных отмеченного проекта, охватившего 15 населенных пунктов, для анализа отобраны ответы эвенкийской молодежи из семи сельских населенных пунктов: Саскылах (Анабарский район), Таймылыр (Булунский район), Сюльдюкар (Мирнинский район), Оленек (Оленекский район), Иенгра (Нерюнгринский район), Тяня (Олекминский район), Хатыстыр (Алданский район) (n=234). Внутри молодежной группы проводится стратификация по трем основаниям: региону проживания (Северо-Западная Якутия vs Южная Якутия), уровню этнической рефлексии (высокая vs низкая) и возрасту респондентов (15-19 лет vs 20-40 лет). Принятое дробление позволяет выявить механизмы влияния этнической идентичности на языковые установки, проследить их возрастную динамику и зафиксировать региональные различия.

Анализ данных ВПН-2020 составляет вторую важную компоненту методологии синхронного исследования. Обращение к переписной статистике обусловлено отсутствием масштабных социолингвистических работ, которые бы охватывали все территории расселения эвенков в республике.

² Проект реализован по «Программе фундаментальных и прикладных научных исследований РАН, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2020-2022 гг.» (по поручению Президента РФ В.В. Путина №Пр-71, п.6 от 16.01.2020 г.).

Анализ проводится в нескольких разрезах. Общереспубликанский уровень фиксирует динамику показателей для всей совокупности эвенков Якутии в сравнении с предыдущими переписями. Районный уровень выявляет территориальную дифференциацию ЯС. Для каждого из девяти районов с эвенкийским населением определяется численность эвенков, доля владеющих эвенкийским языком, доля использующих его, соотношение этих показателей. Там, где это возможно, анализ детализируется до уровня отдельных населенных пунктов³. Сопоставление ВПН-2010 и ВПН-2020 позволяет зафиксировать тенденции изменения ЯС за межпереписной период.

При этом необходимо учитывать ряд ограничений используемого источника данных. Прежде всего, следует принять во внимание особые условия проведения ВПН-2020, связанные с пандемией COVID-19, что могло негативно отразиться на качестве и полноте собираемых сведений. Кроме того, успешному проведению переписи «препятствовали низкий уровень информированности населения о переписи и невысокое доверие граждан к власти. Основная проблема, с которой столкнулись переписчики в ходе осуществления своей работы, связана с нежеланием населения участвовать в переписи» [Фарахутдинов, Хайруллина, 2022: 73]. Более того, выявлено «ряд неточностей и противоречий в результирующей статистике ВПН-2020 о национальном и языковом составе России. Перепись оказалась существенно менее достоверным опросом, чем предыдущие всероссийские переписи, а потому требуется осторожное обращение с ее итогами при научно-аналитической работе и реализации государственной национальной политики» [Габдрахманова, Алос-И-Фонт, 2024: 36].

Более фундаментальная методологическая проблема связана с самой природой переписи как инструмента фиксации культурных идентичностей. Как справедливо отмечает Е.В. Головкин, «переписи населения не могут считаться научным источником, и, соответственно, опора на их результаты неизбежно дает

³ В работе используются официально опубликованные материалы ВПН-2010 и ВПН-2020 в разрезе населенных пунктов. Данные взяты из базы данных «Этноязыковой состав всех населенных пунктов России», составленной к.ф.н. Ю.Б. Коряковым на основе результатов переписей населения и опубликованной на сайте <http://lingvarium.org/russia/index.shtml>.

искаженную картину. Формулировка вопросов в переписях, введение тех или иных категоризаций самым тесным образом связаны с политикой и от нее прежде всего зависят. ... в переписях предпринимается попытка простыми методами пересчитать сложные сущности, какими являются культурные идентичности. ... конечной целью вопроса о родном языке также оказывается выяснение культурной идентичности респондента» [Головко, 2016: 18]. Таким образом, данные переписей следует рассматривать не как объективное отражение ЯС, а как индикатор декларируемых языковых идентичностей, что, впрочем, имеет самостоятельную исследовательскую ценность в контексте настоящего исследования.

В целом, несмотря на отмеченные ограничения, материалы переписей населения остаются незаменимым источником для сравнительного анализа, поскольку обеспечивают сбор унифицированных данных по единой методологии на всей территории страны, что открывает возможности для выявления общих закономерностей и тенденций в развитии языковых процессов. В последние годы результаты ВПН-2020 активно вводятся в научный оборот: специалисты используют их для анализа актуального состояния и динамики ЯС в России как на общенациональном, так и на региональном и этническом уровнях. Работы М.А. Горячевой [2023], Э. Алос-И-Фонта [2023], А.Ф. Хановой, Т.А. Больгиной, О.В. Драгой [2024] и др. демонстрируют потенциал переписной статистики для изучения демографической, коммуникативной, символической мощности языков и оценки скорости языкового сдвига.

В то же время ряд исследований акцентирует внимание на необходимости дополнения анализа всероссийских переписных данных результатами региональных социолингвистических обследований. Работы А.И. Фатхутдиновой [2024], Т.Г. Боргояковой и Ч.Б. Донгак [2024], Э.В. Хилхановой и Г.А. Дырхеевой [2024] и др. показывают, что учет локальной специфики и привлечение дополнительных источников информации способствуют уточнению выводов, сделанных на базе переписной статистики, а также более глубокому пониманию механизмов и факторов языкового сдвига в отдельных этнических сообществах.

Осознавая ограниченность переписных данных, автор верифицирует их через сопоставление с результатами локальных социолингвистических обследований. Последние, используя более детальную шкалу оценки языковой компетенции, позволяют уточнить интерпретацию переписных показателей и выявить возможное завышение доли владеющих языком. Комплексный подход обеспечивает достаточно объективную картину ЯС у эвенков Якутии.

Углубленное исследование отдельного локального сообщества, проведенное автором в 2022-2025 гг., необходимо для детального анализа проявлений СМ языка. Продуктивность изучения конкретных территориальных групп эвенков для выявления специфики этноязыковых процессов убедительно продемонстрирована в диссертационном исследовании Н.А. Мамонтовой, посвященном изучению связи между языком и этнической идентичностью илимпийских эвенков Красноярского края [Мамонтова, 2013]. Осуществленное автором исследование отдельного эвенкийского сообщества показало методологическую ценность углубленного анализа конкретного локального случая, что обосновывает выбор аналогичной исследовательской стратегии в настоящей работе.

В качестве объекта выбрано с. Сюльдюкар Мирнинского района по нескольким причинам. Это моноэтническое эвенкийское село с компактным расселением обособленной группы северных эвенков, восходящих к брагатским/бырангатских эвенкам, что минимизирует влияние внешних факторов. Население полностью якутоязычно при сохранении эвенкийской идентичности, что создает идеальные условия для изучения СМ языка без влияния коммуникативной функции. Село обладает статусом национального эвенкийского наслега с 1991 г., что позволяет оценить эффект институциональной поддержки этнической идентичности. Здесь функционирует развитая система этнокультурных институтов (школа-этноцентр, детский сад, дом культуры, этномузей), создающих среду для проявления СМ через культурные практики.

Важным методологическим аспектом является позиция исследователя. Автор, являясь сюльдюкарцем, осуществляет исследование с позиции инсайдера. Приобщенность к исследуемому сообществу позволяет применить эмический

подход: интерпретировать количественные данные через призму «взгляда изнутри» и рефлексировать результаты с учетом глубинного понимания локального контекста. Однако позиция инсайдера содержит не только исследовательский потенциал, но и методологические риски. Как справедливо отмечают Ч.К. Ламажаа и Н.Д. Сувандии, «общая позиция инсайдера не может рассматриваться как некое преимущество» [Ламажаа, Сувандии, 2023: 596], поскольку требует осознанной дистанции и критической рефлексии во избежание субъективизма. В данном исследовании отмеченная проблема решается через триангуляцию методов и сопоставление инсайдерской интерпретации с формализованными количественными данными.

Практическая реализация триангуляционной стратегии предполагает сочетание количественных и качественных методов. Количественную основу составляет сплошное анкетирование взрослого эвенкийского населения села ($n=90$), охватывающее все возрастные и социальные группы. Параллельное включение в выборку якутов ($n=30$), создает возможность для сравнительного анализа: сопоставление представлений о языке между этническими группами позволяет определить, в какой степени СМ эвенкийского языка является внутригрупповым явлением либо разделяется более широким локальным сообществом. Качественное измерение исследования формируется за счет глубинных интервью и неформальных бесед, которые выполняют вспомогательную функцию иллюстрирования и верификации количественных данных.

Завершающий компонент триангуляционной стратегии – психолингвистические эксперименты, позволяющие выявить имплицитные установки, недоступные стандартным опросным методам.

В частности, применяется метод ассоциативного эксперимента, широкое использование которого, по замечанию Э.В. Хилхановой, составляет специфику российской традиции исследований на стыке социо- и психолингвистики; данный метод был разработан Московской школой психолингвистики и успешно адаптирован к изучению языковых ситуаций [Хилханова, 2025: 142]. Его эффективность применительно к миноритарным языкам убедительно

продемонстрирована в исследованиях Н.И. Ивановой [2007, 2009, 2012, 2022], Ч.С. Цыбеновой [2013, 2017, 2018], Г.А. Дырхеевой [2020], Т.Г. Боргояковой, А.В. Гусейновой, К.А. Покояковой [2021, 2022] и др. авторов.

В данном исследовании применялся свободный ассоциативный эксперимент, проведенный среди взрослого эвенкийского населения для выявления глубинных структур языкового сознания. Респондентам предлагалось назвать первые слова или фразы, приходящие в голову при упоминании стимула «эбэнки тыла» (*с якут. эвенкийский язык*). Стимул предъявлялся на якутском языке как основном языке повседневного общения в селе. Всего получено 108 реакций.

Исследовательский потенциал метода обусловлен особым характером порождаемых данных: как отмечают И.А. Стернин и А.В. Рудакова, «реакция в условиях свободного ассоциативного эксперимента является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать ее как вербальную актуализацию некоторого семантического компонента слова-стимула, рассматриваемого испытуемым как наиболее яркий, важный для его языкового сознания» [Стернин, Рудакова, 2011: 36].

Обработка данных осуществлялась поэтапно. Первичный количественный анализ фиксировал частотность отдельных лексем, выявлял языковой состав реакций (эвенкийский, якутский, русский), определение которого само по себе информативно. С помощью контент-анализа реакции сгруппированы по тематическим полям; определение относительных долей каждой категории позволило выявить доминирующие способы концептуализации языка. Сопоставление результатов ассоциативного эксперимента с данными анкетирования дало возможность разграничить два уровня языкового сознания: рефлексивный (осознанные установки, фиксируемые через структурированный опрос) и спонтанный (выявляемый через свободное ассоциирование), который может обнаруживать иные приоритеты и способы осмысления языка.

Для изучения восприятия эвенкийского языка подрастающим поколением применялся метод субъективной дефиниции в форме свободного продолжения фразы [Стернин, 2013: 19]. Учащимся 5-11 классов эвенкийской национальности

(16 чел.) предлагалось написать короткое эссе, продолжив фразу «Эвенкийский язык – это...». Данная методика предоставляет детям максимальную свободу в изложении собственного видения, что позволяет выявить спонтанные когнитивные структуры восприятия языка без навязывания исследовательских категорий.

Анализ полученных текстов проводился на нескольких взаимодополняющих уровнях. Лингвистический анализ выявлял частотность синтаксических конструкций, численно доминирующие лексемы, модальность высказываний. Возрастная динамика данных характеристик позволила проследить, как меняется способ вербализации представлений о языке по мере взросления. Контент-анализ группировал содержание по тематическим категориям, определяя, какие аспекты эвенкийского языка (функциональные, символические, эмоциональные и т.д.) актуализируются в сознании школьников; частотность различных категорий выявила приоритеты детского восприятия.

Концептуальный анализ реконструировал метафорические модели, через которые язык осмысливается школьниками эвенкийской национальности. Опираясь на положение о том, что «метафора понимается как средство видения одного объекта через другой» [Бабушкин, Стернин, 2017: 100], анализ выявлял, какие именно концептуальные области (природа, родство, материальные объекты и др.) используются для структурирования детьми абстрактного понятия «язык».

Наконец, фреймовый анализ реконструирует структуру представлений об эвенкийском языке в детском сознании. Под фреймом, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, понимается «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин, 2007: 82]. Они же подчеркивают, что фреймы могут разворачиваться «во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов», образуя сценарии – стереотипные эпизоды с признаком «движения, развития» [там же: 83]. Поскольку сценарий является разновидностью фрейма, в дальнейшем изложении выявленные структуры обозначаются как фреймы, подразумевая их динамический, сценарный характер. Доминирование определенных фреймов показывает, в каких контекстах

дети преимущественно сталкиваются с эвенкийским языком или актуализируют его в своем сознании.

Сравнительный метод пронизывает все уровни анализа. Сопоставление данных по разным районам выявляет региональную специфику. Сравнение показателей разных возрастных когорт фиксирует межпоколенческую динамику. Соотнесение результатов разных методов (анкетирование, ассоциативный эксперимент, свободное эссе) позволяет разграничить различные уровни языкового сознания. Сопоставление мнений различных этнических групп в одном населенном пункте показывает степень консенсуса или различий в восприятии языка.

Ограничения методологии связаны со спецификой объекта исследования. Изучение языка, утратившего коммуникативную функцию, не позволяет применять методы, требующие наблюдения реального речевого поведения. Невозможно использовать запись естественной коммуникации на эвенкийском языке, включенное наблюдение языковых практик, анализ дискурса. Исследование вынуждено опираться на самоотчеты респондентов, что требует осторожного и критического отношения. Декларируемые установки не обязательно совпадают с реальным поведением. Вместе с тем, данное расхождение само по себе может быть информативно для понимания СМ языка.

Таким образом, методология исследования выстраивается как интеграция диахронического исторического анализа и синхронного эмпирического изучения современной ЯС. Комбинирование количественных и качественных методов компенсирует ограничения каждого из них. Сочетание массовых опросов с углубленным изучением отдельного локального сообщества позволяет раскрыть как общие закономерности, так и локальную специфику. Применение разнообразных техник сбора и анализа данных создает методологическую основу для комплексного исследования феномена СМ языка в условиях заверщенного языкового сдвига.

Выводы по Главе 1

В первой главе заложены теоретические и методологические основания для исследования символической мощности эвенкийского языка в условиях языкового сдвига.

Развитие отечественной социолингвистики демонстрирует постепенный переход от преимущественно объективистской ориентации к признанию значимости субъективного измерения языковой ситуации. В советский период доминировало внимание преимущественно к объективным параметрам. Начало изменению данной парадигмы положили работы А.Д. Швейцера середины 1970-х гг., обосновавшие необходимость учета субъективных факторов при анализе языковой ситуации. Дальнейшее развитие направления в 1980-2000-е гг. привело к формированию понимания языковой ситуации как единства объективных и субъективных компонентов. Сегодня языковая лояльность, языковые установки, этноязыковая идентичность и пр. признаются не периферийными, как это было ранее, они рассматриваются как один из центральных детерминантов витальности языков.

Концепт символической мощности языка формируется в отечественной социолингвистике с конца 2010-х гг. как попытка интеграции разрозненных проявлений субъективного отношения к языку. Анализ употребления понятия в работах последних лет показывает его содержательное наполнение через три основных аспекта. Первый связывает символическую мощность с этнической самоидентификацией, когда язык выступает маркером принадлежности к этнической группе. Второй аспект укореняет символическую мощность в системе ценностей и менталитете народа, рассматривая ее как регулятор жизнеспособности языковой общности. Третий, наиболее важный для настоящего исследования, фиксирует способность символической мощности сохраняться при снижении или полной утрате коммуникативной функции языка.

Последнее свойство делает концепт особенно продуктивным для анализа ситуаций языкового сдвига. В случаях, когда язык активно используется в

коммуникации, его символическая и коммуникативная мощь тесно переплетены. Разграничить указанные два измерения в живом функционировании языка затруднительно. Напротив, ситуация завершенного языкового сдвига создает методологически уникальные условия. В данном контексте символическая мощь предстает в относительно изолированном виде, становится доступной для изучения как самостоятельное явление.

Эвенкийский язык представляет собой особый исследовательский случай, что обусловлено сочетанием демографической малочисленности с обширной территориальной протяженностью ареала. Подобная дисперсность при общей численности около 40 тыс. чел. в России создала условия для формирования множественных локальных вариантов не только языковой структуры, что проявляется в диалектной раздробленности, также в траекториях языкового развития. Языковая ситуация у различных территориальных групп эвенков существенно различается: в одних сообществах сохраняется ограниченное функционирование языка; в других наблюдается продвинутая стадия языкового сдвига с сохранением языка только у старшего поколения; в третьих – языковой сдвиг может считаться завершенным, когда язык утратил коммуникативную функцию во всех возрастных группах.

Последний случай представляет наибольший интерес для изучения символической мощи этнического языка. Якутоязычные эвенкийские сообщества в РС(Я), где эвенкийский язык полностью вытеснен якутским из повседневной коммуникации, при том, что эвенкийская этническая идентичность сохраняется устойчиво, создают идеальную исследовательскую среду. Здесь язык существует преимущественно в сознании носителей этнической идентичности, в системе культурных смыслов и символических практик.

Изучение обозначенного феномена требует особой методологической стратегии. Синхронное описание современного состояния оказывается недостаточным без понимания исторической траектории, если учитывать, что символическая мощь языка в ее актуальном проявлении есть результат длительных процессов трансформации языковой ситуации. Поэтому исследование

необходимо строится на интеграции диахронического и синхронического подходов. Диахроническая составляющая реализуется через методы исторической социолингвистики, когда от анализа нелингвистического материала осуществляется движение к реконструкции языковой ситуации прошлого. Синхронная составляющая методологии опирается на полевые социолингвистические обследования, проведенные в 2021-2025 гг.

Триангуляция методов реализуется на нескольких уровнях. На уровне источников сочетаются данные различной природы и различных исторических периодов. На уровне методов сбора интегрируются количественные подходы, такие как структурированное анкетирование, и качественные, включающие глубинные интервью и включенное наблюдение. Применяются также психолингвистические методы, позволяющие выявить имплицитные установки. Специфика объекта определяет ограничения методологии: изучение языка, утратившего коммуникативную функцию, исключает применение методов, требующих наблюдения реального речевого поведения; невозможна запись естественной коммуникации на языке, недоступен анализ живого дискурса.

Сформулированные теоретические положения и методологические принципы создают основу для решения двух взаимосвязанных задач последующих глав. Вторая глава будет посвящена реконструкции процессов языкового сдвига у различных территориальных групп эвенков Якутии в исторической перспективе. Понимание того, как протекал языковой сдвиг, какие факторы его определяли, какова была хронология утраты коммуникативных функций, создает необходимый контекст для интерпретации современного состояния. Третья глава сфокусируется на анализе того, как символическая мощь эвенкийского языка проявляется в сознании якутоязычных эвенков сегодня. Движение от диахронии к синхронии, от процесса к результату обеспечивает понимание символической мощи в качестве динамического явления, имеющего историю формирования и продолжающегося трансформироваться в современных условиях.

ГЛАВА 2. ХРОНИКА И ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА У ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ В XVII-XXI ВЕКАХ

2.1. Общая характеристика языкового сдвига у эвенков Якутии

Активные контакты кочевавших по территории современной Якутии тунгусских племен с предками якутов начались с миграцией последних на Среднюю Лену приблизительно в VI-XII вв. [Алексеев, 2013: 65-67]. Длительный процесс скотоводческой колонизации и формирование якутов как доминирующего сообщества в регионе сопровождалось военными столкновениями с тунгусским населением, отстаивавшим свои территории [Головнев, 2020: 242]. Однако противоречия и конфликты между двумя группами, представлявшими разные типы хозяйств – присваивающий (звероловы) и производящий (скотоводы), не препятствовали интенсивному взаимодействию между ними.

Наиболее отчетливо это отразилось в языке: эвенкийский язык повлиял на грамматический строй якутского. Ранние поколения эвенков, переходя на язык пришельцев, привнесли в него собственные способы грамматического мышления [Слепцов, 2012: 111]. Анализ якутско-эвенкийских языковых контактов выявил различную глубину взаимовлияния: если эвенкийское воздействие охватывало все уровни якутского языка (фонетику, морфологию, лексику), то обратное влияние проявлялось преимущественно в лексических заимствованиях, различающихся по наречиям [Новгородов, 2009: 176]. При этом необходимо отметить, что заимствования из якутского в эвенкийские диалекты Якутии относятся к позднему периоду. Как пишет А.М. Певнов, следов древнеякутского языка в эвенкийском не обнаружено. Группы эвенков, прибывшие позднее или кочевавшие на периферии якутской этнической территории, слабо повлияли на якутский язык, но сами подверглись значительному якутскому влиянию [Певнов, 2020: 274].

Длительность и интенсивность взаимодействия подтверждается и тем, что в верованиях саха фиксируются элементы, заимствованные у эвенков [Алексеев, Васильев, 2012: 350]. Таким образом, если на ранних этапах контактов наблюдалось

взаимное культурно-языковое влияние, то со временем вектор воздействия становился все более односторонним в пользу якутов.

К XVII в., когда в Якутию стали проникать русские, расселение якутов приобрело определенные очертания. К этому моменту существовало шесть обособленных групп якутов, различавшихся по размерам и численности: в бассейне Средней Лены и Амгинско-Ленском междуречье, в нижнем течении Вилюя, в устье Олекмы, в нижнем течении Лены у устьев Муны и Молоды, в верховьях Индигирки и в бассейне Яны [Парникова, 1971, с. 42]. В ряде этих районов якуты соседствовали с эвенками. В частности, по р. Лене, между Алданом и Синею, на примыкающих частях Амги они жили бок о бок [Василевич, 1969: 20]. Следовательно, русские застали уже развитую систему межэтнических отношений между эвенками и якутами. В местах совместного проживания языковые границы между ними становились все менее четкими, создавая условия для постепенного перехода эвенков на якутский язык.

Ключ к пониманию этого процесса дает наблюдение о превращении локальной скотоводческой культуры якутов в магистральную⁴ [Романова и др., 2016: 12]. При этом язык магистральной культуры становился вторым языком локальных групп [Головнев, 2009: 21]. Якутская культура, постепенно осваивая пути по северным рекам, распространялась по территории всей Якутии, а огромный таежно-тундровый регион, принадлежавший ранее тунгусам и юкагирам, становился этнически якутским [Ушницкий, 2016: 63]. Данный процесс усилился во второй половине XVII в., когда социально-экономические изменения стимулировали миграции якутов и способствовали продвижению скотоводства на север [Иванов, 2021: 35]. Таким образом, якутская магистральная культура в XVII-XIX вв. наложилась на существовавшую прежде тунгусскую магистральную, что обусловило взаимное заимствование культурных элементов, формирование общих этнонимов и антропонимов в саха-тунгусской среде и, в итоге, трансформацию этнической карты Северо-Востока Сибири [Ушницкий, Алексеева, 2019: 152].

⁴ Магистральная культура – механизм освоения больших пространств, синтеза локальных культур в сложные сообщества, основанный на социальной адаптации и осваивающий социальные ресурсы [Головнев, 2009: 22].

Успех территориальной экспансии якутов объяснялся несколькими факторами. Главным преимуществом была их скотоводческая культура, которая даже в северных условиях позволяла вести относительно оседлый образ жизни. Как отмечал И.И. Майнов, создание постоянных поселений и сравнительная плотность якутского населения давали им решающее преимущество в борьбе за территории. В результате еще до прихода русских тунгусы были вынуждены шаг за шагом отступать перед якутами [Майнов, 1927а: 403].

Вытеснение эвенков с традиционных земель имело значительные последствия. Оттесненные в вершины горных рек тунгусы столкнулись с упадком традиционных промыслов – звероловства и оленеводства. Они оказались перед выбором: либо сохранять традиционный образ жизни на маргинальных территориях⁵, либо перенимать якутскую хозяйственную модель. Последнее ускорялось благодаря успешной акклиматизации и высокой продуктивности якутского скотоводства. Разведение крупного рогатого скота и лошадей отодвинула на второй план охоту и рыболовство. Вовлекаясь в орбиту якутского хозяйственного уклада, многие племена осваивали скотоводство, по достоинству оценив его «кормящую» эффективность. Переходя к новой форме хозяйства, местное население неизбежно усваивало язык носителей данной культуры, поскольку практическое освоение скотоводства было невозможно без соответствующей терминологии и знаний [Алексеев, Бравина, 2020: 226].

Приход русских к концу первой четверти XVII в. создал новую социально-экономическую ситуацию. Они не просто добавили третий элемент в бинарную систему якутско-эвенкийских отношений, но и установили фискальный режим, в котором старые формы взаимодействия получили новое содержание. Ясачная система, требовавшая от эвенков регулярных поставок пушнины, усилила их зависимость от якутов. Документ 1644 г. описывает эту ситуацию так: «И те ясачные люди тунгусы, – сообщал Степан Гаврилов, посылавшийся для ясачного сбора на Виллой, – соболи промышляют и продают тем конным якутам на быки, и

⁵ Маргинальными можно считать территории, располагающиеся на отдаленной периферии региона или во внутренних изолированных местах, отстающие в развитии относительно всего региона [Зырянов, 2008: 10].

на коровы, и на кумызы, а ясаку государева не платят» [Токарев, 1945: 80]. Таким образом, под влиянием новой фискальной системы прежнее звероловство эвенков превратилось в «звероистребление» [Майнов, 1927а: 403], а сами они оказались втянуты в систему товарно-денежных отношений, где якуты выступали необходимыми посредниками.

Регулярные торговые отношения требовали хорошего знания языка партнеров, делая владение якутским условием экономического выживания. Более того, общая угроза со стороны русской администрации порой объединяла якутов и эвенков в совместных военных выступлениях против русских промышленников и казаков, что создавало дополнительные стимулы для языкового взаимодействия [Токарев, 1945: 229].

Вместе с тем, отношения тунгусов с якутами в XVII-XVIII вв. носили сложный и противоречивый характер. Само продвижение якутов по Алдану, Вилюю, то есть по тунгусским землям, не могло не вызывать военных столкновений [Степанов, 1957: 102]. Однако даже они способствовали языковым контактам: чтобы воевать или заключать мир, нужно было понимать друг друга. Архивные документы XVII в., приведенные Г.М. Василевич, позволяют взглянуть на межэтнические конфликты того периода. Тунгусы (эвенки), защищая свои земли, иногда одерживали верх и уводили якутских женщин и детей, которые жили у них на положении работников. Пленные якутские мальчики, впоследствии женились на эвенкийках и давали начало новым родам. Она упоминала, что ею записано много рассказов о якутах – родоначальниках ответвлений эвенкийских родов Бута, Бэллэт, Буягир, хотя эти ответвления сохраняли свои общие названия [Василевич, 2023: 114]. При этом Н.Н. Степановым отмечалось, что мирные экономические связи все же преобладали над конфликтами, и по мере развития торговли эти связи становились все крепче [Степанов, 1957: 103].

Но наиболее мощным фактором языкового сдвига были, безусловно, межэтнические браки. Территориальные и экономические связи между тунгусами и якутами естественным образом вели к брачным союзам, которые древнее XVII в. и нашли отражение как в якутском, так и в тунгусском фольклоре [Степанов, 1953:

217]. Анализ исторических преданий и археологических материалов показывает, что в XVI-XVIII вв. браки между якутами центральных улусов (дюпсунских, мегинских, усть-алданских) и тунгусскими родами были распространенным явлением [Бравина, цит. по: Алексеева, Миссонова, 2020: 397]. Частые межэтнические браки вели к постепенному смешению двух народов.

Механизм языкового сдвига в смешанных семьях формировался по-разному в зависимости от условий проживания семьи. Г.М. Василевич выявила интересную закономерность: решающим фактором был не национальный состав семьи, а этническая среда проживания. Эвенки любого пола, вступившие в брак с якутами и поселившиеся в якутской среде, переходили на якутский язык, и их дети уже не знали эвенкийского. Однако в тех случаях, когда якуты попадали в эвенкийскую среду и занимались традиционными эвенкийскими промыслами, происходил обратный процесс: они и их дети говорили по-эвенкийски [Василевич, 2023: 303].

На практике чаще всего реализовывался первый сценарий. Эвенки, вступившие в брак с якутами, часто переходили на оседлый образ жизни, селились в якутских поселениях и начинали заниматься скотоводством. Процесс приобщения тунгусов к скотоводческой культуре, согласно исследованиям Г.П. Башарина, особенно активно шел в последней трети XVIII – первой трети XIX вв. [Башарин, 1957: 124].

В якутском окружении основным языком общения становился якутский, хотя дома, между собой, эвенки еще могли говорить на этническом языке [Романова и др., 1975: 17]. Это типичная ситуация диглоссии, когда язык этнического большинства обслуживает публичную сферу, а язык меньшинства отступает в сферу приватного, семейного общения. Подобная функциональная дистрибуция языков является признаком продвинутой стадии языкового сдвига, за которой обычно следует полная утрата языка меньшинства во втором-третьем поколении. Так, скорость и неизбежность указанного процесса подчеркивал С. Патканов, отмечая, что дети от смешанных браков «часто, а внуки всегда, и по языку, и по образу жизни становятся почти якутами» [Патканов, 1906: 81].

Таким образом, полный языковой переход происходил максимум за два поколения. Это объясняется тем, что соседские и экономические связи между народами вели к взаимной ассимиляции, причем данный процесс носил асимметричный характер – именно эвенки переходили на якутский язык и скотоводческий образ жизни, а не наоборот. О масштабах данного процесса свидетельствуют и современные генетические сведения: у эвенков Якутии выявлена значительная доля отцовских линий N3 (33,3%), полученных от якутов, что отличает их от эвенкийских популяций Китая и Западной Сибири [Федорова, Барашков, 2020: 283].

XIX в. стал переломным периодом в истории языкового сдвига у эвенков Якутии. В это время процессы ассимиляции, начавшиеся столетиями ранее, приобрели массовый характер и охватили практически всю территорию региона. Широкое расселение якутов по всему региону привело к тому, что эвенки повсеместно оказывались в ситуации тесного контакта с якутским населением, что неизбежно вело к языковому сдвигу [Гоголев, 2004: 52].

География языкового сдвига имела свои закономерности. На Амге и Алдане процесс якутизации эвенков распространялся вверх по течению рек, следуя за движением якутского населения. К концу XIX в. эта волна достигла устья Май на Алдане, а к середине XX в. дошла до верховьев Амги [Василевич, 1968: 42]. Постепенное продвижение якутского языка в среде тунгусов показывает, что мы имеем дело с процессом, растянутым как во времени, так и в пространстве.

Особенно показательны различия в скорости и глубине языкового сдвига в разных районах. Маинские и вилюйские эвенки оказались наиболее затронуты этим процессом: они полностью перешли на якутский язык [Гоголев, 2004: 52]. Как отмечала Г.М. Василевич, на Амге и Вилую ассимиляция зашла так далеко, что само название «эвенки» постепенно заменялось на «якуты». В то же время на Алдане и Олекме эвенки продолжали сохранять свое этническое самоназвание [Василевич, 1968: 42]. В этнографических очерках о народах Сибири также отмечается наиболее полная языковая ассимиляция, кроме вышеуказанных вилюйских, нижнеалданских, оленекских и анабарских эвенков, которые в течение XVIII-XIX

вв. «настолько оякутились, что даже забыли родной язык» [Василевич, Смоляк, 1956: 706].

Необходимо отметить, что география ассимиляционных процессов поражает своим размахом. Они происходили не только на всей территории Якутской области, но и в северо-восточной части Туруханского края, на севере Амурской области и частично в Удском округе Приморской области, то есть везде, где эвенки и якуты вступали в контакт [Патканов, 1906: 81]. Вместе с тем, якутский язык распространялся даже там, где прямых контактов с якутами не было: А.Ф. Миддендорф встретил в Амурском крае, на р. Ур, тунгусов, которые свободно говорили по-якутски, переняв язык от других тунгусов. При этом с русскими торговцами они общались лишь на уровне нескольких слов [Миддендорф, 1878: 768]. В отдельных районах якутский язык фактически вытеснил эвенкийский как средство внутритунгусского общения: в докладе 1925 г. о необходимости присоединения Охотского побережья к Якутии указывалось, что тунгусы разных наслегов Аяно-Нельканского района могут объясняться друг с другом только по-якутски, поскольку их собственные диалекты стали взаимонепонимаемы [Алексеева, Миссонова, 2020: 409]. Таким образом, язык становился фактором, определявшим даже административно-территориальное самоопределение тунгусских групп.

Успешность перехода эвенков на якутский язык объясняется их исключительными лингвистическими способностями, на которые обращали внимание многие исследователи. Еще И.Г. Георги отмечал, что «тунгусы весьма скоро перенимают другие языки» [Георги, 1777: 37]. В.И. Иохельсон развивал эту мысль, указывая на универсальный характер данной способности: «У тунгусов есть способность к усвоению диалектов совершенно различных лингвистических групп. Большинство тунгусов знает якутский язык, многие объясняются по-русски, а северные тунгусы научились и по-чукотски» [Иохельсон, 1895: 23].

Наблюдения Н.А. Александрова дают интересную картину этнокультурной адаптивности эвенков. Он отмечал удивительную способность тунгусов перенимать культурные черты соседних народов: «в соседстве с русскими они

обрусели, в соседстве с якутами – оякутились, а поблизости к Китаю – окитайлись» [Александров, 1900: 31]. Эта адаптивность, как отмечает Л.И. Миссонова, связана с тем, что тунгусы обладают «исключительным умением вживаться в иноэтническую среду, активно влияя на нее и одновременно активно приспосабливаясь к ней», при этом их полилингвизм способствует «беспроблемному освоению и владению языком ближайших соседей» [Миссонова, 2021: 244]. Подобная пластичность проявлялась не только в языке, но и во внешнем облике: при контактах с русскими эвенки начинали носить русские рубашки и платки, подрезали волосы на половину, а при контактах с якутами женщины-эвенки перенимали якутский костюм настолько, что их невозможно было отличить от якуток [Александров, 1900: 31]. В результате, как показывают современные психолингвистические исследования в Якутии, представления эвенков о себе оказались подвержены сильному влиянию соседних культур, и они «часто ассоциировали себя с якутами, чей язык для большинства эвенков стал родным» [Никаева, 2013: 79].

Данные переписи 1897 г. дают первую статистически достоверную картину масштабов языкового сдвига у эвенков Якутии. К концу XIX в. только 61,7% тунгусов в Якутской области еще говорили на этническом языке. Остальные, за исключением небольших групп русскоязычных (15 чел.) и юкагириязычных (217 чел.), полностью перешли на якутский язык в домашнем быту [Романова и др., 1975: 25]. Еще более сложная картина наблюдалась в отдельных районах. Так, среди алдано-майских тунгусов 45,8% данной группы считались полностью обьякутившимися. При этом в некоторых местах наблюдались и иные направления ассимиляции: небольшие группы усть-майских тунгусов через смешанные браки частично ассимилировались с русским населением [Игнатьева, 1994: 21]. Однако эти случаи были единичными на фоне массового обьякучивания, которое явно доминировало как основное направление языкового сдвига.

К этому времени якутский язык уже прочно функционировал в качестве *lingua franca* всего региона. Как отмечал С. Патканов, «в Якутской области почти все тунгусы и другие ее туземные народности пользуются якутским языком как

разговорным при своих сношениях не только с якутами, но и с другими племенами» [Патканов, 1906: 172].

Территориальная неравномерность процессов языкового сдвига среди эвенков Якутии, определяет необходимость дифференцированного подхода к анализу. В связи с этим в § 2.2 и § 2.3 будет проведен детальный анализ языковых процессов в двух основных территориальных группах – северо-западной и южной, что обусловлено существенными различиями в характере и динамике этих процессов.

Принятое территориальное деление эвенков Якутии подтверждается современными ГИС-исследованиями. По данным В.В. Филипповой, визуализация территориального размещения эвенков демонстрирует их концентрацию в районах Северо-Западной и Южной Якутии (*далее – СЗЯ и ЮЯ соответственно*) [Филиппова, 2023б: 253]. Ж.Ф. Дегтева на основе метода пространственного анализа этнокультурных ландшафтов выделяет: северо-западную этнокультурную область, включающую Анабарский, Оленекский, Жиганский, Булунский районы и Садынский наслег Мирнинского района, с высокой долей эвенкийского населения и преимущественным развитием традиционного природопользования; южную этнокультурную область, охватывающую Олекминский, Нерюнгринский, Алданский и Усть-Майский районы, характеризующуюся полиэтничностью, высокой долей русского населения и сочетанием традиционного и инновационного природопользования [Дегтева, 2019б: 76]. В настоящей работе мы придерживаемся данного деления, при этом Садынский наслег Мирнинского района, географически расположенный в западной части республики, относим к северо-западной группе согласно этнокультурной классификации Ж.Ф. Дегтевой, основанной на сходстве традиционного природопользования и высокой доле эвенкийского населения.

Важно, что выделенные этнокультурные области совпадают с ареалами различных типов языкового сдвига, что обуславливает методологическую целесообразность данного территориального деления для целей настоящего исследования. Так, А.А. Сирина отмечает, что эвенки Якутии исторически подверглись разным типам языковой ассимиляции. Большинство населения СЗЯ уже к середине XIX в. было якутоязычным. В ЮЯ ситуация более сложная: в

Нерюнгринском и частично Олекминском улусах эвенки лучше владеют русским языком, чем якутским, и относительно хорошо сохранили эвенкийский язык, благодаря поддержанию традиционных занятий. Усть-майские эвенки, напротив, давно якутизированы и говорят преимущественно по-якутски [Сирина, 2012: 98].

Описанная социолингвистическая картина находит подтверждение и в лексикографических источниках. Лексика эвенков ЮЯ представлен в целом ряде работ⁶. На современном этапе лексикография эвенкийского языка ЮЯ расширяется за счет психолингвистических исследований, о чем свидетельствует «Эвенкийский ассоциативный словарь: эвенки Южной Якутии» Н.Е. Захаровой [Захарова, 2022].

Интересно, что в словарях упоминается вилюйский говор ербогоченского диалекта (или вилюйский говор восточного наречия). Однако данное обозначение может создать ошибочное впечатление о функционировании эвенкийского языка на Вилюе или шире на северо-западе Якутии. В действительности речь идет о говорах эвенков, переселившихся с Вилюя и Чоны в район Ербогачена [Эвенкийско ..., 1958: 645]. Ербогоченский диалект сформировался на стыке илимпийских, непских и витимских говоров в результате миграции эвенков на Нижнюю Тунгуску в 1910-1930-х гг. [Василевич, 1948: 181].

Напротив, в СЗЯ эвенкийский язык как самостоятельная языковая система не сохранился. Язык эвенков данного региона изучался якутскими диалектологами, например, результаты нашли отражение в труде М.С. Воронкина «Северо-западная группа говоров якутского языка» [Воронкин, 1984]. Собранные здесь лексические единицы отражены в диалектологических словарях якутского языка [Диалектологический ..., 1976; Диалектологический ..., 1995], при этом эвенкизмы представлены как заимствования-диалектизмы в составе якутского языка.

⁶ Материалы, собранные в Южной Якутии, а также в Хабаровском крае, включены в «Диалектологический словарь эвенкийского языка» А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой [1963]. Отметим, что материалы из разных регионов также представлены в диалектологических словарях. Так, собранные Г.М. Василевич данные в районах бассейнов рр. Сым-Чиромбу, Дубчас, Нижней Тунгуски от вершин до устья и Средней Тунгуски (верхняя и средняя часть бассейна) нашли отражение в ее «Эвенкийско-русском диалектологическом словаре» [1934]. Лексика эвенков Южной Якутии отражена и в общих словарях: «Эвенкийско-русском словаре», составленном Г.М. Василевич [1958], «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» под редакцией В.И. Цинциус [1975; 1977], «Эвенкийско-русском словаре» А.Н. Мыреевой [2004].

Таким образом, многовековая история языкового сдвига у эвенков Якутии, начавшаяся с первых контактов с предками якутов и усилившаяся в период включения региона в состав Российского государства, привела к формированию двух различных моделей языковой ассимиляции: северо-западной с полным переходом на якутский язык и южной со сложным переплетением якутского и русского влияния. Рассмотрим подробнее, как протекали указанные процессы в каждом из регионов.

2.2. Объякучивание эвенков Северо-Западной Якутии

Как было показано в предыдущем параграфе, процесс объякучивания эвенкийского населения наиболее интенсивно протекал в СЗЯ, где сложилась уникальная этнокультурная ситуация. Пришное якутское население, адаптировавшись к местным условиям и переняв традиционные формы хозяйствования эвенков, оказало мощное ассимилирующее воздействие в языковом отношении.

Исторические свидетельства позволяют проследить трансформацию этнической карты данного региона. До прихода русских в XVII в. обширные территории бассейна р. Оленек, включая верховья Анабара и Попигая, были заселены исключительно эвенками [Романова и др., 1975: 25]. Также и на Вилюе, как отмечал С. Патканов, «их (якутов – *И.Д.*) вовсе не было при первом появлении здесь русских в 1630 г., когда они волоком перебрались с Нижней Тунгуски на р. Чону, приток Вилюя, а оттуда на этот последний. Заселяли тунгусы в то время и берега крупных левых притоков Вилюя: Мархи, Тукана, Тюна» [Патканов, 1906: 8].

Масштаб последующих этнодемографических сдвигов поразителен. Если в начале XVII в. на среднем течении Вилюя проживало от полутора до двух тысяч эвенков, ведущих комплексное хозяйство, сочетавшее оленеводство, охоту и рыболовство, то к середине XIX в. уже жило 50-тысячное якутское население, которое не просто заняло существовавшие участки лесостепи, но активно преобразовывало ландшафт под свои хозяйственные нужды, создавая новые пастбища путем спуска многочисленных озер [Долгих, 1952: 58], а к началу XX в.

их численность достигла 63 тыс. [Патканов, 1906: 8]. Одним из факторов массового переселения якутов на Вилюй стало бегство кангаласцев со своих родовых территорий в XVII-XVIII вв. из-за непосильного ясака и вымогательства русских служилых людей [Бравина, Гоголев, 2020: 187].

Вилюйское направление было лишь одним из векторов масштабного расселения: в XVII-XIX вв. якуты продвинулись еще дальше на запад до Таймыра, на восток до Охотского моря, выйдя к побережью арктических морей [Алексеев, Бравина, 2020: 229]. Мигрировавшее на запад якутское население принадлежало, как писал В.А. Туголуков, к двум волостям – Бетунской и Катылинской (Хатыгинской). Автор отмечает, что уже к XVII в. население этих административных единиц представляло собой результат предшествующих ассимиляционных процессов, включая значительное число обьякученных эвенков [Туголуков, 1982: 142]. Таким образом, дальнейшая экспансия на север осуществлялась уже смешанным в этническом отношении населением.

Остановимся подробнее на динамике дальнейшего освоения северо-западного направления. Если в 1650-х гг. якуты только начинали продвижение на отдаленные северные территории, появляясь небольшими группами на Оленьке и Анабаре, то уже к концу 1660-х гг. картина существенно меняется: якуты становятся преобладающим населением в низовьях Лены [Долгих, 1960: 455], а с 1678 г. превращаются в постоянных плательщиков ясака на северных реках [Гурвич, 1966: 44]. К концу XVII в. население бассейнов Нижней Лены, Оленька и Анабара состояло из трех основных компонентов: якутов, тунгусов и русских, причем якуты заняли доминирующее численное положение [там же: 46].

Рубеж XVII-XVIII вв. ознаменовался новой миграционной волной. Переселенческий процесс заметно усилился, а география исхода переселенцев значительно расширилась. Если раньше основную массу составляли выходцы из центральных подгородных волостей, то теперь на север устремились якуты из самых разных мест. Документы Жиганского зимовья 1702 г. фиксируют следующую картину: здесь оказались переселенцы из Усть-Вилюйского, Средне-Вилюйского, Бутальского зимовий и даже из Олекминского острога. Одновременно

расширялась и география расселения: освоив низовья Лены и Оленька, якуты продолжали мигрировать на запад – в низовья Анабара и даже Хатанги [там же: 84], что демонстрирует высокую мобильность якутского населения и его способность осваивать все новые территории Крайнего Севера.

Демографические показатели первой четверти XVIII в. подтверждают успешность миграционного процесса. Общая численность населения северо-запада Якутии составляла от 1800 до 2200 чел. обоего пола, причем якуты являлись преобладающей этнической группой [там же: 85]. Учитывая суровые природные условия региона и относительно короткий период освоения, указанные цифры свидетельствуют об интенсивности миграционных процессов и высокой адаптивности переселенцев. Чуть более чем за полвека якуты превратились из пришельцев в доминирующую этническую группу северо-запада, создав прочную демографическую основу для устойчивого развития в условиях Арктики.

Масштабная территориальная экспансия на Вилюй и Крайний Север сопровождалась впечатляющим демографическим ростом якутов. На XVIII в. приходится начало демографического взрыва: их численность утроилась, хотя убедительного объяснения данному феномену пока не дано [Борисов, 2021: 42]. Существенный рост обеспечил якутам статус одного из крупнейших коренных народов Сибири и позволил закрепить их присутствие на обширных территориях до арктического побережья.

Характер взаимодействия пришлого и коренного населения определялся несколькими факторами. С одной стороны, эвенки к указанному времени были серьезно ослаблены эпидемиями оспы и междоусобными столкновениями [Гурвич, 1977: 232]. Особенно разрушительными оказались вспышки середины XVII в., погубившие многие крупные роды западных эвенков, и эпидемия начала 1680-х гг., значительно сократившая численность вилюйских эвенков [Варламов, 2022: 362]. С другой – якуты приходили не как завоеватели, а как переселенцы, готовые адаптироваться к местным условиям, что предопределило сложный характер ассимиляционных процессов.

Готовность якутов к адаптации проявилась в активном заимствовании элементов эвенкийской культуры. И.С. Гурвич отмечает, что малочисленные эвенки, будучи поглощены якутской миграционной волной, тем не менее, оказали существенное влияние на культуру переселенцев [Гурвич, 1977: 232]. Якуты перенимали навыки выживания в суровых северных условиях, осваивали местные промысловые традиции и оленеводческое хозяйство. В условиях Заполярья скотоводческо-коневодческое хозяйство якутов быстро трансформировалось в северное промысловое [Боякова, 2001: 53]. Более того, модифицируя тунгусское оленеводство, они создали особый тунгусо-якутский тип упряжного оленеводства [Саввинов, 2012: 155].

Однако при всей взаимности культурного влияния доминирующим процессом оставалась ассимиляция эвенкийского населения. В.А. Туголуков выделяет два основных варианта ассимиляции. Первый – преимущественно языковой, когда эвенки переходили на якутский язык, сохраняя многие элементы традиционного образа жизни. Второй – комплексная языковая и культурная ассимиляция, которой подверглись прежде всего вилюйские тунгусы [Туголуков, 1985: 219]. В последнем случае происходила полная трансформация этнической идентичности. Существенным стимулом к смене этнической идентификации служил также экономический фактор: ясак с эвенков был в 1,5-2 раза выше, чем с якутов, что побуждало двуязычных тунгусов к изменению этнической самоидентификации [Борисов, 2021: 44].

Ассимиляция эвенкийского населения охватила весь северо-запад Якутии. В XVIII в. на Анабаре, Оленьке и в низовьях Лены якуты полностью ассимилировали местных тунгусов, что привело к формированию их особых территориальных групп [Василевич, 1968: 42]. Показательны судьбы отдельных эвенкийских родов. Сологоны, оставшиеся на Вилюе в XVIII-XIX вв., подверглись интенсивной якутизации [Туголуков, 1985: 189]. Аналогичные процессы происходили на Вилюе ниже р. Чоны, где проживали нюрмаганы (брангатские эвенки) [Василевич, 1968: 42]. Примечательно, что в результате смешения с якутами их численность не сократилась, а даже возросла [Туголуков, 1985: 188], что свидетельствует о том, что

культурно-языковая ассимиляция не всегда означала демографические потери для эвенкийских групп.

Ключевым механизмом этнической трансформации стали межэтнические браки. Ревизские сказки 1782 г. по Кангаласской волости Жиганского зимовья дают возможность увидеть масштабы данного явления. В документах зафиксированы многочисленные случаи браков якутов с женщинами из эвенкийских родов (Эжанского, Кюпского, Долганского и Лалыгирского). Из 65 женщин волости 18 были тунгусками, что составляло около 30%. Интересны и механизмы заключения браков. Встречались случаи обмена, когда якут отдавал дочь в тунгусский род, взамен получая жену-тунгуску. Некоторые якуты имели по две жены, причем обе могли быть из разных эвенкийских родов. Подобная практика была распространена не только в Кангаласской, но и в других волостях региона [Гурвич, 1966: 89].

К концу XVIII в. количество смешанных браков достигло такого уровня, что можно говорить о значительном этническом сближении и культурной нивелировке населения СЗЯ. При этом складывалась следующая ситуация: представители обеих этнических групп продолжали использовать этнические языки в быту, но якутский язык становился средством межэтнического общения. О распространении якутского языка свидетельствуют также административные документы. Так, в делах Жиганского нижнего земского суда за 1795 г. отмечено, что переговоры русской администрации с тунгусами велись на якутском языке [там же: 91].

Таким образом, XVIII столетие стало периодом интенсивного этнического смешения, результатом которого явилось формирование новой этнической реальности – смешанного якутско-эвенкийского населения с доминированием якутского языка и культуры, но сохранившего многие эвенкийские элементы. Демографические данные начала XIX в. фиксируют итоги этих процессов: якуты уже составляли большинство населения северных территорий, насчитывая по материалам VII-й ревизии 1816 г. более 7000 чел. [Боякова, 2001: 39].

К XIX в. процесс обьякучивания эвенков СЗЯ вступил в завершающую фазу, породив уникальное этнокультурное явление – формирование промежуточных групп населения, сочетавших черты обеих культур. Наблюдения путешественников

и исследователей данного периода фиксируют сложную этническую картину. И.И. Майнов отмечал, что тунгусы Вилуйского округа, будучи исконными обитателями края, к этому времени были «наполовину обьякутившиеся», но продолжали вести кочевой образ жизни в северной и северо-западной, более гористой части округа [Майнов, 1927б: 74]. При этом этническая принадлежность часто определялась не происхождением или языком, а хозяйственной специализацией. В Вилуйском округе существовали так называемые «тунгусские роды», которые фактически представляли собой якутские наслеги, объединявшие оленеводческое население. Их причисляли к тунгусам исключительно по роду занятий – оленеводству [Ушницкий, 2012: 164].

Подобная практика имела под собой конкретные административно-экономические основания. Местная традиция причисления всех оленеводов к тунгусам сформировалась после принятия Устава «Об управлении инородцев» 1822 г., отнесшего всех кочевых оленеводов (и якутов, и тунгусов) к разряду «бродячих», что влекло налоговые послабления и свободу перемещения, поэтому кочевые якуты охотно записывались тунгусами, продолжая считать себя якутами и рассматривая термин «тунгус» не как этническую характеристику, а как обозначение образа жизни – кочевого оленеводства [Сирина, 2012: 128].

Подобное смешение этнических категорий приводило к глубокой культурной интеграции. В Жиганском улусе, где, по свидетельству Д.В. Хитрова, к середине XIX в. произошло полное слияние трех этнических групп: «По физиономии, образу жизни, языку и нравам здешних русских и тунгусов следует причислить к якутам: так во всем слились они с этими последними» [Хитров, 1856: 66]. Якутская культура стала доминирующей, вобрав в себя не только эвенкийский, но и русский старожильческий элемент.

Сходные процессы наблюдались и среди вилуйских тунгусов. П. Кларк в 1861 г. дал их детальную характеристику, разделив на две категории. Первая – сохранившие традиционный образ жизни оленеводы «чисто маньчжурского происхождения», кочующие по тундрам. Вторая группа представляла особый интерес: это были «тунгусы» лишь по названию, которые «ни жилищем, ни

правами, ни обычаем, ни одеждою, ни языком не отличаются» от якутов. Они занимались разведением крупного рогатого скота и лошадей и не знали языка тунгусов [Кларк, 1861: 129].

Языковая ассимиляция стала тотальной: все население низовьев Лены и Оленька перешло на якутский язык, независимо от этнического происхождения. При этом население формально делилось на якутские наслеги и эвенкийские роды. Однако на практике члены обеих групп жили вперемешку, заключали смешанные браки и вели идентичный образ жизни, занимаясь рыболовством, охотой на диких оленей и оленеводством. Единственным существенным различием оставался размер налогообложения: «бродячие» эвенкийские роды платили меньше налогов, чем «кочевые» якутские наслеги, что способствовало сохранению особого этнического самосознания у части населения [Гурвич, 1970: 217].

Хронологически исследователи относят языковой сдвиг эвенков на якутский язык в бассейнах рек Вилюй и Оленек к XVIII в. [Архипов, 2024: 67]. Свидетельства путешественников конца XIX в. косвенно подтверждают данную датировку. Р.К. Маак в 1887 г. констатировал практически полную утрату эвенками этнического языка: «Все тунгусы Вилюйского округа говорят, в настоящее время, на якутском языке и только очень немногие кочевники на вершинах левых притоков Вилюя и на Оленьке знают родной язык». Якутский язык продемонстрировал удивительную экспансивную силу, ассимилировав не только эвенков, но и русских старожилов, которые «совершенно оякутились, утратили свой народный язык, а по образу жизни, нравам и склонностям сделались настоящими якутами» [Маак, 1887: 38]. А.Л. Чекановский, исследовавший бассейн р. Оленек в 1874-1875 гг., зафиксировал завершенность ассимиляционного процесса уже в нескольких поколениях: местные жители «по происхождению тунгусы; но уже их деды усвоили язык, обычаи и образ жизни якутов» [Чекановский, 1896: 179]. Данное свидетельство особенно ценно, поскольку указывает на временную глубину: к последней четверти XIX в. языковая ассимиляция насчитывала уже не менее трех поколений.

Схожие процессы затронули и территорию современного Мирнинского района. По данным С.И. Бояковой, переселение якутских семей в места

проживания брагатских (брангатских) эвенков, начавшееся еще в середине XIX в., привело к созданию субэтнической группы – эвенков с традиционным охотничье-оленоводческим хозяйством, но полностью перешедших в «якутский языковой мир». Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. подтверждают завершенность языкового сдвига: родным языком у всех брагатских тунгусов уже указан якутский, хотя основные занятия оставались традиционными – скотоводство, оленеводство, звероловство, рыболовство, редко земледелие (главная культура – ячмень) [Боякова, 2024: 60].

Таким образом, к концу XIX в. на северо-западе Якутии сформировался уникальный этнокультурный ландшафт, где якутский язык стал универсальным средством общения для всего населения, независимо от его происхождения, при сохранении разнообразия хозяйственных укладов и элементов материальной культуры различных этнических групп. Статистические данные указанного периода с точностью фиксируют масштабы произошедшей трансформации.

Так, перепись 1897 г. выявила поразительную картину: 96% тунгусов Вилюйского округа, кочевавших между низовьями Лены и Хатангой, считали родным языком якутский [Туголуков, 1982: 142]. С. Патканов, анализируя материалы переписи, отмечал универсальный характер данного явления: «Это в одинаковой степени касается как тех из них, которые живут среди якутов, так и тех, которые имеют самостоятельные кочевья» [Патканов, 1906: 177]. Таким образом, языковая ассимиляция не зависела от характера расселения: даже эвенки, сохранявшие обособленные кочевья, полностью перешли на якутский язык.

По свидетельству того же С. Патканова, объядучивание «произошло уже давно», хотя еще несколько десятилетий назад небольшая часть тунгусов в верховьях левых притоков Вилюя и частично Оленька использовала этнический язык. При этом, объясняя отмеченное обстоятельство, исследователь отмечал, что из 4% эвенков округа, указавших тунгусский как родной язык, большинство принадлежало к Комбойскому (Илимпейскому?) роду из соседнего Туруханского края [там же]. Возможно, кроме кочевавших туруханских эвенков, в эту категорию вошли и осевшие ранее на Оленьке представители того же рода: в первой половине

XVIII в. около 120-130 илимпейских тунгусов переселились сюда с запада [Борисов, 2021: 44]. По всей видимости, эти же группы эвенков имел в виду Р.К. Маак, говоря о сохранении языка у «очень немногих кочевников» на Оленьке и Вилуе [Маак, 1887: 38].

География языковой ассимиляции охватила все основные речные бассейны СЗЯ. Б.О. Долгих детально зафиксировал данный процесс по отдельным эвенкийским родам. В бассейне Вилуя на якутский язык полностью перешли роды Сологон, Мургат (Брангат), Фугляд (Югулэт), Кантакуль (Келтяки) и другие. На Лене аналогичная судьба постигла эвенкийские роды Долган и Эдиген. На Оленьке обьякутился род Эдян, на Анабаре – Синигир [Долгих, 1952: 54].

В отличие от ЮЯ, в северо-западной части (в Вилуйском округе и Жиганском улусе Верхоянского округа) утрата этнического языка была наиболее полной: «почти все говорят лишь по-якутски» [Патканов, 1906: 179]. Тунгусы данного региона «совершенно забыли родной язык», но продолжали вести кочевой образ жизни, сохраняя традиционное оленеводство. Похожий образ жизни делал их «более других тунгусов близкими к якутам», что способствовало частым межэтническим бракам [там же: 83], в результате чего этническая граница практически стерлась [Майнов, 1927а: 396].

Важным является наблюдение Б.О. Долгих о характере языкового взаимодействия: «Везде здесь в результате скрещивания якутского языка с другим происходило не образование какого-либо нового языка, а побеждал якутский язык» [Долгих, 1952: 54]. Это означает, что процесс носил не характер языкового смешения или креолизации, а представлял собой полное замещение эвенкийского языка якутским. Одной из причин подобного доминирования якутского языка могли стать диалектные различия между самими тунгусскими группами северо-запада, вследствие которых якутский стал широко использоваться ими как язык взаимного общения [Борисов, 2021: 44].

Механизм данного явления раскрыла Е.И. Убрятова, отмечая, что «распространение якутского языка в иноязычной среде, какое мы теперь наблюдаем, представляет односторонний процесс. Якутский язык просто

воспринимается иноязычными народами, и освоение его этими народами никакого влияния на строй самого якутского языка не оказывает» [Убрятова, 1960: 11]. Якутский язык демонстрировал удивительную устойчивость и способность к ассимиляции других языков без существенных изменений собственной структуры.

Итоговую оценку ситуации дал И.С. Гурвич, констатирующий, что к концу XIX в. весь северо-запад Якутии «представлял собой якутский район, лишь по традиции считавшийся тунгусским» [Гурвич, 1966: 172]. Административная инерция сохраняла формальное деление на якутские и тунгусские роды, но этническая реальность уже не соответствовала этим категориям. Сохранение эвенкийской идентичности стало возможным лишь через хозяйственную специализацию (оленоводство) и административную принадлежность к «бродячим» родам, но не через язык.

Однако вопрос о хронологии якутской экспансии на север остается дискуссионным. Исследования Г.В. Ксенофонтова 1930-х гг. представляют альтернативный взгляд на время и масштабы данного процесса. Он выступил с критикой устоявшейся в науке его времени концепции о «постказачьей» якутизации северных территорий. Его теория о древнем якутском присутствии на севере противоречила взглядам как предшествующих исследователей, так и ученых следующего поколения. Так, ключевой тезис Г.В. Ксенофонтова прямо опровергает господствовавшую теорию: «Гипотеза присяжных якутоведов о том, что за линию Вилюя ни якуты, ни якутский язык и культура до прихода казаков не переходили, падает сама собой». По его утверждению, весь якутский север ко времени прихода русских уже находился в том состоянии, которое сохранялось и в начале XX в. [Ксенофонов, 1992: 254]. В качестве одного из главных доказательств древности якутского присутствия исследователь приводит топонимические данные. По его мнению, обилие географических названий «чисто якутского происхождения» в бассейнах Оленька, Анабара и Хатанги указывает на «давнее обитание в этих местах по-якутски говорящего народа» [там же: 299].

Тезис Г.В. Ксенофонтова о более раннем заселении бассейна Вилюя, чем Ленского края, находит подтверждение и в более поздних исследованиях.

Например, работы М.С. Воронкина, основанные на диалектологических материалах с привлечением археологических данных, подтверждают раннее присутствие якутов на данной территории: анализ диалектных особенностей якутского языка и находки кулун-атахской культуры XIV-XVI вв. и культуры «малых домов» в вилуйском регионе указывают на заселение территории якутами задолго до прихода русских [Воронкин, цит. по: Романова и др., 2020: 253].

Развивая свою теорию, Г.В. Ксенофонтов детально описал географию распространения якутского языка на севере. Он очерчивает границы «области сплошного распространения оленных якутов»: от нижнего течения Лены на востоке до мест обитания илимпейских тунгусов на западе, от 65-й параллели на юге до Ледовитого океана на севере. В этих пределах, по его наблюдениям, «нельзя обнаружить ни единого человека, который владел бы тунгусской речью». Сравнительный анализ разных регионов позволил исследователю обосновать свою концепцию о различной хронологии якутского присутствия. В противоположность северо-западу, эвенки центральных и южных районов сохранили язык и культуру. Тунгусы «семи кангаласских родов», бродящие между Леной и Алданом, большая половина эвенкийских родов, занимающихся оленеводством и охотой по Мае, олекминские тунгусы, несмотря на многовековые контакты с якутами, «в полной неприкосновенности сохранили свой родной язык, нравы и обычаи» [Ксенофонтов, 1992: 301]. Эту избирательность процесса якутизации исследователь интерпретировал как доказательство того, что на северо-западе якуты присутствовали значительно раньше, чем в центральных и южных районах, где языковая ассимиляция эвенков не состоялась.

Наиболее интересной является гипотеза Г.В. Ксенофонтова о происхождении якутов-олeneводоов. Он предположил, что они представляют собой не обьякученных эвенков, а «раннее население бассейна средней Лены, отодвинувшееся на север в связи с переселением из областей Прибайкалья якутов-скотовоов» [там же: 294]. Развивая эту мысль, он утверждал: «Турецкая языковая стихия в лице якутов-олeneводоов докатилась до берегов Ледовитого океана весьма возможно значительно раньше, чем якуты-скотовоовы успели добраться до Сайсарской равнины» [там же:

304]. Исследователь выявляет обширную зону культурной однородности северных якутов-оленьеводов: жиганцы, население Усть-Янского улуса, анабаро-хатангские и оленекские группы, ессейские якуты представляют «точную копию» друг друга. Они ведут оленеводческое хозяйство, говорят на якутском языке, имеют общий героический эпос, идентичные шаманские практики и другие культурные черты [там же: 253].

Важным аргументом в пользу своей концепции Г.В. Ксенофонов считал обнаруженные им языковые особенности говора якутов-оленьеводов. Их язык, по его наблюдениям, сохранил «довольно отчетливые пережитки какого-то тунгусского наречия, а также и явные примеси бесспорных монгольских слов» [там же: 311]. Данный субстрат исследователь объяснял древними контактами якутов-оленьеводов с тунгусскими и монгольскими группами, происходившими еще на южных территориях, до их миграции на север. Таким образом, языковые данные, по его мнению, не свидетельствовали об ассимиляции местных эвенков пришлыми якутами, а, напротив, подтверждали его гипотезу о том, что якуты-оленьеводы представляют собой древнее якутоязычное население с собственной миграционной историей, отличной от истории якутов-скотоводов.

Дополнительным аргументом в пользу древности якутского присутствия на севере Г.В. Ксенофонов считал пример брангатских тунгусов. Размышления исследователя над указанной группой, кочевавшей в верховьях Вилюя, представляют особую ценность, поскольку демонстрируют глубину и древность языковой ассимиляции в регионе. Несмотря на полную утрату этнического языка брангатскими тунгусами, исследователь четко относит их к эвенкам, а не к северным якутам-оленьеводам [там же: 265]. Особенность обсуждаемой группы заключалась в полной языковой ассимиляции при территориальной изоляции. Несмотря на то, что они занимали «совершенно обособленную от якутских поселений территорию», эти эвенки полностью утратили этнический язык. Исследователь подчеркивает: «Утрату ими своего родного языка нужно отнести ко временам незапамятной древности». Анализируя топонимику района кочевья брангатских тунгусов, где «все географические имена весьма за малым

исключением якутского происхождения», автор приходит к выводу, что «эта местность со времен глубочайшей древности была занята оленеводческим народом, говорящим по-якутски». По его мнению, брангатские тунгусы «унаследовали ее от северных якутов-олeneводоов, которые раньше оседали здесь» [там же: 302].

В целом, исследования Г.В. Ксенофонтова представляют альтернативную картину этноязыковой истории якутского севера. В отличие от господствовавшей теории о позднем расселении якутов на севере и обьякучивании эвенков, он утверждал, что первые на севере присутствуют издревле и представляют собой не ассимилированных эвенков, а раннее якутоязычное население, мигрировавшее на север еще в дорусский период. При этом исследователь признавал, что отдельные эвенкийские группы, такие как брангатские тунгусы, действительно подверглись языковой ассимиляции, но данный процесс, по его мнению, также имел древнюю историю.

Поздние исследования подтверждают дорусский характер якутской миграции на север, однако интерпретируют эти процессы иначе: дорусскую якутизацию оленных тунгусских родов нижней Лены фиксируют этнографические материалы [Василевич, 1968: 42], дорусский характер северных миграций центральнаякутских родов – фольклорные источники [Романова и др., 2020: 256], а длительность культурных взаимодействий – археологические данные арангасных захоронений Оленька [Бравина, Архипов, 2023: 62]. Таким образом, если дорусское якутское присутствие на севере получает эмпирическое подтверждение, то теория Г.В. Ксенофонтова о якутах-олeneводах как независимой от эвенков этнографической группе остается дискуссионной.

О сложности этнической идентификации на севере Якутии свидетельствуют этнолингвистические исследования 1950-х гг., выявившие интересную ситуацию с самосознанием коренного населения. Е.И. Коркина в 1958 г. обнаружила, что четыре тысячи жителей Булунского района, официально числившихся эвенками, не владели ни эвенкийским, ни эвенским языками. Даже 80-90-летние старцы утверждали, что «исконным языком, на котором говорили их родители, родители их родителей, был этот же самый язык, на котором они говорят сегодня (т.е.

якутский)», причем некоторые «диву давались», узнав, что говорят не на эвенкийском языке. Лишь в Хараулахском наслеге сохранились единичные старики, помнившие отдельные эвенские слова, но неспособные вести разговор на данном языке [Коркина, цит. по: Сулейманов, 2017а: 212].

Исследования И.С. Гурвича конкретизируют эту картину в Булунском районе. Он установил, что население Хараулахского наслега следует относить к эвенкам как потомков тюгасирского рода, а выходцев из тунгусских родов кюнцев и эжанцев – к эвенкам. Однако подобное разграничение было неочевидным для самих аборигенов, многие из которых не знали этнонима «эвен». К середине XX в. указанные различия утратили практическое значение: все группы владели только якутским языком и «ничем не отличались от булунских якутов» [Гурвич, цит. по: Сулейманов, 2017б: 167].

Аналогичная картина наблюдалась в Жиганском районе, где, по данным В.А. Туголукова, тунгусское население было давно «объякучено». Он зафиксировал «достаточно индифферентное» отношение местных жителей к своей этнической принадлежности. Характерен ответ жителя с. Кыстатыам Н.А. Семенова: «саха, эвенки – симбирь (*якут.* все равно)». Показательно, что единственный человек, которого местные жители считали знатоком эвенкийского языка, в действительности владел западным диалектом эвенского языка, унаследованным от предков, перекочевавших с Верхоянья. В итоге исследователь констатировал наличие в районе «некоторого числа эвенов», которые не знали данного этнонима и относили себя к эвенкам [Туголуков, цит. по: Сулейманов, 2018б: 66].

Утрата языка привела к системной путанице в этнической идентификации, достигшей апогея в конце XX в. Характерен казус переписи 1989 г. в с. Хара-Улах: из-за ошибки мужчин записали как «эвенк», а женщин как «эвенка», в результате чего женская половина населения оказалась причислена к эвенкам. По свидетельству работника администрации, местные жители «только по документам эвенки, а по родам они – эвены», хотя в каждой семье были предки обоих народов [Унру, 2022: 30]. Данная ситуация демонстрирует размывание этнических границ при формальном сохранении этнонимов в официальных документах.

К 1990-м гг., по наблюдениям А.Н. Мыреевой, многие эвенки Булунского и Жиганского районов, особенно молодое поколение, затруднялись определить свою этническую принадлежность – эвенки они или эвены. Исследователь отмечала, что создается впечатление полного разрыва с этническими корнями при формальном сохранении самосознания принадлежности к эвенкам. Лишь часть пожилых людей еще помнила родовую принадлежность своих предков [Мыреева, 1993: 72].

Однако масштабы языкового сдвига далеко не всегда коррелировали с размыванием этнической идентичности. Показательна ситуация в Оленекском районе, где эвенки сохранили устойчивое этническое самосознание, несмотря на полный переход на якутский язык.

В переписи 1959 г. все эвенки Оленекского, Булунского и Жиганского районов (4017 чел.) были зарегистрированы как якутоязычные [Мыреева, 1972: 3]. Интересно, что двадцать лет спустя перепись 1979 г. выявила единичных носителей языка: из почти двух тысяч эвенков в каждом районе этническим языком владели от 3 до 18 чел. преклонного возраста [Филиппова, 2007: 52]. Однако если в Булунском и Жиганском районах языковой сдвиг сопровождался путаницей в разграничении эвенков и эвенов, то оленекские эвенки демонстрировали устойчивую самоидентификацию. Материалы всех переписей, начиная с 1897 г., фиксируют стойкое сохранение эвенкийской идентичности жителями Оленекского района несмотря на то, что уже к началу XIX в. исследователи отмечали их полное обьякучивание [Боякова, 2009: 156].

Приполярная перепись 1926 г. выявила следующую этнографическую картину: все местное население Анабарского и Оленекского районов представляло единый якутский языковой мир, имело схожую культуру и вело идентичную хозяйственную деятельность, но при этом 53,3% опрошенных отнесли себя к эвенкам, 33,3% к якутам и 5,5% к долганам, на основании чего составители этнографических карт обозначили большую часть населения этих районов как эвенкийское [Сулейманов, 2016: 172].

Этнолингвистические исследования 1950-1960-х гг. подтвердили полноту языкового сдвига при сохранении эвенкийской идентичности. Е.И. Коркина в 1959

г. зафиксировала, что население Оленекского района было практически на 100% якутоязычным: на эвенкийском могли разговаривать менее десяти человек, да и те были недавними переселенцами из Эвенкийского национального округа. Язык местного населения не имел отличий от литературного якутского в звуковом составе, сохранив лишь ряд эвенкийских заимствований в лексике [Коркина, цит. по: Сулейманов, 2016: 174]. П.П. Барашков в 1967 г. отметил, что все жители колхоза «Эйик» в документах считали себя эвенками, включая обьякученных эвенков из Эвенкийского округа Красноярского края и даже якутов из Верхневилуйского и Нюрбинского районов. По всему району не осталось «ни одного эвенка, не владеющего якутским языком», а немногочисленные носители эвенкийского языка (3-4 чел. в наслегах) были пожилыми людьми, чьи дети и внуки уже совершенно не владели этническим языком [Барашков, цит. по: Сулейманов, 2018а: 266].

Вместе с тем, В.А. Туголуков выявил такой факт: значительная часть населения, относившего себя к эвенкам, принадлежала к якутским родам Хатыгын, Рюняй, Маймага, Осогостох, Чорду, Эспех, неизвестным – у эвенков. Косвенным подтверждением давней ассимиляции служило длительное отсутствие родовой экзогамии и как минимум вековая традиция указания якутского языка в качестве родного. К моменту его исследований эвенкийский язык знали всего 6-8 чел., включая 99-летнюю жительницу Жилинды и недавних мигрантов из Илимпейского района [Туголуков, цит. по: Сулейманов, 2018б: 65]. Устойчивость эвенкийской идентичности А.Н. Мыреева объясняла поддержанием родственных и хозяйственных связей с эвенками Илимпейского района и якутами озера Ессей, что позволяло оленекцам «без сомнения осознавать, что они эвенки», несмотря на полный переход на якутский язык [Мыреева, 1993: 72].

Феномен исторической памяти этнической группы сыграл ключевую роль в росте национального самосознания на рубеже XX-XXI вв. Кульминацией данного процесса стало придание в 2005 г. по итогам референдума Оленекскому району статуса национального эвенкийского, а годом ранее – закрепление за Анабарским статуса долгано-эвенкийского [Сулейманов, 2016: 174]. В 2008 г. статус

национального эвенкийского района был присвоен Жиганскому району. Эвенки северо-западных районов продемонстрировали уникальную модель этничности, где полная языковая ассимиляция не привела к утрате этнического самосознания, а историческая память обеспечила не только сохранение, но и институциональное укрепление эвенкийской идентичности в ХХI в.

Важно отметить, что подобная устойчивость исторической памяти при полном переходе на якутский язык была характерна для эвенков на протяжении длительного исторического периода. Еще С. Патканов в начале ХХ в. зафиксировал данный феномен: «Известным, правда чисто внешним, тормозом для окончательного поглощения тунгусов некоторых местностей якутами служит память об их принадлежности к другому племени; таким образом, ныне и вполне обьякутившиеся тунгусы считаются официально тунгусами, хотя и по языку, и по образу жизни, примкнули к якутам и отчасти по типу напоминают якутов» [Патканов, 1906: 85]. Однако, как показывает анализ советской практики, данный принцип применялся далеко не везде.

Советская практика этнической идентификации демонстрировала непоследовательность: если в других северо-западных районах Якутии тунгусы, полностью утратившие этнический язык, продолжали регистрироваться как эвенки, то в Югюлятском наслеге Вилюйского района [Филиппова, 2021: 23] и Ботубуйинском наслеге Мирнинского района [Филиппова, 2023а: 22] аналогичное обьякученное эвенкийское население записывалось якутами. Разница в подходах особенно интересна, учитывая, что степень языкового сдвига была сопоставимой, ведь во всех случаях население с ХIХ в. указывало якутский в качестве родного языка.

Принцип «нет языка – нет национальности» применялся избирательно. В Мирнинском районе в 1962 г. был зафиксирован показательный диалог: «Вне зависимости от национальной принадлежности матери или отца, детей записывают якутами. На вопрос: «Почему не записываете эвенками?», – отвечают: «Какой же он эвенк, если не знает языка» [там же]. Однако данный же принцип не применялся

к тысячам якутоязычных эвенков других районов СЗЯ, которые продолжали числиться эвенками в официальной статистике.

Ключевое различие, вероятно, заключалось в степени институциональной поддержки и устойчивости этнического самосознания. В других северо-западных районах, несмотря на языковую ассимиляцию, эвенкийская идентичность поддерживалась через систему создания национальных наслегов, культурные мероприятия и компактное проживание. Как показали исследования в Оленекском районе, даже якуты из других улусов, переселившись туда, начинали идентифицировать себя как эвенки [Сулейманов, 2018а: 266]. Этническая идентичность здесь стала своеобразным территориальным маркером, поддерживаемым местными институтами.

В Югюлятском и Ботубуйинском наслегах ситуация была иной. Дисперсное расселение эвенков среди якутского большинства, отсутствие институциональной поддержки эвенкийской идентичности и давние процессы метисации привели к размыванию этнического самосознания. Без языка и культурных институтов население указанных наслегов легко принимало якутскую идентификацию, которая соответствовала их языковой и культурной реальности. Советские переписчики фиксировали сложившуюся ситуацию: там, где сами люди утратили четкое этническое самосознание и не имели институтов его поддержки, применялся языковой критерий национальности.

С распадом советской системы эта непоследовательность породила важные восстановительные процессы. В Югюлятском наслеге развернулось движение за восстановление «исконной национальности»: с 1995 по 2006 гг. через решения районного суда 210 чел. изменили в документах национальность с «якут» на «эвенк» [Филиппова, 2021: 23]. Аналогичные процессы начались среди потомков брагатского рода тунгусов в Ботубуйинском наслеге Мирнинского района.

Несмотря на утрату языка, движение за восстановление этнической идентичности представляет позитивную тенденцию. Предлагаемое включение Югюлятского и Ботубуйинского наслегов в Перечень мест традиционного проживания эвенков с оформлением территорий традиционного

природопользования [Филиппова, 2023б: 253] создаст правовую основу для дальнейшего возрождения этнического самосознания. Хотя ЯС в этих наслеггах не отличается от положения в других северо-западных районах Якутии, где доминирует якутский язык, сам факт признания исторических корней и стремления к восстановлению этнической идентичности закладывает фундамент для будущих ревитализационных программ, включая возможное возрождение интереса к этническому языку среди молодого поколения.

2.3. Этноязыковые процессы у эвенков Южной Якутии

ЮЯ была особой зоной межэтнических контактов, где процессы этнической и языковой трансформации эвенков имели специфические черты. В отличие от СЗЯ, где происходил практически полный языковой сдвиг, южные районы демонстрируют более сложную картину взаимодействия эвенков с окружающим населением и разнообразные модели языковых контактов.

Исторические свидетельства показывают, что процессы этнокультурных и языковых контактов эвенков с якутами в данном регионе имеют также длительную историю. Еще в первой трети XIX в. Н.С. Щукин, описывая свою поездку в Якутск по Лене, напротив станции Саньяхтах фиксировал утрату эвенками традиционной материальной культуры, отмечая заимствование одежды «частью от русских, частью от якутов». При этом исследователь подчеркивал активную роль якутов в межэтнических контактах, результатом которых стало распространение якутского языка среди эвенкийского населения [Щукин, 1833: 83].

Масштабы ассимиляционных процессов в конце XIX в. наиболее полно зафиксировал И.И. Майнов в ходе полевых исследований 1894-1896 гг. в Майском ведомстве. По его наблюдениям, «большая часть оседлых тунгусов до неотличимости перемешались с якутами», переняв не только язык, но и весь комплекс материальной культуры [Майнов, 1901: 2]. Данный процесс сопровождался хозяйственной трансформацией: переходом части эвенков к скотоводству и земледелию, что подтверждается наблюдениями В.Л.

Серошевского, ссылавшегося на путевые заметки генерала Светлицкого [Серошевский, 1896: 240].

При этом исследователь выявил прямую зависимость степени сохранности языка от типа хозяйственной деятельности и интенсивности контактов. Эвенки, продолжавшие вести традиционный промысловый образ жизни в бассейне р. Учур и ее притоков, «сохранили свою национальность, прежде всего свой язык, обычаи, песни и предания», в то время как группы, имевшие более тесные контакты с якутами, оказались «сильно денационализированы» [Майнов, 1898: V].

Его антропологические наблюдения подтверждают глубину физиологической метисации. Исследователь утверждал, что майские эвенки «ни в каком случае не могут служить образцом собственно тунгусского типа» вследствие длительного и масштабного смешения с якутами. Он фиксировал «случаи повторительных, тройных и четверных помесей», результатом которых стало преобладание «особей с чисто-якутским типом лица» [там же: VI]. Конкретные данные иллюстрируют масштаб межэтнических браков и их последствия: среди семи обследованных оседлых майских эвенков у одного мать была якуткой, у двоих и матери, и бабушки были якутками. Языком домашнего общения всех семей являлся якутский [Майнов, 1901: 3].

С. Патканов подтверждает масштабный характер якутизации даже среди кочевой части майских эвенков, которые «сильно объякутились, породнившись с якутами», переняв от них скотоводческий тип хозяйства [Патканов, 1906: 82].

Среди алданских эвенков географический фактор играл существенную роль в темпах ассимиляции. В.М. Ионов отмечает различия между верховыми и низовыми группами алданских эвенков. Верховые эвенки, вовлеченные в транспортное обслуживание Ниманских приисков и имевшие «сравнительно больше конного скота», сохраняли большую культурно-языковую автономию. Напротив, низовые эвенки демонстрировали полную языковую ассимиляцию, охватывавшую несколько поколений: они «совершенно не знают тунгусского языка, не знали его и их отцы и деды». Показательна рефлексия самих эвенков относительно своей этнической принадлежности. Они открыто признавали, что «только называются

тунгусами, а в сущности ничем не отличаются от якутов» [Ионов, 1904: 14]. Данное самосознание отражает завершенность ассимиляционного процесса, когда сохраняется лишь формальная этническая идентификация при полной утрате культурно-языковой специфики.

Количественные данные переписи 1897 г., обобщенные В.А. Туголуковым, позволяют оценить масштаб ассимиляции: из 3,2 тыс. алдано-майских эвенков 1247 чел. (около 39%) представляли собой фактически ассимилированное население, сохранявшее лишь формальную принадлежность к категории «кочевых инородцев». Исследователь связывал интенсификацию ассимиляционных процессов с миграцией якутского населения в район Среднего Алдана в XVIII-XIX вв. К началу XX в. культурная трансформация алдано-майских эвенков приобрела необратимый характер: язык, формы хозяйства и быта имели якутский характер. При этом административная принадлежность расходилась с этнокультурной реальностью. Так, потомки смешанных браков формально числились тунгусами, «хотя во всех отношениях» были ближе к якутам [Туголуков, 1982: 143].

Таким образом, алдано-майский регион демонстрирует наиболее полную модель этнической трансформации эвенкийского населения ЮЯ, которая включала языковую ассимиляцию, изменение хозяйственно-культурного типа, физиологическую метисацию и сохранение лишь формальной этнической принадлежности при фактической утрате этнокультурной специфики.

ЯС среди кангаласских эвенков также демонстрирует территориальную дифференциацию процессов языкового сдвига. И.И. Майнов фиксирует полное господство якутского языка на западном берегу р. Лены, тогда как на восточном берегу эвенкийский язык сохранялся в домашнем общении, хотя и «явно уступает место более богатому языку якутов». Количественные данные подтверждают масштаб языковой ассимиляции: из ста обследованных семей лишь 20-30% использовали эвенкийский язык в домашнем общении «чаще и охотнее, чем по-якутски». Особый интерес представляет народная интерпретация причин языкового сдвига. На вопрос об утрате фольклорной традиции информанты объясняли: «где тунгус скажет одно слово, там якут скажет десять слов», ссылаясь

на мнимую бедность эвенкийского языка. Исследователь справедливо отвергает данное объяснение, указывая на существование развитой песенной традиции у групп, сохранивших этническую самобытность, и делает вывод о вторичном характере «лексической и грамматической бедности кангаласского наречия», возникшей вследствие «забвения его богатств под влиянием объякучивания» [Майнов, 1898: 166].

Межэтнические браки выступали и здесь основным механизмом культурной трансформации. Эвенки 2-го Шелогонского рода «путем браков сильно перемешались с якутами и совершенно объякутились по образу своей жизни» [там же: 172]. Аналогичные процессы физиологической метисации И.И. Майнов фиксировал и среди других эвенкийских групп Якутского округа. Антропологические измерения выявили значительную долю якутской примеси: среди 43 обследованных беллетцев якутская примесь зафиксирована у 17 чел. (39,5%), среди 10 буягирцев – у двоих (20%). При этом прослеживается корреляция между социально-экономическим статусом и языковой принадлежностью: «домашний язык большинства семей – якутский, но в семьях более бедных (чисто охотничьих) сохранился тунгусский» [Майнов, 1901: 3].

Обобщенные статистические данные конца XIX в. по Якутскому округу создавали на первый взгляд более благоприятную картину ЯС. С. Патканов указывал на сохранение этнического языка у эвенков округа, где была сосредоточена «главная масса тунгусского населения области» [Патканов, 1906: 177]. Компактность расселения рассматривалась как фактор языковой устойчивости: эвенки Якутского округа, «сгруппированные в большем числе на сравнительно меньшем пространстве», лучше других сохранили этнический язык [там же: 179]. Однако сам исследователь отмечает иллюзорность данного благополучия. Несмотря на формальное владение этническим языком, «даже в домашнем быту его сильно вытесняет якутский, более необходимый в этом крае, ввиду большей численности якутского племени» [там же: 177]. Данное наблюдение указывает на расхождение между данным переписи и реальной языковой

практикой, подтверждая выводы детальных исследований отдельных эвенкийских групп о глубине ассимиляционных процессов.

В Олекминском округе показатели выглядели еще более оптимистично – 90,1% эвенков указывали этнический язык как основной [там же: 178]. Однако полевые наблюдения Е.М. Ярославского 1916 г. обнаруживают иную картину. На Мачинской ярмарке все встреченные эвенки «без исключения говорили по-якутски», при этом русским языком владели лишь пять человек, «хотя и плохо», грамотных не было вовсе. Возрастная стратификация языковой компетенции, зафиксированная исследователем, выявляет механизм языкового сдвига. На ярмарке «по-тунгусски говорили мало, знали тунгусский язык только старики, да и то, кажется не все, а дети знали один только якутский, да еще отдельные тунгусские слова» [Ярославский, 1979: 62]. Аналогичная картина воспроизводилась на стойбище около Матар-Ары: «по-тунгусски говорили только старуха и старик, взрослые же дети знали лишь отдельные слова и выражения, а маленькие дети знали только по-якутски». Исследователь констатирует повсеместность якутского языка: «все тунгусы Олекминского округа говорят по-якутски» при полном отсутствии владения русским [там же: 68].

Расхождение между оптимистичными данными переписи (90,1%), приведенными С. Паткановым, и критическими наблюдениями Е.М. Ярославского, вероятно, объясняется территориальной неоднородностью ЯС среди различных эвенкийских групп округа. Токкинские (тянские) и киндигирские эвенки, сохранявшие традиционный кочевой образ жизни, по-видимому, демонстрировали более высокую степень языковой устойчивости. Их относительная изоляция от якутского населения и сохранение традиционных форм хозяйствования способствовали межпоколенческой передаче этнического языка, что отражалось в высоких статистических показателях переписи 1897 г. Е.М. Ярославский же, посещавший ярмарки и доступные стойбища вблизи торговых путей, контактировал, по всей видимости, преимущественно с эвенками, вовлеченными в товарно-денежные отношения и имевшими регулярные контакты с якутским населением. Указанные группы, находившиеся в зоне интенсивных межэтнических

взаимодействий, находились на значительно более продвинутой стадии языковой ассимиляции, что и зафиксировал исследователь.

К 1920-м гг. языковая ассимиляция эвенков современного Усть-Майского района достигла, по мнению А.Н. Мыреевой, завершающей стадии. Она констатирует полный переход местного эвенкийского населения на якутский язык общения [Мыреева, 1993: 72]. Данное утверждение подтверждается полевыми исследованиями В.Н. Васильева 1926 г., который зафиксировал, что «от устья Май вниз по Алдану эвенки говорили только по-якутски» [Васильев, 1930: 1]. Его детальное обследование выявило масштаб культурной трансформации майских эвенков. Из 76 обследованных хозяйств подавляющее большинство составляли «полуоседлые тунгусы, почти совершенно обьякутевшие, говорящие на якутском языке и перенявшие даже якутские верования». Материальная культура также демонстрировала полное замещение: «жилища и все предметы обстановки также якутские и отчасти русские» [там же: 13].

Общая численность эвенкийского населения пяти наслегов Алдано-Майского улуса составляла 1612 чел. обоего пола. В.Н. Васильев характеризует их как «обьякутевшее совершенно» население, «утратившее свой язык и усвоившее себе якутский язык, верования, скотоводческо-хозяйственный образ жизни». При этом исследователь отмечает сохранение определенных этнических маркеров: «по своим национальным чертам, характеру, нравам, некоторым обычаям и промыслам оно тем не менее сильно разнится от якутов» [там же: 66].

Хозяйственная трансформация выступала основным фактором культурно-языковой ассимиляции. Исследователь прослеживает начало перехода к скотоводству примерно за сто лет до времени его исследования, то есть в 1820-х гг. Процесс начался с приобретения «по 1-2 коровы от якутов» и постепенно охватил все население по берегам Алдана [Васильев, 2024: 172]. Наличие свободных покосных угодий способствовало успешной адаптации к новому типу хозяйства, что привело к разведению как крупного рогатого скота, так и лошадей.

Данные последующих исследований подтверждают глубину языкового сдвига. Так, согласно материалам С.И. Николаева, раннее оседание усть-майских эвенков и

их интенсивное смешение с якутским населением обусловили более глубокую языковую ассимиляцию по сравнению с другими эвенкийскими районами, равноудаленными от центральной Якутии. К 1964 г. число носителей эвенкийского языка сократилось до 2,7% [Николаев, 1964: 22].

Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. демонстрируют сохранение отмеченной тенденции. По данным В.В. Филипповой, лишь 2,9% усть-майских эвенков признавали эвенкийский язык родным, в то время как якутский язык называли родным 79,3%, а русский – 17,8% опрошенных [Филиппова, 2022: 43]. Таким образом, процесс языковой ассимиляции, завершившийся к 1920-м гг. в плане реальной языковой практики, к концу XX в. закрепился и на уровне языковой самоидентификации.

Г.М. Василевич в 1947 г. отметила функционирование якутского языка в качестве основного средства общения эвенков обширной территории: «на Амге (исключая группу томмотских эвенков) и по Алдану до устья Учура» [Василевич, 1948: 1]. К началу 1990-х гг. ЯС в ЮЯ демонстрировала дальнейшее сокращение числа носителей эвенкийского языка. По данным А.Н. Мыреевой, в трех основных районах их проживания (Алданском, Олекминском и Нерюнгринском) этническим языком владели лишь около 600 чел., что составляло 16,2% от общей численности эвенкийского населения этих районов. Остальные использовали в качестве основных языков общения якутский и русский [Мыреева, 1993: 72].

Однако обобщенные данные не раскрывают существенную территориальную неоднородность ЯС. Степень сохранности эвенкийского языка значительно варьировалась между отдельными районами и населенными пунктами. Для понимания механизмов языкового сдвига и факторов, способствовавших сохранению языка в отдельных локальных группах, необходим детальный анализ ЯС в каждом из указанных районов. Далее рассмотрим в диахронической перспективе развитие языковых процессов среди эвенков Алданского, Олекминского и Нерюнгринского районов на основе данных полевых исследований и социолингвистических обследований второй половины XX – начала XXI вв.

ЯС среди эвенков Олекминского района в 1960-е гг. характеризовалась значительной степенью якутизации при сохранении очагов эвенкийского языка. По данным С.И. Николаева, к 1964 г. этнический язык сохраняли лишь 160 чел., что составляло 28% от общей численности эвенкийского населения района. Он отмечал возрастную закономерность: носителями языка являлись преимущественно представители старшего поколения [Николаев, 1964: 21].

Детальное обследование отдельных наслегов выявило существенные различия в степени сохранности языка между локальными группами. В Токкинском наслеге наблюдалась четкая возрастная дифференциация: взрослое население использовало эвенкийский язык как основное средство общения, в то время как молодежь и дети перешли на якутский. Ситуация в Киндигирском наслеге оказалась более сложной: эвенкийский язык сохранялся лишь в памяти немногочисленных стариков, а основным языком общения стал якутский [Романова, Мыреева, 1962: 11].

Социолингвистическое обследование А.Н. Мыреевой, проведенное позднее, подтвердило устойчивость выявленных тенденций. Среди эвенков, сохранивших этнический язык, подавляющее большинство владело двумя языками (эвенкийским и якутским), при этом русским языком владела лишь незначительная часть населения [Мыреева, 1972: 4]. Повторное обследование, итоги которых опубликованы в 1975 г., показало стабильность показателя сохранности языка у токкинских эвенков на уровне 28% [Романова и др., 1975: 26].

Особый интерес представляет ситуация в с. Тяня, где, согласно И.С. Астаховой, ассимиляционные процессы вплоть до 1970-1980-х гг. протекали значительно медленнее благодаря географической изолированности поселения [Астахова, 2018: 226]. Относительно языковую устойчивость зафиксировало социологическое исследование 1997 г., которое показало присутствие носителей эвенкийского языка во всех возрастных группах. Однако и здесь прослеживалась тенденция к языковому сдвигу: молодые люди до 40 лет чаще испытывали затруднения при общении на эвенкийском языке [Винокурова, 1997: 38].

Данные начала XXI в. демонстрируют ускорение процессов языкового сдвига среди эвенков Олекминского района. Исследования К.Н. Стручкова показывают

сложную картину многоязычия: эвенки района характеризуются якутско-эвенкийским и якутско-русско-эвенкийским типами двуязычия, при этом функционально первым языком для большинства стал якутский [Стручков, 2009: 22]. К 2011 г. в с. Тяня лишь 44,7% опрошенных демонстрировали владение эвенкийским языком, использовали его в семейном и дружеском общении, но только в чисто эвенкийской среде. В смешанных семьях доминировали якутский или русский языки [Стручков, 2011: 43].

Вместе с тем, несмотря на сокращение числа носителей, олекминские эвенки продолжают сохранять отдельные образцы фольклора на этническом языке [Варламов, Габышева, 2012: 52]. Однако, по наблюдениям Т.П. Габышевой, в Тяне эвенкийским языком владеют преимущественно пожилые люди и отдельные семьи, сохраняющие эвенкийскую речь во внутрисемейном общении. Несмотря на преподавание эвенкийского языка в школе с первого по одиннадцатый классы, программа обеспечивает лишь минимальный уровень знаний, недостаточный для полноценной коммуникации [Габышева, 2012: 39]. Низкий уровень активного владения языком подтверждают данные, приведенные главой Тянского наслега А.П. Николаевым в 2013 г. Из 499 эвенков с. Тяня, составляющих 97% населения, на этническом языке говорило всего 15 чел. преклонного возраста. В соседнем с. Токко ситуация еще критичнее: из 250 эвенков читать и писать на этническом языке могут лишь 5 чел. [Курчатова, 2013: 147].

К концу 2010-х гг. ситуация продолжала ухудшаться. В.П. Марфусалова констатирует, что в Тяне остается лишь небольшое количество людей старшего поколения, изредка использующих эвенкийский язык в общении между собой [Марфусалова, 2018: 26]. Н.Е. Захарова уточняет: среди населения младше 60 лет эвенкийский язык сохраняется исключительно в семьях, занятых в традиционных промыслах – оленеводстве и охоте [Захарова, 2019: 174].

Таким образом, несмотря на то, что в с. Тяня к 1960-м гг. проживала значительная часть из 160 эвенков Олекминского района, владевших этническим языком, к 2010-м гг. число активных носителей в данном крупнейшем эвенкийском населенном пункте района сократилось до 15 чел.

ЯС в Алданском районе в начале 1960-х гг. демонстрировала значительную неоднородность между отдельными наслегами, что было обусловлено различиями в этническом составе населения и степени вовлеченности в традиционные виды хозяйствования.

Наиболее благополучная ситуация наблюдалась в Буягинском наслеге, где, по данным А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой, эвенкийский язык сохранился «довольно хорошо по сравнению с другими наслегами района». Исследователи зафиксировали четкую возрастную стратификацию языковой компетенции: все эвенки старше 35-40 лет свободно владели эвенкийским языком и активно использовали его в общении между собой. Молодежь 25-35 лет демонстрировала пассивное владение: понимала эвенкийскую речь, но не могла свободно говорить. Население младше 25 лет и школьники этническим языком не владели вовсе. Несмотря на относительную сохранность языковых навыков у старшего поколения, функциональная сфера эвенкийского языка была крайне ограничена: в быту доминировал якутский язык, который также использовался в делопроизводстве и общественной жизни наряду с русским [Романова, Мыреева, 1962: 52].

Диаметрально противоположная картина наблюдалась в Беллетском наслеге, где эвенки составляли лишь половину населения, соседствуя с якутами (40%) и русскими. Здесь эвенкийский язык сохранялся только среди отдельных лиц, занятых в традиционном промысле (охоте и оленеводстве). Оседлое эвенкийское население полностью перешло на якутский язык с частичным использованием русского [там же: 53].

Промежуточная ситуация складывалась в Учур-Бытинском наслеге⁷, где на начало 1960-х гг., по наблюдениям С.И. Николаева, сохранялось функциональное двуязычие: эвенкийский язык использовался в семейной сфере, якутский – в общественной. Оба языка находились в относительном равновесии среди взрослого

⁷ Забегая вперед, отметим, что в 1981 г. с. Угино (центр Учур-Бытинского наслега) было исключено из учетных данных административно-территориального деления ЯАССР в связи с переселением жителей (Указ Президиума Верховного Совета ЯАССР от 14.12.1981 г.). Эвенкийское население переселилось преимущественно в с. Хатыстыр Беллетского наслега, что впоследствии определило компактное проживание носителей эвенкийского языка в данном населенном пункте.

населения. Дошкольники в семьях владели преимущественно эвенкийским языком, осваивая якутский при поступлении в школу [Николаев, 1964: 12].

Однако последующее обследование А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой выявило ускорение языкового сдвига. В местной школе из 25 учащихся-эвенков только 8 понимали эвенкийскую речь, причем обучение велось на якутском языке из-за недостаточной языковой компетенции детей. Особенно показательным оказалось влияние дошкольного воспитания: дети из эвенкийских семей, посещавшие детский сад, не говорили по-эвенкийски даже при условии хорошего владения языком их родителями. Свободное владение этническим языком сохранялось лишь у 25% эвенкийского населения наслега – преимущественно у оленеводов и охотников, продолжавших вести традиционный образ жизни. Оседлые жители поселка полностью перешли на якутский язык [Романова, Мыреева, 1964: 7]. Следовательно, даже в пределах одного наслега наблюдалась резкая поляризация ЯС в зависимости от степени интеграции в оседлый образ жизни и вовлеченности в институты советской системы образования. Детские сады и школы, функционировавшие на якутском языке, выступали агентами языкового сдвига, прерывая межпоколенческую передачу эвенкийского языка даже в семьях с сохранной языковой компетенцией родителей.

Наиболее драматичная картина языкового сдвига в Алданском районе наблюдалась в Анаминском наслеге. С.И. Николаев прямо связывает утрату языка с этнодемографическими процессами: «По мере увеличения численности якутов и смешения с ними эвенков, количество владеющих эвенкийским языком постепенно пошло на убыль» [Николаев, 1964: 12]. Детальное обследование, проведенное А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой, выявило следующую ситуацию: из 432 эвенков наслега этническим языком владели только 15 чел., причем это были преимущественно приезжие из других районов. Местные эвенки полностью перешли на якутский язык. Исследователи выделяют несколько факторов тотальной якутизации: давние связи с якутами Амгинского района, высокая доля смешанных браков и ранний переход на оседлость. Показательно, что среди 108

учащихся-эвенков лишь 13 приезжих детей владели этническим языком, в то время как местные школьники им не владели вовсе [Романова, Мыреева, 1964: 7].

В п. Чагда ситуация определялась абсолютным численным доминированием русского населения (около 1500 чел. против 29 эвенков). Здесь эвенкийский язык сохраняли лишь 5 чел., профессионально занимавшихся охотой [там же: 8], что подтверждает выявленную закономерность о прямой связи между сохранностью этнического языка и вовлеченностью в традиционные промыслы.

Социолингвистическое обследование, проведенное А.Н. Мыреевой в 1969 г., позволило обобщить ЯС в районе. Среди эвенков, сохранивших этнический язык, подавляющее большинство владело двумя языками (эвенкийским и якутским), в то время как русским языком владела лишь незначительная часть населения. Функциональная сфера эвенкийского языка оказалась предельно сужена: он использовался исключительно как разговорный язык в семье, быту и промысловых бригадах. Вся институциональная сфера (дошкольное воспитание, начальное образование, культурно-просветительная и общественно-политическая деятельность) функционировала на якутском языке, делопроизводство и образование с 5 класса велись на русском [Мыреева, 1972: 4].

Многолетние наблюдения А.В. Романовой и А.Н. Мыреевой (1958-1968 гг.) подтверждают масштабы якутизации эвенков, проживавших вдоль Алдана: «все эвенки по Алдану говорили по-якутски, и только в промысловых бригадах звучала эвенкийская речь». Обобщающее социолингвистическое исследование томмотских и учурских эвенков, проведенное в начале 1970-х гг., показало, что степень сохранения этнического языка (включая пассивное владение) составляла лишь 25% [Романова и др., 1975: 26].

Данные массового анкетирования 634 эвенков томмотской и учурской групп, проведенного в рамках того же исследования, позволяют детализировать картину языковой компетенции. Только 75 чел. (11,8%) свободно владели эвенкийским языком, еще 62 (9,8%) понимали эвенкийскую речь, но не могли говорить на ней. При этом лишь 13 чел. (2%) идентифицировали эвенкийский как родной язык [там же: 27]. Разрыв между языковой компетенцией и языковой идентичностью

свидетельствует о глубине ассимиляционных процессов: даже владеющие эвенкийским языком принимали якутскую языковую идентичность.

К 1990-м гг. ЯС в Алданском районе достигла критической точки. Анкетирование, проведенное А.Н. Мыреевой в 1992 г. среди эвенкийской интеллигенции с. Хатыстыр, выявило полное отсутствие активного владения этническим языком у наиболее социально активной части населения. Все опрошенные в возрасте 30-50 лет не владели эвенкийским языком, лишь 20% понимали эвенкийскую речь, а 30% знали отдельные слова. Показательно, что большинство респондентов состояло в смешанных браках, где языком семейного общения выступал якутский язык [Мыреева, 1993: 72].

А.Н. Куликова, обобщая данные по району, отмечает, что к 2015 г. этнический язык в качестве родного признавали и использовали лишь 16% эвенков района, причем большая часть носителей концентрировалась в Беллетском наслеге. Для остальных 84% родным стал якутский язык, а русский выступал вторым языком коммуникации [Куликова, 2015: 42].

Несмотря на критическое состояние эвенкийского языка, с конца 1990-х гг. наблюдается активизация усилий по его возрождению. В с. Хатыстыр был введен факультативный курс эвенкийского языка в школе, театральный кружок «Доҕор-Гирки» (Друг) ставил спектакли по мотивам эвенкийских эпосов, организовывались языковые курсы для молодежи, массовые культурные мероприятия проводились на эвенкийском языке. Однако эти инициативы сталкивались с объективными ограничениями: отсутствием языкового образования в детском саду, факультативным статусом языка в школе и укоренившейся привычкой использовать якутский язык в повседневном общении [Степанова, 2022: 214]. В.П. Марфусалова в 2018 г. установила остаточное функционирование эвенкийского языка в сс. Хатыстыр и Кутана, где «небольшое количество людей старшего поколения» изредка использует его в общении между собой [Марфусалова, 2018: 26].

К 2024 г. эвенкийский язык в Алданском районе окончательно утратил коммуникативные функции, превратившись в «язык культурного наследия». Его

носителями остается лишь убывающая группа пожилых людей, в то время как среди молодежи и людей среднего возраста носителей практически не осталось [Биткеева и др., 2024: 56]. Тем не менее, в последние годы наблюдается новая волна интереса к языку и традиционной культуре: родители выражают желание обучать детей эвенкийскому языку, в культурном пространстве села появляются этнические символы, растет спрос на традиционную национальную одежду. Эти позитивные сдвиги связываются как с целенаправленной деятельностью местных активистов [Степанова, 2022: 214], так и с государственной поддержкой культуры КМНС, систематически осуществляемой с 1990-х гг. [Биткеева и др., 2024: 56].

Таким образом, если в 1960-1970-е гг. в Алданском районе еще сохранялись группы активных носителей эвенкийского языка (25% населения), преимущественно связанные с традиционными промыслами, то к 2020-м гг. язык фактически вышел из повседневного употребления, сохраняясь лишь как символический маркер этнической идентичности.

Состояние эвенкийского языка в современном Нерюнгринском районе в 1960-1970-е гг. представляло собой уникальный для ЮЯ случай высокой витальности. Данная территориальная группа, известная в литературе как тимптонские или чульманские эвенки, демонстрировала наиболее устойчивое сохранение этнического языка среди всех эвенков региона. С.И. Николаев в 1964 г. отметил функционирование эвенкийского как основного языка не только семейного общения, но и общения в публичной сфере: «Домашним языком для тимптонских эвенков является свой родной. И в общественных местах пользуются своим родным языком, прибегая к помощи русского языка лишь при обращении к неэвенкам». Особенностью данной группы являлось раннее и органичное эвенкийско-русское двуязычие, сформировавшееся еще в дореволюционный период в связи с вовлеченностью эвенков в транспортное обслуживание золотых приисков. При этом наблюдалась интересная возрастная дифференциация: молодежь владела эвенкийским и русским языками, при этом старшее поколение было трехязычным, владея также якутским языком [Николаев, 1964: 18].

Уникальность ЯС заключалась в том, что эвенкийский язык функционировал не только среди эвенков, но был частично освоен представителями других национальностей. С.И. Николаев отмечает: «Некоторые русские, издавна живущие в этом районе, не уступают в познании эвенкийского языка самим эвенкам. Многие из якутов здесь по-эвенкийски говорят лучше, чем по-якутски» [там же]. Это создавало расширенную сферу функционирования языка, что также подтверждает А.Н. Мыреева: «У тимптонской группы эвенков функции родного языка шире, так как здесь якуты и русские, прожившие с эвенками продолжительное время, также владеют эвенкийским языком» [Мыреева, 1972: 4]. Освоение эвенкийского языка иноэтничным населением свидетельствовало о демографическом доминировании эвенков в зоне их компактного расселения и локальной престижности языка.

По данным социолингвистического обследования А.Н. Мыреевой 1969 г., 860 тимптонских эвенков характеризовались эвенкийско-русским типом двуязычия, без промежуточного якутского компонента, характерного для других районов ЮЯ. При этом функциональное распределение языков было четким: эвенкийский обслуживал все сферы общения, кроме школьного обучения и делопроизводства, которые велись на русском языке [там же].

А.В. Романова и А.Н. Мыреева подтверждают исключительность ситуации: «Степень сохранения родного языка у чульманских – 100%» [Романова и др., 1975: 26]. Приведенный беспрецедентный для ЮЯ показатель контрастировал с ситуацией в других районах региона, где уже в 1960-1970-е гг. наблюдались значительные масштабы языкового сдвига в пользу якутского языка.

Несмотря на такую социолингвистическую ситуацию, институциональная поддержка эвенкийского языка отсутствовала. В п. Золотинка образование и культурно-просветительская работа велись исключительно на русском языке [там же: 27], что создавало предпосылки для будущего языкового сдвига.

К концу 1980-х гг. уникальность ЯС в Нерюнгринском районе сохранилась. По данным переписи 1989 г. доля эвенков, признающих родным этнический язык, среди городского населения Якутии оказалась выше, чем среди сельского – явление, противоположное общей тенденции среди КМНС. Данный феномен объяснялся

тем, что на территории Нерюнгринского горсовета проживала компактная группа чульманских эвенков, 76,7% которых признавали родным эвенкийский язык. Контраст с соседним Алданским районом был разительным: там аналогичный показатель составлял всего 6,7% [Аргунова, 1992: 44].

Интересно отметить роль культурных институтов в поддержании языка. Так, в 2005 г. было отмечено использование эвенкийского языка в музейной деятельности: «Эвенкийский язык используется при проведении экскурсий и мероприятий в отделе Нерюнгринского музея освоения Южной Якутии в с. Иенгра» [Иванова и др., 2005: 22], что свидетельствует о его функционировании в публичной сфере. Отметим, что с. Иенгра (в советский период известное как п. Золотинка) является основным центром расселения нерюнгринских эвенков.

К.Н. Стручков в 2009 г. зафиксировал в Иенгре особый тип ЯС: «У эвенков, проживающих в эвенкийском с. Иенгра Нерюнгринского муниципального района, отмечается эвенкийско-русский тип двуязычия, большинство эвенков не говорят по-якутски» [Стручков, 2009: 22], что существенно отличало иенгринских эвенков от их сородичей в других районах ЮЯ, где доминировал якутско-эвенкийский или якутско-русский типы двуязычия. Особенности местной ЯС также объясняются спецификой формирования иенгринского сообщества. Как отмечает М.Х. Бемянская, в Иенгре оказались представители различных родоплеменных групп со своими диалектными особенностями. В результате здесь сложился локальный вариант эвенкийского языка, который стал «необходимым инструментом межгруппового общения», при этом «этнолокальные лингвистические особенности сохраняются в кругу семьи и родственников» [Бемянская, 2016: 35].

Более детальные исследования К.Н. Стручкова 2011 г. выявили сложную и противоречивую ЯС в селе. С одной стороны, Иенгра оставалась уникальным для Якутии местом сохранения эвенкийского языка. По данным анкетирования, практически все взрослые эвенки в возрасте 26-60 лет (за исключением 3 чел.) свободно владели этническим языком, умели читать и писать по-эвенкийски, причем освоили язык в семье с детства. Показательно, что языковые навыки

оказались устойчивыми: эвенки, переехавшие в Якутск или другие города, при встречах продолжали использовать этнический язык [Стручков, 2011: 42].

С другой стороны, исследователь установил явные признаки начавшегося языкового сдвига в практиках межпоколенческой передачи. Несмотря на всеобщее желание взрослых передать язык детям и готовность детей его изучать, реальная языковая практика демонстрировала иную картину. В 75 смешанных семьях из 156 эвенкийских семей села (что составляет 48% всех семей) основным языком общения стал русский. Более того, даже в моноэтнических эвенкийских семьях родители с детьми и между собой чаще говорили по-русски. Эвенкийский язык приобрел функции «секретного языка» – на нем обсуждали темы, которые хотели скрыть от детей или посторонних [там же: 41]. Данное явление представляет собой характерный признак языкового сдвига: язык вытесняется из основных коммуникативных функций и сохраняется лишь для специфических, ограниченных целей, что создает угрозу прерывания межпоколенческой передачи.

Уникальность Иенгры на фоне других эвенкийских поселений Якутии подчеркивается характером языковых контактов. Это «единственное эвенкийское село», где языком межнационального общения являлся русский, а не якутский язык, как во всех остальных местах проживания эвенков в Якутии [там же: 40]. В.П. Марфусалова подтверждает исключительный статус села: «Единственным поселком в Якутии, в котором можно услышать эвенкийскую речь в быту, является с. Иенгра Нерюнгринского района» [Марфусалова, 2018: 26].

К 2018 г. К.Н. Стручков констатирует дальнейшее сужение функциональных сфер эвенкийского языка: «Основным средством общения в Иенгре в настоящее время служит русский язык, эвенкийский же постепенно сдает свои позиции». Язык сохранялся в трех ограниченных сферах: как школьный предмет с минимальным количеством часов, в общении между представителями старшего и среднего поколений, и в кочевых родовых общинах [Стручков, 2018: 96].

К началу 2020-х гг. ЯС в Иенгре достигла критической точки. Исследование М.И. Имеевой-Кысылбаиковой и Л.А. Игнатенко в 2023 г. выявило резкое сужение круга активных носителей языка: «люди, владеющие эвенкийским языком,

используют его преимущественно при общении с другими носителями с высокой языковой компетенцией и с пожилыми людьми». Интересно, что даже старшее поколение стало считать себя «малограмотными в области эвенкийского языка», а среди школьников и молодежи владеющих языком остались «единицы» [Имеева-Кысылбаикова, Игнатенко, 2023: 238].

А.Н. Биткеева, И.С. Хохолова и Р.А. Данилова в 2024 г. подтвердили маргинализацию языка, который превратился в «язык бабушек» или «секретный язык», функционирующий лишь в узком кругу пожилых людей. Исследователи связывают языковой сдвиг с ключевым переломным моментом в истории села: строительством БАМа и массовым притоком русскоязычного населения в 1970-1980-х гг., изменившим демографическую и языковую ситуацию [Биткеева и др., 2024: 51-52]. Вероятно, эффект изменений проявился отложенно: если взрослые эвенки, сформировавшиеся до массовой миграции, сохранили язык (что подтверждают данные 2011 г.), то их дети, выросшие в изменившейся русскоязычной среде, не смогли полноценно освоить эвенкийский язык, что привело к разрыву межпоколенческой передачи в 2000-2010-е гг.

Несмотря на критическое состояние языка, в последние годы предпринимаются попытки его сохранения. Функционирует летний языковой лагерь для молодежи с погружением в эвенкийскую языковую среду. По свидетельствам местных активистов, данная инициатива дает определенные результаты – участники активно используют язык во время пребывания в лагере, у некоторых пробуждается интерес к его дальнейшему изучению [там же: 51].

Помимо образовательных инициатив, важным фактором, потенциально способствующим сохранению языка, стало сохранение и развитие межрегиональных связей с эвенкийскими поселениями Амурской области. Регулярное проведение традиционных праздников «Бакалдын» и «День оленевода», совместные мероприятия мастеров народных промыслов создают расширенное коммуникативное пространство для использования эвенкийского языка. Более половины оленеводов и охотников из Иенгры поддерживают контакты

с соседними амурскими общинами, что создает естественную среду для языкового общения в профессиональной сфере [Филиппова и др., 2024: 274, 278].

Таким образом, эвенкийский язык в Нерюнгринском районе прошел путь от исключительно благоприятной ситуации к критическому состоянию. Если в 1960-1970-е гг. нерюнгринские эвенки демонстрировали 100% сохранность языка, причем он функционировал не только внутри этнической группы, но и частично осваивался представителями других национальностей, то к началу 2010-х гг., несмотря на сохранение высокого уровня владения языком взрослым населением, уже наблюдались признаки начавшегося разрыва межпоколенческой передачи. К 2020 гг. языковой сдвиг, катализированный демографическими изменениями 1980-х гг., привел к тому, что язык сохраняется лишь среди взрослого населения и в ограниченных профессиональных контекстах. Тем не менее, попытки ревитализации создают основу для замедления языкового сдвига и сохранения языка хотя бы в ограниченных сферах.

Подытоживая анализ ЯС в южных районах Якутии, необходимо отметить сочетание факторов языкового сдвига и языковой устойчивости. Несмотря на критическое состояние эвенкийского языка в большинстве населенных пунктов, можно выделить два ключевых фактора, способствующих его сохранению.

Во-первых, определенный потенциал для сохранения языковой среды представляют родовые общины, занимающиеся оленеводством. М.Х. Белянская подчеркивает роль таких общин как объективного фактора сохранения языка [Белянская, 2016: 30]. Оленеводство остается значимой отраслью у локальных групп эвенков в сс. Хатыстыр Алданского района, Тяня Олекминского района, Иенгра Нерюнгринского района, где кочевые стойбища создают «особую микросоциальную и языковую среду», потенциально способствующую межпоколенческой передаче языка и культурных традиций [Алексеева, 2015: 139]. Однако, как справедливо отмечает Е.Г. Маклашова, эффективность указанного механизма зависит от наличия в общине «хранителя» языка [Маклашова, 2021: 49], что делает его крайне уязвимым и ограниченным в масштабах.

Во-вторых, определенную роль может играть этническая компактность расселения. Как пишет Е.К. Алексеева, в селах, где эвенки составляют значительную долю населения (Тяня, Иенгра), объективно создаются более благоприятные условия для функционирования языка в повседневной коммуникации [Алексеева, 2015: 139]. Однако, как показывает пример Иенгры, даже этническая однородность поселения не гарантирует сохранения языка: к 2024 г. в этом, некогда уникальном по языковой витальности селе, наблюдается сужение круга активных носителей и прерывание межпоколенческой передачи. Это свидетельствует о том, что в условиях доминирования русского языка в системе образования, СМИ и официальной коммуникации, даже компактное проживание не может обеспечить устойчивого функционирования миноритарного языка. Вместе с тем, пока в данных поселениях сохраняются носители языка, остается крайне важная, хотя и быстро сужающаяся возможность для реализации программ языковой ревитализации.

Языковой сдвиг, в свою очередь, был обусловлен комплексом социально-демографических и исторических факторов. Социально-демографические факторы, такие как смешанные браки и миграционные процессы, роль которых была рассмотрена выше в контексте конкретных территорий, дополнялись самим ходом исторического развития народа в советский период. К нему относятся переход от кочевничества на оседлость, коллективизация, поселкование, административно-территориальные реформы, создание интернатной системы школьного образования и др.

Если в досоветский период языковая ассимиляция происходила преимущественно через межэтнические браки и хозяйственные контакты, то в советское время она приобрела институциональные формы. Особенно уязвимыми в условиях коллективизации и ломки традиционного уклада оказались КМНС, ведущие кочевой образ жизни [Санникова, 2021: 189]. Как отмечала Г.М. Василевич, если ранее «процесс слияния с якутами... был, в большинстве случаев, результатом взаимных браков и расселения больших групп якутов среди эвенков», то советская политика укрупнения колхозов в 1950-1960-е гг. создала новые

условия: в объединенных хозяйствах «половина членов оказывалась якутами», что привело к доминированию якутского языка в образовательных учреждениях. Результатом стало появление поколения, которое «родным языком не владело, не понимало, когда к ним обращались по-эвенкийски» [Василевич, 1968: 42].

Параллельно разворачивался еще более разрушительный для языковой преемственности процесс – внедрение интернатной системы образования. В.А. Роббек подчеркивал, что утрата этнических языков усугубилась депортацией в укрупняемые населенные пункты со смешанным населением и расширением систем школ-интернатов с обучением детей народностей Севера исключительно на русском языке [Роббек, 1988: 7]. При этом процесс отчуждения от этнического языка начинался задолго до школы: происходило «искусственное отстранение родителей от воспитания своих детей» через открытие детских яслей и садов, где воспитание велось исключительно на русском и якутском языках [Роббек, 1999: 6]. В интернате и школе языком общения становился русский язык, а воспитателями работали люди, не знающие национальную культуру и историю. Складывалась следующая ситуация: ребенок воспитывался в инонациональной среде, практически не соприкасаясь с культурой народа, к которому принадлежали его родители, что разрушало культурную и языковую преемственность, создавая угрозу исчезновения национальной культуры КМНС [Попов, 1993: 168].

В современный период к историческим факторам языкового сдвига добавились новые вызовы, связанные с интенсификацией промышленного освоения территорий проживания эвенков в ЮЯ. Как отмечается исследователями, это создает препятствия для реализации права на развитие этнических языков и культур, поскольку не работают механизмы получения льгот и отчислений в бюджет родовых общин, а тяжелые климатические и социально-экономические условия усугубляют и без того сложную ситуацию [Иванова и др., 2005: 22].

В данном контексте особую значимость приобретает развитие механизма этнологической экспертизы как потенциального инструмента защиты языковых прав КМНС. Как подчеркивают Е.Г. Маклашова и Ю.Г. Степанова, этнологическая экспертиза представляет собой «научное исследование влияния промышленного

освоения на качество жизни коренного малочисленного народа, его социально-культурное состояние, исконную среду обитания», при этом компании должны нести ответственность за негативное воздействие на традиционный образ жизни. Авторы справедливо отмечают, что в современных условиях именно село (наслед) становится главным центром сохранения народа, поэтому необходимо направлять компенсационные средства на масштабные проекты, включая программы по изучению этнического языка [Маклашова, Степанова, 2023: 21]. Однако эффективность данного механизма во многом будет зависеть от последовательности его применения на практике и реального обеспечения выполнения компенсационных обязательств.

Несмотря на то, что сохранение традиционного оленеводства и компактное проживание в моноэтнических поселениях выступают объективными факторами создания «островков» относительной языковой витальности, важно учитывать трансформацию этнокультурного ландшафта эвенков. Как показывает Ж.Ф. Дегтева, традиционная полизональная структура, характерная для кочевого образа жизни, с середины XX в. сменилась селоцентричной моделью [Дегтева, 2019а: 123]. Переход к оседлости стал одним из ключевых факторов языкового сдвига, разрушив естественную языковую среду кочевых стойбищ. В новых условиях село превратилось в пространство языковой ассимиляции, где эвенкийский язык оказался в неравной конкуренции с якутским (в селах Олекминского, Алданского районов) или русским (в с. Иенгра Нерюнгринского района) языками. Следствие подобной трансформации заключается в том, что, разрушив традиционную систему языковой передачи, оседлый образ жизни не создал адекватной замены, и теперь село может предложить лишь фрагментарные инициативы вместо полноценной языковой среды.

Сложившаяся ситуация позволяет с осторожным оптимизмом смотреть на перспективы эвенкийского языка в ЮЯ. Опора на традиционное хозяйство как естественную сферу функционирования языка, поддержка родовых общин, дальнейшее сохранение и развитие межрегиональных связей между эвенкийскими поселениями, а также новые образовательные инициативы могут стать ресурсом

для стабилизации ЯС и постепенного расширения функциональных сфер эвенкийского языка. Однако успех этих усилий во многом будет зависеть от создания эффективных механизмов поддержки КМНС, но главное – от самих носителей языка, их желания и готовности передавать язык детям вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам.

2.4. Рост этнического самосознания эвенков в условиях языкового сдвига

Необходимо отметить, что именно в период наиболее интенсивного языкового сдвига, описанного в предыдущих параграфах, начинают проявляться процессы этнического возрождения эвенков. Эта кажущаяся противоречивость утраты языка и одновременного роста этнического самосознания стала характерной чертой эвенков Якутии в XX-XXI вв.

Предпосылки данного процесса формировались еще в 1920-е гг., ставшие временем становления идентичности, просвещения и культуры КМНС, что способствовало отсутствию межэтнических конфликтов в республике [Антонов, 2021: 144]. Институциональными механизмами становления стали родовые, туземные, а затем кочевые и национальные советы, а также Комитет содействия народностям северных окраин, созданный при Президиуме ВЦИК [Боякова, 1995: 22]. Правительство ЯАССР разработало модель комплексного развития КМНС, предполагавшую интеграцию традиционных отраслей хозяйства (оленьеводства, рыболовства и пушного промысла) в экономику республики, что должно было способствовать национально-культурному возрождению и противодействовать процессам ассимиляции. Однако эти прогрессивные рекомендации остались в значительной мере нереализованными [Антонов, 2021: 139].

Процесс национального районирования в 1930-х гг.⁸ стал важным этапом в формировании этнического самосознания народов Севера. Инициатива создания

⁸ В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» от 10.12.1930 г. в составе Якутской АССР были созданы 5 национальных районов: Анабарский, Булунский, Вилуйско-Мархинский (Садынский), Жиганский, Тукуланский (Томмотский). Согласно постановлению Президиума ВЦИК «О национальных районах и внешних границах Якутской АССР» от 20.05.1931 г. были образованы еще 10 национальных районов: Аллаиховский, Момский, Оймяконский, Саккырырский, Тимптонский, Томпонский, Усть-Майский, Усть-Янский, Учурский, а также смешанный юкагиро-эвено-чукотский Нижне-Колымский район. Также постановлением Президиума ВЦИК от 01.10.1935 г. был

национальных административных единиц исходила не только от центральной и региональной власти, но и от самих северных народов, что свидетельствовало о росте их политической активности. Целью данного процесса признавалась необходимость учета экономических и этнокультурных особенностей Якутской АССР [Ignatyeva et al., 2022: 74].

Результаты указанной политики оказались весьма значительными. Как отмечал Ю.Д. Петров, «создание национальных районов способствовало зарождению у них из разрозненных группировок целостных национальных объединений, призванных к самостоятельной жизни». Основываясь на изучении архивных источников, он приходит к выводу, что «национальные районы, созданные на Севере Якутии, сыграли большую роль в подъеме экономики и культуры народов Севера» [Петров, 1998: 55]. Таким образом, национальные районы стали не просто административно-территориальными единицами, но и механизмом консолидации прежде разрозненных родовых/территориальных групп в более крупные этнические общности, институтом воспроизводства их этничности, а также эффективным инструментом их социально-экономического развития.

Однако, с началом советской индустриализации, проводившейся под лозунгом «освоения Севера», последующие административные преобразования ЯАССР стали проводиться исключительно в интересах промышленности. Несмотря на то, что постановления официально не были отменены, одни национальные районы «поглощались» новыми административно-территориальными образованиями, часть из них упразднялась, другие – передавались в подчинение промышленным городам и районам⁹. По итогам административной реформы 1963 г. все существовавшие административно-территориальные единицы Якутии были разделены на 2 категории – «промышленные» и «сельские» районы, но в 1965 г. их

образован Оленекский район; постановлением ЯЦИК от 01.12.1936 г. – Токкинский эвенкийский национальный район.

⁹ Например, в 1939 г. при образовании золотодобывающего Алданского округа в ЮЯ в его состав включили Тимптонский, Томмотский и Учурский национальные районы; в 1959 г. был упразднен Усть-Янский национальный район, а его территория разделена между Булунским и Верхоянским районами; в 1960 г. Садынский национальный район передан в подчинение алмазодобывающему городу Мирный; в 1963 г. территории ликвидированного Саккырырского национального района отошли к Кобяйскому и Верхоянскому районам и т.д.

всех преобразовали в «обыкновенные» административные районы. Ликвидация национальных районов впоследствии продолжилась в виде закрытия «неперспективных сел» коренных народов [Ignatyeva et al., 2022: 75].

Данная политика обернулась «... пренебрежением к человеческой личности северянина, непризнанием культуры народов Севера (родовая кочевая община оленеводов и охотников приравнивалась к первобытной стадии развития человечества), варварским отношением к среде обитания, игнорированием их интересов в решении любых вопросов, в том числе хозяйственных, которые привели аборигенные народы Севера к грани этнической катастрофы» [Народы Севера ..., 1994: 10-11].

По оценке В.А. Роббека, «ликвидация 15 национальных эвенкийских и эвенских районов, «неперспективных сел» (1940-1960 гг.) поставила народы Севера в положение репрессированных и репатриированных народов» [Роббек, 1999: 6]. К тому же, начавшееся интенсивное промышленное освоение северных территорий привело к неуправляемому миграционному процессу, когда «на Север хлынул поток пришлого населения». Коренные жители оказались в меньшинстве на своих исконных территориях. По мере промышленного вторжения КМНС «стали изгоняться с мест проживания своих предков и насильно переселяться в крупные поселки и районные центры», а национальные районы начали упраздняться «без учета мнения коренного населения» [Петров, 1998: 56].

При этом, промышленная экспансия накладывалась на уже ослабленный демографический потенциал КМНС. По данным Всесоюзных переписей населения, с 1939 по 1959 гг. численность эвенков в ЯАССР сократилась на 8,9%. Особенно чувствительным было сокращение мужского населения 1900-1924 гг. рождения – в 2,3 раза (на 1208 чел.). Численность детей в возрасте 0-9 лет уменьшилась в 1,7 раза: если в 1939 г. их было 2966, то через 20 лет эта когорта насчитывала лишь 1770 чел. Соотношение полов изменилось кардинально: если в 1939 г. мужчины составляли 51,8% эвенкийского населения, то к 1959 г. их доля снизилась до 47,3% [Сивцева, 2022: 130]. Потери, связанные главным образом с ВОВ, послевоенными голодом и разрухой, существенно ослабили

демографический и культурный потенциал эвенкийского народа накануне масштабной индустриализации Севера.

В этих условиях, как подчеркивает С.А. Григорьев, с конца 1950-х гг. начался новый этап промышленного развития северных территорий СССР, приведший к развитию градостроительства, инфраструктуры и росту численности населения. Ослабленные войной и демографическими потерями, КМНС оказались не в состоянии противостоять мощному деэтнизирующему давлению: они «стали быстро ассимилироваться, терять свой язык и культуру» [Григорьев, 2010: 40]. Таким образом, индустриализация Севера, несмотря на повышение уровня и качества жизни, ускорила процессы размывания и утраты этнической идентичности КМНС, чья численность и жизнестойкость были подорваны трагедиями предшествующих десятилетий.

К тому же, национальная политика СССР в целом была направлена на культурную унификацию, целью которой стало проведение в жизнь «единой целенаправленной политики по унификации духовной сферы», а в ЯАССР «в силу численного превосходства якутского населения происходило объёкчивание малочисленных народов Севера», причем этот процесс «поддерживался властью, как идущий в унисон с формированием социалистических наций и единого советского народа» [Филиппова, 2021: 21]. Это подтверждается конкретными механизмами: в советский период объёкчивание эвенков усилилось на фоне создания автономной республики, широкой сети якутских школ, местных СМИ и проведения политико-просветительских, культурно-массовых мероприятий на якутском языке [Романова и др., 1975: 27].

Противоречивость советской национальной политики проявлялась и в более широком контексте. В.А. Роббек подчеркнул, что несмотря на создание письменности и появление национальной интеллигенции, «политический эксперимент перевода «малых народов» Севера от патриархально-родового строя к социализму и коммунизму, минуя феодализм и капитализм, имел свои исключительно отрицательные последствия для судеб малочисленных народов Севера» [Роббек, 1999: 6]. Особенно тяжелыми оказались последствия политизации

сферы культуры и искусства: форсированное переустройство жизненного уклада, трансформация традиционного хозяйства и настойчивая пропаганда против национальных обычаев как «пережитков прошлого» привели к утрате этнического языка, разрушению нравственного здоровья и самобытной культуры КМНС [Боякова, Хатылаев, 2021: 540].

Масштабы языковой ассимиляции эвенков свидетельствуют о глубине данных процессов. По данным переписей, доля эвенков, владеющих этническим языком, неуклонно снижалась: с 15,1% в 1970 г. до 11,2% в 1979 г. и 8,5% в 1989 г. [Роббек, Кривошапкин, 1993: 5]. При этом уже к 1959 г. почти 80% эвенков перешло на якутский язык, а среди сельского эвенкийского населения Якутии данный показатель к 1990-м гг. достиг 87,6% [Аргунова, 1992: 44]. Как отмечала А.Н. Мыреева, столь резкое сокращение носителей эвенкийского языка связано прежде всего с неблагоприятной демографической ситуацией, в том числе естественной убылью представителей старших поколений – основных хранителей языка и традиционной культуры [Мыреева, 1993: 72].

Критическое состояние языков и культур народов Севера к началу 1980-х гг. потребовало кардинального пересмотра национальной политики. Так, по периодизации А.А. Бурыкина, с начала 1980-х гг. начинается пятый период в истории народов Севера, называемый периодом ревитализации языков и традиционных культур и характеризующийся «двусторонним контролем»: управлением как со стороны государства, так и со стороны самих коренных народов и их организаций [Бурыкин, 1997: 36].

Социологическая реальность Якутии наглядно демонстрирует реализацию данной модели. После десятилетий молчания в 1988-1989 гг. проблемы КМНС стали предметом открытого общественного обсуждения. Республиканские СМИ начали активно освещать вопросы социального, экономического и культурного развития северных народов. Важным шагом стало создание в 1989 г. Ассоциации народов Севера ЯАССР, инициатива которого исходила от самих представителей коренных народов и была поддержана на уровне республиканского руководства.

Деятельность Ассоциации с самого начала была направлена на практическое решение проблем этнокультурного возрождения. Уже в 1990 г. были подготовлены разговорники эвенкийского и эвенского языков, тематический словарь по оленеводству, началась работа по созданию национальных молодежных советов в учебных заведениях Якутска [Григорьев, 2010: 41]. Эти меры свидетельствовали о понимании ключевой роли языка в сохранении этнической идентичности и необходимости вовлечения молодежи в процессы этнокультурного возрождения.

Распад СССР и становление новой российской государственности создали принципиально другие условия для развития этнического самосознания коренных народов. В.В. Филиппова характеризует указанный период как «постсоветский всплеск интереса представителей малочисленных народов Севера к культуре, традициям и языку предков», связывая его с «поисками этнической идентичности, собственного места в социальной иерархии современного российского общества» [Филиппова, 2021: 21]. Поиски воплотились в создании новых форм этнической самоорганизации на федеральном уровне. В этот период наблюдается «активизация этнополитической субъектности», которая проявилась в создании общественных объединений, крупнейшим из которых стала Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, основанная в 1990 г. и объединившая 34 региональных и этнических образования [Винокурова, 2015: 110].

Данная активность привела к дальнейшей дифференциации этнического движения. В течение 1992-1993 гг. в Якутии прошла серия учредительных съездов, заложивших основу для создания национальных общественных организаций [Игнатьева, 1999: 117-118]. Февраль 1992 г. ознаменовался проведением I Республиканского съезда КМНС в эвенкийском с. Иенгра, где делегаты из 9 районов республики обозначили ключевые проблемы своих народов, среди которых особое место занимали вопросы языковой ассимиляции и утраты традиционных форм хозяйствования [Григорьев, 2015: 62]. Осознание специфических проблем каждого народа привело к созданию отдельных национальных ассоциаций: в 1991-1992 гг. были созданы Ассоциация эвенов РС(Я) и Ассоциация эвенков г. Якутска, в 1995 г.

зарегистрирована Ассоциация долган РС(Я), а в 1999 г. состоялся учредительный съезд Ассоциации эвенков РС(Я) [Григорьев, 2017: 303].

Параллельно с организационным строительством шли процессы институциональных преобразований. При содействии законодательных и исполнительных органов на протяжении 1990-х гг. в РС(Я) была сформирована юридическая база, гарантирующая права КМНС на социально-экономическое и этнокультурное развитие. Республиканский парламент принял ряд законов, создающих условия для сохранения традиционного уклада и культуры КМНС: о кочевых родовых общинах, правовом статусе коренных народов, оленеводстве, альтернативной военной службе и других аспектах их жизнедеятельности [Мярикянова и др., 2021: 469].

Важным достижением данного периода стало создание в РС(Я) национальных районов и национальных наслегов компактного проживания КМНС, что означало частичное восстановление утраченной в советский период системы национально-территориального самоуправления. Одновременно развернулись процессы этнокультурного возрождения: создавались музеи, посвященные истории и культуре местных народов, разрабатывались туристические маршруты, открывались этнокультурные центры в местах традиционного проживания и пр. При этом музеи стали выполнять новую мировоззренческую функцию. В.Б. Игнатьева подчеркивает, что их роль выходит за рамки простого сохранения и демонстрации артефактов исторического прошлого, они формируют у молодого поколения восприятие традиционной культуры как ресурса для модернизации и развития [Игнатьева, 2022б: 114].

Важную роль в активизации этнического самосознания играли СМИ. Анализ материалов региональной прессы 1991-1994 гг. показывает, что публикации о КМНС присутствовали практически в каждом номере газет. При этом более 20% публикаций были посвящены вопросам возрождения этнической культуры и сохранения языков [Астахова, 2020: 75]. Особенно важным было создание медиапространства на языках КМНС. Созданная в 1992 г. телерадиостудия «Геван» транслировала еженедельно пять часов программ на эвенкийском, эвенском и

юкагирском языках. К сожалению, к настоящему времени объем вещания сократился более чем вдвое – до двух часов в неделю (две получасовые телепередачи и четыре двадцатиминутные радиопрограммы). Резкое сокращение эфирного времени вызывает обоснованную тревогу, учитывая критическое состояние языков КМНС. Тем не менее, само существование регулярного информационного контента на исчезающих языках продолжает играть важную роль в поддержании языковой среды. Дополнением к теле- и радиовещанию стала газета «Илкэн», начавшая выходить с 1999 г. В настоящее время эта ежемесячная газета отводит около 30% своего объема материалам на языках КМНС [Шарина, 2022: 43].

Однако особенность ситуации, сложившейся в 1990-е гг., заключалась в том, что активизация этнической идентичности развивалась параллельно с процессами межэтнической интеграции. Данные переписей показывали сокращение числа однонациональных браков при одновременном росте численности людей, идентифицирующих себя с малочисленными народами [Винокурова, 2015: 110], что свидетельствовало о сложном характере этнических процессов, когда утрата традиционных механизмов воспроизводства культуры компенсировалась осознанным выбором этнической принадлежности.

Действительно, феномен роста численности КМНС в постсоветский период нельзя объяснить исключительно демографическими факторами. Значительную роль в данном процессе играет «восстановление национальности» – сознательный выбор этнической принадлежности людьми смешанного происхождения или теми, кто ранее был записан представителями других национальностей.

Механизмы этнической идентификации ранее определялись комплексом факторов. Л.И. Винокурова акцентирует внимание на роли языковой среды и локальных этнодемографических контекстов: в русскоязычных поселениях дети от смешанных браков традиционно выбирали русскую идентичность, тогда как в населенных пунктах с преобладанием якутского населения представители КМНС часто переходили на якутский язык и, как следствие языковой ассимиляции, меняли официальную национальность на якутскую [Винокурова, 2003: 63].

В.Б. Игнатьева, в свою очередь, подчеркивает значение этнической структуры самой семьи. Анализируя данные переписи 1970 г., автор выявляет существенную диспропорцию: в Якутии якутско-эвенкийских браков насчитывалось 624, а русско-эвенкийских – 97. Она отмечает, что при всем многообразии брачных союзов у народов Севера численно преобладали браки с представителями более крупных народов – русскими и якутами. В условиях низкой внешней «репутации» КМНС в советский период этническое самоопределение детей от смешанных браков закономерно склонялось в пользу последних [Игнатьева, 2022а: 44].

Важно отметить, что статус титульного народа в национальных регионах создавал особые условия для этнической идентификации. Если в Якутии дети от смешанных якутско-эвенкийских браков часто выбирали якутскую национальность как более престижную, то аналогичная ситуация наблюдалась и в других национальных образованиях. Показателен пример Эвенкийского автономного округа¹⁰, где, по данным Н.А. Мамонтовой, «эвенкийская идентичность в районе в целом престижнее, чем все остальные», и дети от смешанных якутско-эвенкийских браков преимущественно идентифицировали себя как эвенки [Мамонтова, 2013: 80]. Таким образом, титульный статус этнической группы в рамках административно-территориального образования выступал одним из ключевых факторов ее социального престижа.

Возвращаясь к ситуации в Якутии, следует отметить, что межэтнические контакты продолжали интенсивно развиваться. По данным Б.Н. Попова, именно в период, предшествовавший этническому возрождению, наблюдался значительный рост числа межэтнических браков: «доля браков якутов с народностями Севера (относительно всех межнациональных браков, заключенных якутами) возросла с 3,2 до 12,5% в 1985 г. и 14,1% в 1989 г.», причем «материалы республиканского архива загса свидетельствуют, что в советское время количество браков якутов с эвенками и эвенками, начиная с 1960-х гг., заметно возрастает» [Попов, 1993: 206].

¹⁰ Субъект России, существовавший до 2007 г., ныне – Эвенкийский район Красноярского края.

Период перестройки и 1990-х гг. создал условия возвращения к эвенкийской идентичности, масштабы которой впечатляют: в 1979-1989 гг. численность КМНС в Якутии увеличилась на 2992 чел. за счет восстановивших свою национальность, что составило 46,2% прироста у эвенов, 43,1% у эвенков и 26,7% у юкагиров [Винокурова, 2003: 63]. Процесс продолжился и в последующие десятилетия. Так с 1989 по 2002 гг. наблюдалось существенное увеличение численности эвенков, обусловленное ростом этнического самосознания [Филиппова, 2023б: 250].

Важно отметить, что волна этнического возрождения проявилась не только в реидентификации взрослых, но и в изменении стратегий национального определения детей. По данным похозяйственных книг 1990-х гг., в смешанных браках с участием представителей КМНС преимущественное предпочтение стало отдаваться северным народам, а не якутской национальности [Винокурова, 1997: 37]. Дети от смешанных браков, заключенных в предшествующие десятилетия, стали основным контингентом этнической реидентификации в постсоветский период. Так, к началу 2009 г. численность эвенков в районах их компактного проживания достигла 13233 чел., показав 10%-й рост по сравнению с ВПН-2002 [Баишева, Томаска, 2012: 199].

Основным фактором, способствовавшим этнической реидентификации, стало изменение как внешних, так и внутренних эстимационных характеристик КМНС. В постсоветский период на фоне роста мирового интереса к аборигенным культурам произошла переоценка ценности традиционных укладов жизни: циркумполярные формы хозяйствования стали признаваться уникальными по своей сбалансированности с природной средой, что способствовало смене национального нигилизма и равнодушия чувством национальной гордости и самооценности, стимулируя процессы этнического возрождения [Игнатьева, 1994: 90].

Однако процессы этнической реидентификации определялись не только культурно-психологическими факторами и стремлением к восстановлению исторической справедливости. Дополнительным стимулом к восстановлению «северной» национальности в 1990-е – начале 2000-х гг. служили и прагматические соображения. При этом, даже представители северных саха в указанный период

выбирали эвенкийскую или эвенскую идентичность для получения равных льгот при работе в сходных условиях. Особое значение данная мотивация приобрела в годы военных действий в Чечне, когда отсрочка от военного призыва для юношей из числа КМНС стала дополнительным фактором этнической реидентификации [Винокурова, 2003: 63]. Помимо этого, официальный статус КМНС дает право доступа к ресурсам для традиционного природопользования. В условиях активизации промышленного освоения северных территорий угроза крупных проектов на землях традиционного природопользования нередко становится катализатором мобилизации этничности и перемены официальной идентификации [Сирина, 2012: 152].

В настоящее время на рост численности КМНС продолжают влиять как социокультурные, так и демографические факторы. Как отмечают В.В. Филиппова и Г.А. Гнатюк, «на увеличение численности КМНС немаловажную роль сыграло изменение национального самосознания и их более высокая рождаемость» [Филиппова, Гнатюк, 2017: 63]. Демографические исследования подтверждают устойчивость выявленной тенденции: «особенностью воспроизводства народностей Севера является более высокий уровень рождаемости», причем «в большинстве мест проживания КМНС сохраняется высокий уровень рождаемости» при том, что «уровень смертности на большей части территории проживания КМНС ниже общереспубликанских значений» [Федорова, Саввинова, 2024: 89]. Таким образом, благоприятная демографическая динамика усиливает эффект от процессов этнического возрождения постсоветского периода.

Подъем этнического самосознания в послесоветское время вызвал не только прирост численности эвенков, но и стимулировал их культурно-языковую активность. Известно, что эти процессы взаимно усиливают друг друга: благоприятная демографическая динамика создает основу для расширения этнокультурной деятельности, а развитие этнокультурных институтов способствует укреплению этнической идентичности.

Основой культурного возрождения стало обращение к традиционным ценностям. Как отмечает В.Б. Игнатьева, «пробуждение» исторической памяти

КМНС выразилась прежде всего в реконструкции архаических обрядовых праздников, которые, в свою очередь, стимулировали возрождение всего комплекса этнической культуры – национального костюма, песенного и танцевального фольклора, декоративно-прикладного искусства [Игнатьева, 2022а: 47]. Ключевую роль в данном процессе сыграли общественные организации, которые взяли на себя реконструкцию и проведение этнических праздников [Васильева и др., 2021б: 533]. Знаковым событием для эвенков стал первый возрожденный Бакалдын, организованный 24-26 мая 1991 г. на р. Кенкеме в 45 км от Якутска и собравший практически всех эвенков столицы – не менее 1,5 тыс. чел. [Варламов, 2022: 554].

Параллельно с возрождением праздничной культуры шло формирование институциональной основы для поддержания этнокультурных традиций. Центрами данного процесса стали культурно-досуговые учреждения (*далее* – КДУ). Хотя в 2005 г. из 521 КДУ РС(Я) только 5 проводили мероприятия на эвенкийском языке – сельский клуб в Хатыстыре, этнокультурный центр «Эян» в Иенгре, дома культуры в якутоязычных сс. Сюльдюкар, Кюсюр и Кыстатыам [Иванова и др., 2005: 23], но в последующие годы ситуация начала постепенно выправляться. В якутоязычных эвенкийских селах стали регулярно проводиться национальные праздники, создаваться ансамбли, исполняющие традиционные эвенкийские танцы и песни.

В настоящее время этнокультурная активность достигла нового уровня. Через проектную деятельность и грантовые поддержки успешно реализуются многочисленные площадки для поддержки обрядовых традиций эвенков (праздники Икэнипкэ, Синилгэн, Бакалдын), активно возрождается этнический эпос нимнгакан, набирают популярность традиционные круговые танцы. Эта многогранная деятельность охватывает все больше населенных пунктов и привлекает растущее число участников разных возрастов. В.С. Никифорова и Е.Н. Романова отмечают, что традиционные календарные праздники выполняют ключевую функцию в поддержании этнической идентичности, создавая духовную общность и укрепляя жизнеспособность народа [Никифорова, Романова, 2023: 34]. При этом национальные праздники играют особую роль именно для молодого поколения. Как подчеркивает О.В. Васильева, они становятся основным ресурсом

воспроизводства этничности среди молодежи КМНС, демонстрируя витальность традиционной культуры [Васильева, 2022: 90].

Так, особенно показательна трансформация отношения молодежи к традиционной культуре. Возросший интерес к фольклору связан не столько с его развлекательной функцией, сколько с поиском этнических корней и исторической памяти. Создание новых творческих коллективов и ассоциаций объединяет молодых эвенков, стремящихся к изучению этнического языка и культуры. Как отмечает М.В. Егорова, круговые танцы стали маркером этнической принадлежности: их исполняют не только на официальных мероприятиях, но и во время неформальных молодежных встреч и фестивалей [Егорова, 2022: 688].

При этом сами круговые танцы претерпели функциональную трансформацию. Сохранив художественную форму, они утратили сакральное значение, перейдя из обрядовой сферы в праздничную. Данный переход, произошедший в конце XX в., связан с сокращением использования эвенкийского языка в повседневной коммуникации. В условиях языкового сдвига традиционные танцы становятся альтернативным способом сохранения и передачи языка [там же: 693].

Если в национальных эвенкийских районах и наслегах этнокультурная активизация ожидаема, то примечательно, что подобное проявляется и в других районах Якутии, где проживают значительные группы эвенкийского населения. Так, в Хангаласском районе, где эвенки и эвены, по данным А.А. Сулейманова, составляют существенную часть населения отдельных сел (например, в с. Едей – около 13% жителей), наблюдается активность в популяризации этнической культуры: отмечается традиционный эвенкийский праздник «Синильгэн», в 2018 г. поддержку Фонда президентских грантов получил проект «Буотамы живительная сила», направленный на популяризацию традиций охотничьей культуры эвенков. Исследователь подчеркивает, что район дал республике известных эвенкийских писателей В.В. Данилову и Н.Р. Калитина [Сулейманов, 2023: 38].

Вместе с тем, современная реальность характеризуется противоречием между оценками различных акторов: если главы наслегов и улусов (районов) не видят

проблем в области культуры и традиций, то этнические ассоциации указывают на критическое состояние языков КМНС [Неустроева, Михайлова, 2022: 95].

Тем не менее, в последние годы наметились позитивные тенденции в области ревитализации эвенкийского языка, во многом обусловленные развитием цифровых технологий. Важную роль в процессах этнической мобилизации стали играть социальные сети. Так, группа «Эвенки» в социальной сети «ВКонтакте» стала наиболее активной и многочисленной площадкой для обсуждения этнокультурных вопросов. Анализ тематики обсуждений, проведенный Н.А. Мамонтовой, показывает приоритеты участников: вопросы организации национальных районов (408 комментариев), развитие общения на родном языке (303), стратегии сохранения народа (285), межэтнические браки (194), эвенкийские имена (153) [Мамонтова, 2014: 97]. География участников группы отражает урбанизационные процессы: 46,5% откликов из Якутска, 12,6% из Санкт-Петербурга, 10,3% из Москвы, что свидетельствует о сохранении этнической идентичности среди городских эвенков. Показательно, что вторым языком коммуникации после русского в группе является якутский, что отражает реальную ЯС в среде эвенков Якутии, которые являются численно доминирующими [там же: 99].

Параллельно с развитием социальных сетей происходит создание специализированных цифровых инструментов для изучения и сохранения языка. Научными сотрудниками ИГИиПМНС СО РАН Г.И. Варламовой и А.Н. Варламовым разработан востребованный разговорник эвенкийского языка для мобильных устройств. Реализуются проекты дистанционного обучения языку для разновозрастных групп, создан «Электронный словарь эвенкийского языка» (Т.Е. Андреева, К.Н. Стручков, В.В. Бочкарев, 2020). Важным достижением стал запуск в 2021 г. медиаплатформы «Ауана» – первого в мире голосового переводчика с русского на эвенкийский язык (Н.А. Апросимов – разработчик) [Шарина, 2022: 43]. Создание данного инновационного инструмента стало результатом успешного сотрудничества молодежной организации «Омакта нэнэн» с IT-специалистами проектного офиса AYANA, что продемонстрировало потенциал молодежных инициатив в области цифровой языковой ревитализации. Успех проекта

стимулировал дальнейший поиск технологических решений для продвижения эвенкийского языка среди молодого поколения.

Цифровизация образовательного процесса открыла новые возможности для вовлечения молодежи в языковую ревитализацию. Представители молодежи, владеющие цифровыми технологиями, активно включаются в преподавание эвенкийского языка: совместно с членами Ассоциации эвенков Якутии они работают преподавателями и техническими модераторами онлайн-курсов «Эвэдыт турэткэл» (говори по-эвенкийски), которые в период пандемии позволили охватить слушателей из Якутии, Амурской области, Красноярского края, Иркутской области и Москвы, с дифференцированным подходом к обучению детей и взрослых [Степанова, 2022: 212]. Активно используются и мессенджеры: в Якутии действуют WhatsApp¹¹-группы, специально созданные для обучения этническим языкам КМНС и общения на них [Захарова, Захарова, 2023: 217].

Важным направлением языковой ревитализации становится цифровизация культурного наследия индигенных народов. Е.Г. Маклашова отмечает развитие масштабных проектов, непосредственно поддерживающих функционирование этнических языков: на интернет-портале «Илкэн» регулярно публикуются материалы на языках КМНС, а разрабатываемый портал arctic-megapedia.ru призван стать платформой для живого использования языков всех северных народов Якутии и Хабаровского края [Маклашова, 2022: 149]. Данные цифровые платформы создают новое пространство для активного функционирования языков КМНС в современной информационной среде.

Таким образом, веб-среда становится не только пространством виртуального диалога для жителей отдаленных северных территорий, но и платформой для создания новых языковых ресурсов. Данные процессы демонстрируют, что эвенкийский язык продолжает функционировать и развиваться в новых коммуникационных ситуациях [Мамонтова, 2022: 95]. Молодежь использует интернет-сообщества также для обмена информацией и новостями, что позволяет

¹¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в России.

поддерживать связь с кочевьями сородичей и сохранять этническую идентичность в условиях территориальной разобщенности [Романова и др., 2021: 124].

Развитие цифровых технологий породило также новые формы этнической самопрезентации. Особым феноменом стал этноблогинг, развитию которого способствовала государственная программа по устранению цифрового неравенства, запущенная в 2014 г. Появление сотовых вышек 4G/LTE в отдаленных районах привело к освоению местным населением онлайн-пространства [Головнев, 2024: 131]. Показателен пример «хатыстырского этноблогинга» в ЮЯ. По мнению автора, небольшое с. Хатыстыр Алданского района стало центром активности эвенкийских этноблогеров, которые презентуют миру образ «современных тунгусов». Эвенки рассказывают о себе и своем народе, используя различные стили и форматы, конкурируя за внимание аудитории. При этом языковая практика блогеров отражает сложившуюся в Якутии ЯС: между собой оленеводы общаются на якутском языке, но для камеры переключаются на русский, ориентируясь на широкую зрительскую аудиторию [там же: 137].

Растущая этническая активность проявляется не только в виртуальном пространстве. Молодежный активизм приобретает организованные формы, начиная с создания в 2019 г. на VII Съезде эвенков Якутии общественной организации «Омакта нээнэн» (с эвенк. новое движение). Ядро организации составили молодые филологи, педагоги и исследователи, что определило ее основные направления работы: защита языкового многообразия, поддержка многоязычного образования и популяризация эвенкийского языка. Деятельность организации строится на принципах самоорганизации и инициативности («Do It Yourself»), что проявляется в проведении олимпиад по эвенкийскому языку для городской молодежи, организации интеллектуальных онлайн-игр «Дяличи» (с эвенк. умный) для школьников ЮЯ и т.д. [Степанова, 2022: 212].

Развитие молодежного движения получило новый импульс в 2024 г., когда состоялся I Суглан (собрание) молодежи эвенков Якутии. На форуме было принято решение о создании республиканской организации молодых эвенков «Геван» (с

эвенк. рассвет, утренняя звезда) [Степанова, 2025: 111], что свидетельствует о переходе молодежных инициатив на новый организационный уровень.

Формирование молодежных организаций отражает качественно новый этап в развитии этнического самосознания, когда молодое поколение КМНС позиционирует себя как активный субъект социокультурных преобразований. Через конкретные инициативы и проекты молодежь реализует свое право на этническую идентичность, формируя новую модель субъектности (agency) КМНС – способность самостоятельно определять направления своего развития и действовать в соответствии с собственными интересами и ценностями [Степанова, 2022: 218]. Однако за подобной активностью стоят глубинные процессы переосмысления собственной идентичности.

Стремление молодежи к популяризации культуры и языковой ревитализации, как подчеркивает О.В. Васильева, имеет различную мотивационную основу: «в одних случаях оно исходит из глубокой связи и непоколебимого ощущения принадлежности к своей этнической группе, в других – важную роль играют поиск собственной идентичности, ее становление и утверждение» [Васильева, 2022: 81]. Результатом данного поиска становится формирование у эвенкийской молодежи Якутии нового типа языковой идентичности – двойной этноязыковой, когда родными признаются и якутский, и эвенкийский языки [Данилов, Игнатьева, 2022: 35]. Это существенно отличается от языковых установок предыдущих поколений и показывает, что даже отсутствие языковой компетенции не препятствует идентификации с этническим языком.

2.5. Эвенкийский язык в системе образования Якутии

История преподавания эвенкийского языка в школах Якутии неразрывно связана с общим процессом создания письменности для эвенков в 1930-х гг. Основой для литературного эвенкийского языка был выбран непский говор южного диалекта, выбор которого объяснялся наличием в нем общих черт с тремя основными диалектными группами эвенкийского языка. На его базе были созданы

первые буквари и учебники, которые использовались для обучения эвенкийских детей в СССР, включая Якутию [Романова и др., 1975: 27].

Создание письменности, разработка учебных и дидактических материалов позволили начать систематическое преподавание эвенкийского языка в школах Якутии с 1930-х гг. [Семенова, 2012: 67], заложив основу для развития национального образования эвенков в Якутской АССР. При этом первые шаги в развитии эвенкийского школьного образования были сделаны еще в 1920-х гг. В некоторых населенных пунктах, таких как Томмот и Алдан Алданского района, преподавание на эвенкийском языке продолжалось до 1934 г. [Стручков, 2009: 70]. Начальные эвенкийские школы функционировали также в бывших Томмотском, Учурском, Тимптонском и Токкинском районах [Романова и др., 1975: 27].

Одновременно с развитием сети национальных школ создавалась система подготовки педагогических кадров: с 1929/1930 уч. г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена началась подготовка учителей из числа народов Севера [Петров, Урун, 2025: 593], а в 1933 г. при Якутском педагогическом техникуме было открыто эвено-эвенкийское отделение [Антонов, Антонова, 2012: 451].

Однако уже в довоенный период обозначились серьезные проблемы. Школы в ряде районов были переведены на якутский язык обучения. Основными причинами стали нехватка квалифицированных учителей эвенкийского языка и трудности, которые испытывали местные школьники при работе с учебниками. Несмотря на открытие специализированных направлений подготовки педагогов, большинство учителей готовилось на краткосрочных курсах из числа окончивших лишь 6-7 классов, что приводило к низкому уровню профессиональной подготовки значительной части педагогов [там же]. Кроме того, литературный язык эвенков был «не совсем понятен носителям других диалектов» [Роббек, 1999: 5], что особенно ощущалось среди эвенков Якутии, чьи диалекты существенно отличались от литературной нормы [Романова и др., 1975: 27].

Существенные изменения в системе национального образования произошли в конце 1930-х гг. С 1938 г. начался процесс постепенного закрытия национальных

школ [Стручков, 2009: 71]. В том же году было закрыто и отделение по подготовке учителей для школ малочисленных народов в Якутском педучилище [Васильева и др., 2021а: 284]. Попытки исправить ситуацию предпринимались: приказ наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина от 07.09.1943 г. предписывал восстановить подготовку педагогических кадров, однако объективное отсутствие специалистов по языкам народов Севера не позволило реализовать эти планы [там же]. В послевоенный период процесс сворачивания национального образования продолжился отменой эвенкийского языка как языка обучения в 1-2 классах, а также сокращением часов эвенкийского языка как предмета [Роббек, 1999: 6]. К 1958 г. обучение было окончательно переведено на русский язык. Последовал длительный перерыв в преподавании эвенкийского языка. Возобновление подготовки учебников на языках народов Севера, включая эвенкийский, произошло только в 1969 г. Но к указанному времени ЯС в эвенкийских селах Якутии изменилась: на эвенкийском говорили лишь единицы [Стручков, 2009: 71].

Восстановление преподавания эвенкийского языка в школах Якутии началось постепенно после длительного перерыва. К концу советского периода ситуация оставалась сложной: в 1989 г. эвенкийский язык изучали всего 184 учащихся [там же: 78]. При этом реальные образовательные потребности эвенкийского населения расходились с существующей практикой. Согласно данным опроса «Межнациональные отношения» (1990 г.), охватившего 3,5 тыс. респондентов, 81,5% опрошенных эвенков выступало за включение этнического языка в школьное образование; 61,5% предпочитали двуязычное обучение (эвенкийско-русское), а 20% – обучение преимущественно на эвенкийском языке. Лишь 13,3% опрошенных ориентировались исключительно на русский язык обучения [Аргунова, 2003: 75]. Разрыв между общественным запросом и образовательной реальностью требовал срочного решения. Первые шаги к возрождению языка делались на уровне общественных инициатив: в 1989 г. А.Н. Мыреева организовала в Якутске воскресную школу по изучению эвенкийского языка [Варламов, 2018: 20].

Качественные изменения произошли в 1990-х гг. с переходом государственной этнонациональной политики на принципы поликультурализма. Новая идеология

предполагала активную поддержку и развитие языков и традиций народов России, что нашло воплощение во внедрении с 1990 г. региональной концепции национальной школы, ориентированной на обучение детей на этническом языке и воспитание на традициях народной педагогики. В рамках данной концепции издавались новые учебники на языках КМНС, а в местах их компактного проживания открывались кочевые школы, учитывающие традиционный образ жизни и быт аборигенов [Антонов, Антонова, 2012: 454]. Результаты этой политики оказались заметными: с 1980-х гг. по 2006 г. число школьников в РС(Я), изучающих эвенкийский и эвенский языки, увеличилось в 3,3 раза [Боргояков, 2020: 30].

Ключевым событием в Якутии стало республиканское совещание по вопросам развития школ Севера, проведенное в 1993 г. По оценке А.Д. Марфусаловой, озвученной на учредительном съезде Ассоциации эвенков РС(Я) в 1999 г., это совещание стало «настоящим катализатором прогрессивных перемен в образовательном процессе эвенкийских деревень». Так, после совещания в ряде школ начались эксперименты по возрождению языка и культуры. В школах сс. Иенгра, Кутана, Хатыстыр, Куду-Кель эксперименты включали не только изучение языка, но и возрождение материальной культуры и профессиональную подготовку. Попытки организовать изучение эвенкийского языка были предприняты также в якутоязычных Оленекском и Усть-Майском улусах [Марфусалова, 2018: 23].

Если в 1990 г. язык преподавался только в 2 школах республики и охватывал лишь 12% детей-эвенков [там же: 24], то в последующие годы наблюдается заметное улучшение ситуации. К 1996/1997 уч. г. доля эвенкийских детей, изучающих этнический язык в школе, выросла до 38,8% [Винокурова, 2000: 179], что показывает более чем трехкратное увеличение охвата. В абсолютных цифрах данная динамика выглядит следующим образом: в 1998/1999 уч. г. этнический язык изучали 967 учащихся-эвенков [Стручков, 2009: 78], а в 1999/2000 уч. г. – 907 школьников из общего числа 3379 детей-эвенков [10 лет..., 2001: 39]. Несмотря на некоторое снижение показателей к концу 1990-х гг., общий тренд десятилетия демонстрирует существенное расширение преподавания эвенкийского языка.

Ключевым показателем данного расширения стало не только увеличение числа изучающих язык, но и значительное расширение географии его преподавания. К концу 1990-х гг. эвенкийский язык преподавался в нескольких районах республики. В Алданском районе функционировали четыре школы с преподаванием эвенкийского языка: Кутанинская, Угоянская, Хатыстырская СОШ и НОШ в Угино. В Нерюнгринском районе язык изучался в Золотинской школе-интернате и специализированной школе-интернате «Арктика». Особенно примечательным является тот факт, что эвенкийская национальная культура начала изучаться даже в районах проживания якутоязычных эвенков – в Жиганском районе (Кыстатыамская и Линдинская СОШ) и Мирнинском районе (Сюльдюкарская СОШ) [10 лет..., 2001: 40], что свидетельствует о стремлении сохранить этническую идентичность эвенков даже в условиях полного языкового сдвига, используя школьное образование как инструмент поддержания связи с культурным наследием предков.

Дополнением к системе стационарного школьного образования стало создание и развитие кочевых школ, призванных решить проблему обучения детей оленеводов без отрыва от семьи и традиционного уклада жизни. Хотя первые эксперименты с кочевым образованием проводились еще в советский период, они были свернуты в связи с переходом коренного населения на оседлый образ жизни и созданием системы интернатов. Возрождение данной образовательной формы началось в 1990-е гг.¹².

Признание важности кочевого образования на республиканском уровне выразилось в принятии в 2005 г. «Концепции системы кочевых образовательных учреждений Республики Саха (Якутия)» и последующем законе «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)» (2008). Сегодня в системе общего образования РС(Я) кочевые школы представляют собой специфичную образовательную модель, включающую дошкольное, начальное и основное образование детей оленеводов

¹² Начиная с 1991 г., когда была открыта первая эвенкийская кочевая школа-сад «Күөнэлэкэн» в Оленекском районе, данная форма образования постепенно распространилась и в других районах компактного проживания эвенков. В 1992 г. начали работу малокомплектные кочевые школы при родовых общинах «Угут» и «Амма» Алданского района, в 1994-2009 гг. функционировала школа при общине «Черода» Олекминского района, а в 2004 г. открылась летняя этноэкологическая школа «Авданна» [Табышева, 2013: 230].

[Биткеева и др., 2022: 17]. Отметим, что с указанной инновационной формой образования исследователи в настоящее время связывают особые надежды на ревитализацию языка, поскольку она позволяет сохранить естественную языковую среду и межпоколенческую передачу языка [Терехина, 2017: 139].

В 1990-е гг. наряду с расширением сети образовательных учреждений важным шагом в институциональной поддержке преподавания стало открытие в 1993 г. в г. Нерюнгри лаборатории эвенкийского языка и культуры при Якутском НИИ национальных школ. Лаборатория занималась методической поддержкой учителей, разработкой учебников и пособий. За 10 лет работы было издано 3 книги на эвенкийском языке [Марфусалова, 2018: 23].

Вместе с методическим обеспечением решалась стратегически важная задача подготовки педагогических кадров. Еще в 1991/1992 уч. г. была открыта кафедра северной филологии в Якутском государственном университете (ныне – СВФУ им. М.К. Аммосова). Деятельность кафедры, готовившей специалистов не только для Якутии, но и для других регионов Севера и Дальнего Востока, способствовала формированию новой интеллектуальной элиты КМНС [Филиппова, Иванова, 2014: 102], а также существенно изменила образовательный ландшафт региона. Если к моменту ее открытия в республике функционировало всего 8 эвенских, 2 эвенкийских и одна юкагирская школа, то подготовленные выпускники смогли обеспечить преподавание языков КМНС в 20 районах Якутии¹³.

Однако, несмотря на значительный вклад кафедры в решение кадровой проблемы и другие формы институциональной поддержки, основные препятствия для полноценного восстановления преподавания эвенкийского языка в 1990-х гг. сохранялись. Подготовка специалистов в университете не могла мгновенно компенсировать десятилетия кадрового дефицита, а ограниченное финансирование не позволяло обеспечить стабильное включение изучения этнического языка и культуры в программы всех школ республики, в которых обучались эвенкийские

¹³ По данным на 2020 г. за годы работы кафедра подготовила более 350 чел., в том числе 70 научно-педагогических кадров только за последние 5 лет. Помимо подготовки кадров, кафедра ведет методическую работу с учителями национальных школ, обеспечивая непрерывное профессиональное развитие педагогов [Петров, 2020: 24].

дети [Винокурова, 2000: 179]. Таким образом, институциональные инициативы 1990-х гг., хотя и создавали основу для развития эвенкийского образования, не могли полностью решить системные проблемы в данной сфере.

При этом положительным фактором в развитии преподавания эвенкийского языка являлось отношение самих эвенков к изучению этнического языка. Исследования 1990-х гг. выявили устойчивую потребность в овладении эвенкийским языком среди представителей разных поколений, что свидетельствовало о сохранении этнического самосознания и стремлении к поддержанию этнической идентичности [Винокурова, 1997: 39]

Особенно показательны результаты опроса учащихся эвенкийской национальности в Тянской СОШ Олекминского района. Все опрошенные школьники продемонстрировали высокую мотивацию к изучению этнического языка. Характерно высказывание ученицы Сарданы П., которая отмечает: «Эвенкийский язык мне очень нравится и особенно, когда сижу и учусь на эвенкийском уроке». Девочка мечтает стать учительницей эвенкийского языка и литературы. Другой ученик, Артем Н., связывает свое желание изучать язык с семейной историей: «Мне нравится учить эвенкийский язык потому, что отец был эвенк, бабушка – коренная эвенкийка» [там же: 38].

Стремление детей к изучению эвенкийского языка находит поддержку у родителей. Однако взрослое население испытывало неудовлетворенность существующими возможностями для изучения и использования этнического языка. Показательно мнение учителя из с. Найба Т.К. Шадрина, который связывает сохранение языка с выживанием самого народа: «Если бы способствовали оживлению родного языка, был бы очень благодарен. Тогда наш народ не исчез бы, встал бы на путь развития» [там же: 39].

Начало 2000-х гг. характеризовалось дальнейшим развитием системы преподавания эвенкийского языка в школах Якутии. К тому времени эвенкийский язык преподавался в 14 школах пяти улусов республики. Общее число изучающих язык составляло 1948 чел., из которых 1400 учащихся изучали эвенкийский как самостоятельный предмет, а 548 – факультативно [Аргунова, Васильева, 2000: 222].

География преподавания охватывала следующие районы: Алданский район (5 школ – Хатыстырская, Кутанинская, Угоянская СОШ, а также школы в Угутае и Амме), Олекминский район (2 школы – Тянская и Киндигирская СОШ), Нерюнгринский район (2 школы – Золотинская СОШ и школа-интернат «Арктика»). Кроме того, эвенкийский язык изучался в двух учебных заведениях г. Якутска – республиканском колледже и СОШ №7 [Бюллетень Совета ..., 2005: 113].

Ряд школ в эвенкийских населенных пунктах в указанный период реализовывали экспериментальные программы, направленные на интеграцию этнокультурного компонента в образовательный процесс. Золотинская СОШ Нерюнгринского района работала над программой «Национально-региональный компонент в обучении и воспитании детей в полиэтнической среде». Хатыстырская СОШ Алданского района реализовывала программу «Формирование этнической толерантности детей малочисленных народов в условиях диалога культур в сельском социуме». Сюльдюкарская СОШ Мирнинского района развивала концепцию «Школа – этноцентр эвенкийской культуры». Специализированная средняя школа-интернат «Арктика» в Нерюнгри имела особый статус федеральной экспериментальной площадки и работала над созданием модели межрегиональной школы-гимназии для КМНС [Габышева, 2004: 43].

Важным показателем эффективности преподавания стал рост качества обучения. По данным Министерства образования РС(Я) в 2002 г. при 100% успеваемости качество знаний по эвенкийскому языку составило 67%, что превышало показатель 2001 г. (60,3%). Однако сохранялись проблемы, препятствующие расширению преподавания. Основными причинами были отсутствие педагогических кадров – носителей этнического языка и недостаток программ и учебно-методических пособий для обучения детей, не владеющих эвенкийским языком. В результате в ряде улусов с компактным проживанием якутоязычных эвенков – Жиганском, Булунском, Усть-Майском и Оленекском – эвенкийский язык не изучался вовсе. Положительной тенденцией стало расширение географии преподавания. С 2001/2002 уч. г. изучение эвенкийского

языка и национальной культуры началось в Сьюльдюкарской СОШ Мирнинского района [Андреева, Стручков, 2003: 21].

В 2002/2003 уч. г. статистика преподавания эвенкийского языка демонстрирует некоторые расхождения в источниках. По одним данным, эвенкийский язык изучали 789 учащихся [Стручков, 2009: 79], по другим – 1171 [Васильева, 2007: 57], что может объясняться различиями в методике подсчета: включением или исключением внеурочных форм изучения языка.

Детальный анализ по районам показывает неравномерное распределение преподавания эвенкийского языка в республике. Наибольшее число изучающих язык было сосредоточено в Алданском районе, где в 7 образовательных учреждениях из 426 учащихся эвенкийской национальности 341 изучал этнический язык как самостоятельный предмет. В Нерюнгринском районе эвенкийский язык преподавался в 2 учреждениях, охватывая всех 260 учащихся из числа эвенков. В Олекминском районе из 234 учащихся эвенкийской национальности, обучающихся в 5 учреждениях, этнический язык изучали только 105 чел. В Мирнинском районе функционировало одно учреждение с преподаванием эвенкийского языка, где его изучали все 50 учащихся [там же: 59]. При этом в ряде районов компактного проживания якутоязычных эвенков ситуация оставалась неизменной. В Анабарском, Булунском, Оленекском и Усть-Майском улусах эвенкийский язык как самостоятельный предмет не изучался вовсе [там же: 57], что свидетельствовало о неполном охвате эвенкийского населения языковым образованием.

К тому же к 2004 г. наблюдается сокращение количества школ, преподающих эвенкийский язык – до 9 школ с 739 учащимися, что составляло 21% от общего числа детей-эвенков. Русский язык оставался основным языком обучения, а эвенкийский изучался как предмет в 1-9 классах и использовался как язык обучения только на уроках этнокультурной направленности [Стручков, 2009: 75].

Дополнением к школьному образованию стала деятельность воскресной школы при Доме народов Севера в Якутске, которая начала регулярную работу с 2003 г. Динамика численности эвенкийской группы показывает относительную стабильность: 2003/2004 уч. г. – 15 чел., 2004/2005 уч. г. – 12 чел., 2005/2006 уч. г. –

12 чел., 2006/2007 уч. г. – 12 чел. Несмотря на сокращение количества учащихся, организаторы отмечали такие положительные качественные изменения, как уменьшение текучести слушателей и рост качества подготовки. Многие слушатели стали понимать эвенкийский язык [Языковая политика..., 2007: 36].

Исследование 2008 г. выявило изменения в образовательных предпочтениях эвенков. Это – резкое снижение доли сторонников обучения исключительно на русском языке (с 13,3 до 3,8%) и одновременный рост желающих обучать детей на эвенкийском или якутском языке (с 20 до 28,6%) [Иванова, 2013: 58], что детерминировано усилением этнической самоидентификации и стремлением к сохранению (ревитализации) этнического языка. К сентябрю 2009 г. эвенкийский язык изучался в 14 школах для 1263 детей [Местникова, 2010: 185], что демонстрировало существенный рост по сравнению с 2004 г.

Однако отмеченное увеличение оказалось нестабильным. Данные 2014 г. показывают, что эвенкийский язык как предмет изучали всего 364 школьника [Габышева, Абрамова, 2024: 157], что свидетельствует о низком уровне охвата детей эвенкийской национальности изучением этнического языка в системе школьного образования РС(Я). Таким образом, существовал разрыв между растущими потребностями эвенкийского населения в этноязыковом образовании и реальными возможностями системы образования по их удовлетворению, в результате чего подавляющее большинство эвенкийских детей не имело возможности изучать этнический язык в школе.

В последующие годы наблюдается существенный рост охвата детей. По данным Министерства образования и науки РС(Я), уже в 2016/2017 уч. г. эвенкийский язык изучали 1125 детей в 15 школах республики [Абрамова, Горохова, 2020: 416], что представляет более чем трехкратное увеличение по сравнению с 2014 г. Данный скачок можно объяснить как активизацией государственной политики по поддержке языков КМНС, так и возросшим интересом самих эвенкийских сообществ к изучению этнического языка.

Пиковые показатели были достигнуты в 2017/2018 уч. г., когда число изучающих эвенкийский язык достигло 1574 чел. в 18 школах. Однако уже в

следующем учебном году наблюдается снижение до 1159 детей, несмотря на дальнейшее увеличение числа школ до 20-ти. В 2019/2020 уч. г. произошло частичное восстановление показателей до 1344 детей при сохранении числа школ на уровне 20 [там же].

Особую ценность для понимания реальной ситуации представляют детализированные данные О.В. Васильевой и В.Е. Охлопкова, которые делят учащихся на две различные категории. Первая категория включает детей с эвенкийским языком обучения. Численность данной группы крайне мала: 66 школьников в 2016/2017 уч. г., 143 – в 2017/2018 уч. г., 98 – в 2018/2019 уч. г., 117 – в 2019/2020 уч. г., 98 – в 2020/2021 уч. г. [Васильева, Охлопков, 2021: 295].

Важно отметить, что возобновление использования эвенкийского языка как средства обучения в России в 2016/2017 уч. г. произошло после длительного перерыва. Так, в 2006/2007 уч. г. эвенкийский язык как средство обучения использовался для 66 школьников в России, но затем данная функция была утрачена вплоть до 2016/2017 уч. г., когда для 111 учеников эвенкийский язык вновь стал использоваться как средство обучения. При этом из общего числа данных учеников 45 чел. обучались в Амурской области и 66 чел. – в РС(Я) [Горячева, 2022: 165].

Вторая категория охватывает детей, изучающих эвенкийский язык как самостоятельный предмет в рамках школьной программы. Численность данной группы составляла: 677 школьников в 2016/2017 уч. г., 562 – 2017/2018 уч. г., 713 – 2018/2019 уч. г., 745 – 2019-2020 уч. г. и 277 – 2020/2021 уч. г. [Васильева, Охлопков, 2021: 295]. Здесь наблюдается более высокая численность по сравнению с первой категорией, но также прослеживаются значительные колебания. Так, в 2020/2021 уч. г. происходит резкий спад – сокращение более чем в 2,5 раза по сравнению с предыдущим годом, что требует дополнительного анализа. Наиболее очевидным фактором, вероятно, является пандемия COVID-19 и связанный с ней переход на дистанционное обучение. Вероятно, в условиях общей дезорганизации учебного процесса приоритет отдавался основным предметам, что могло привести к сокращению или отмене занятий по эвенкийскому языку.

Вместе с тем есть другие данные за тот же 2020/2021 уч. г., которые высвечивают совершенно иную картину, указывая на 1001 школьника, изучающего эвенкийский язык в 18 школах [Неустроева, Михайлова, 2022: 95], что значительно превышает сумму двух категорий по О.В. Васильевой и В.Е. Охлопкову, которая составляет всего 375 детей (98 + 277). Заметное расхождение данных может объясняться различиями в использованных учеными методиках подсчета. Вероятно, одни источники учитывают только детей, изучающих эвенкийский язык как обязательный предмет в рамках основной образовательной программы, в то время как другие включают в статистику и тех, кто изучает язык во внеурочной форме – в кружках, факультативах, элективных курсах. Безусловно, различия в учете урочной и внеурочной деятельности, а также неоднозначность критериев включения в статистику, могут приводить к столь серьезному диссонансу итоговых данных. В связи с этим необходимо признать, что обнаруженный факт косвенно указывает на серьезные проблемы в системе статистического учета и мониторинга преподавания языков КМНС, что в нашем случае затрудняет объективную оценку реального состояния эвенкийского языкового образования в республике.

По состоянию на 2024 г. эвенкийский язык как предмет изучался в 11 школах республики, охватывая 794 чел. [Габышева, Абрамова, 2024: 157]. Сравнительный анализ выявляет противоречивые тенденции. С одной стороны, по сравнению с 2014 г., когда язык изучали всего 364 школьника, наблюдается более чем двукратный рост изучающих эвенкийский язык. С другой стороны, относительно пикового периода 2017/2018 уч. г. с 1574 чел. в 18 школах, произошло существенное сокращение как численности изучающих, так и количества школ. Вместе с тем, важным нововведением стало внедрение преподавания эвенкийского языка в городских поселениях Якутии. Так, в СОШ № 26 и СОШ № 38 г. Якутска созданы классы с изучением эвенкийского языка, охватывающие 48 обучающихся, из которых 32 – учащиеся начальной, 14 – основной и 2 – средней школы [там же].

В целом, общая численность изучающих эвенкийский язык в 2024 г. составляла 842 чел. (794 в сельских школах и 48 в городских), что остается низким показателем относительно общей численности эвенкийского населения школьного

возраста. Сокращение числа школ с 18-20 в конце 2010-х гг. до 11 в 2024 г. означает сужение географического охвата и снижение доступности изучения этнического языка для значительной части детей-эвенков.

Показательными примерами различных подходов к организации обучения эвенкийскому языку в ЮЯ являются образовательные учреждения в сс. Иенгра (Нерюнгринский район) и Хатыстыр (Алданский район). Несмотря на то, что оба села расположены в регионе, где эвенкийский язык сохранился лучше, чем в северо-западных районах республики, ЯС в них существенно различается (см. § 2.3). Так, в Иенгре, где сохраняется наиболее благоприятная языковая среда, создана непрерывная система обучения: от детского сада «Золотинка» до средней школы-интерната, где эвенкийский язык изучается пять часов в неделю [Биткеева и др., 2024: 50]. Школа реализует Программу сохранения традиционной культуры северных народов, созданной группой педагогов под руководством Н.Д. Дымбрыловой. Помимо обязательных учебных предметов по языку и национальной культуре, программа включает занятия по оленеводству и охотному промыслу с выездом в стойбища и на участки родовых общин. Данный подход, помимо формирования теоретических знаний, вырабатывает практические навыки общения на этническом языке, знакомит школьников с традиционной жизнью оленевода, охотника и рыбака [Белянская, 2016: 30].

В СОШ №20 с. Хатыстыр Алданского района ситуация иная: изучение эвенкийского языка начинается только с 3-го класса с минимальной нагрузкой по одному часу в неделю. Несмотря на то, что около 80% учащихся идентифицируют себя как эвенки, они практически не владеют этническим языком. История преподавания эвенкийского языка здесь носит прерывистый характер: после попытки, предпринятой в 1990-х гг., обучение возобновилось лишь в 2018 г. с приходом квалифицированного педагога. Вместе с тем, школа сталкивается с типичными проблемами: нехваткой учебников, слабой мотивацией родителей и отсутствием языковой среды, компенсируя это участием в культурных мероприятиях и творческих конкурсах [Биткеева и др., 2024: 55].

Примечательно, что инновационные лингвистические проекты возникают в самых разных условиях, включая села с якутоязычным эвенкийским населением. В с. Оленек, например, внедрение инициативы по возрождению эвенкийского языка началось на уровне детского сада. Местные педагоги организовали экспедиции по стойбищам, где по рассказам старожилов восстанавливали традиционные игрушки, которые затем используют вместе с народными играми для языкового возрождения. Подобный подход позволил детскому саду стать центром языковых и культурных инноваций [Цирульников, 2022: 24].

Но даже при наличии образовательных программ важно понимать ограниченность возможностей существующей системы образования в деле сохранения языка. Как отмечали Н.Я. Булатова, Н.Б. Вахтин и Д.М. Насилов, ошибочным является мнение, будто школа в одиночку способна «спасти» язык коренного населения в условиях, когда родители учеников не говорят на данном языке со своими детьми дома. Максимум, чего можно ожидать от школьных программ – это то, что они дадут детям представление о языке их предков, помогут сохранить память о нем, обеспечат языку некоторое место в жизни общества. Но усилия школы не в состоянии заменить семью и обеспечить преемственность в использовании языка [Булатова и др., 1997: 8].

Тем не менее, изучение языков КМНС в образовательных учреждениях остается сегодня основным фактором их сохранения и возрождения. Стоит отметить, что даже подобная поддержка языка через систему образования в Якутии реализуется недостаточно эффективно. Данные 2024 г. подтверждают, что система преподавания эвенкийского языка сохраняет низкий уровень развития, охватывая незначительную часть эвенкийских детей и не обеспечивая условий для сохранения и развития языка. Ситуация осложняется еще тем, что во многих населенных пунктах образовательная инфраструктура для изучения эвенкийского языка отсутствует, что делает невозможными попытки языкового возрождения и негативно сказывается на этническом самосознании [Мамонтова, 2022: 97].

Выводы по Главе 2

Диахронический анализ языковой ситуации эвенков Якутии выявил сложную картину этноязыковых процессов, характеризующуюся выраженной территориальной вариативностью и нелинейностью развития.

Установлено формирование двух различных моделей языкового сдвига. На Северо-Западе Якутии к концу XIX в. сложилась уникальная языковая ситуация: якутский язык как основное средство общения использовало практически все коренное население региона, независимо от этнической принадлежности. Материалы переписи 1897 г. зафиксировали, что 96% тунгусов Вилюйского округа считали родным языком якутский, причем это касалось как тех, кто проживал среди якутов, так и тех, кто имел самостоятельные кочевья. Вопрос о том, является ли это результатом языковой ассимиляции эвенков или, как предполагал Г.В. Ксенофонтов, свидетельством раннего расселения здесь якутоязычного населения, остается дискуссионным. Независимо от различных интерпретаций их этногенеза, в настоящей работе мы исходим из субъективной идентификации индивида/группы и применяем термин «якутоязычные эвенки» для обозначения тех, кто считает себя эвенками при полном переходе на якутский язык.

В отличие от Северо-Запада, в Южной Якутии языковой сдвиг протекал значительно медленнее. Здесь до 1960-х гг. сохранялись группы носителей эвенкийского языка, особенно среди лиц, занятых в традиционных промыслах. При этом внутри региона наблюдалась значительная территориальная вариативность как в степени сохранности языка, так и в типах формировавшегося двуязычия: если в Алданском и Олекминском районах складывалось якутско-эвенкийское двуязычие, то в Нерюнгринском районе сформировался уникальный для Якутии эвенкийско-русский тип без промежуточного якутского компонента. Диапазон языковых ситуаций был чрезвычайно широк: от практически полной якутизации алдано-майских (усть-майских) эвенков до почти абсолютного сохранения языка у тимптонских (чульманских, иенгринских) эвенков вплоть до 1980-х гг. К началу XXI в. и в районах Южной Якутии произошел масштабный языковой сдвиг, однако

здесь сохранились отдельные «островки» относительной языковой витальности: с. Иенгра Нерюнгринского района, где эвенкийский язык продолжает функционировать в общении между представителями старшего и среднего поколений; с. Тяня Олекминского района, где сохраняется небольшая группа активных носителей преклонного возраста, а среди населения младше 60 лет язык поддерживается в семьях оленеводов и охотников; с. Хатыстыр Алданского района, где пожилые носители изредка используют язык в общении друг с другом.

Процесс языкового сдвига детерминировался комплексом взаимосвязанных факторов, качественно трансформировавшихся в разные исторические периоды. В досоветский период ключевую роль играли: демографическое доминирование якутов на осваиваемых ими территориях, усилившееся в результате массовых миграций XVII-XIX вв.; превращение якутской культуры в магистральную, что делало якутский язык вторым языком для локальных групп эвенков; трансформация видов занятий, связанная с переходом части эвенков от оленеводства и охоты к якутскому типу скотоводства, что требовало освоения соответствующей терминологии и знаний; массовые межэтнические браки, причем в якутской среде дети от смешанных браков полностью переходили на якутский язык уже во втором поколении; экономическая зависимость эвенков от якутов, выступавших посредниками в условиях ясачной системы; превращение якутского языка в универсальное средство межэтнического общения всего региона; высокая этнокультурная адаптивность самих эвенков, их способность к освоению языков и культур соседних народов и др.

В советский период к отмеченным «естественным» факторам ассимиляции добавились институциональные механизмы. Политика коллективизации и укрупнения колхозов приводила к созданию смешанных хозяйств с преобладанием якутского населения и закреплению позиции якутского языка как основного средства коммуникации. Насильственный перевод кочевого населения на оседлость разрушал естественную языковую среду традиционных стойбищ. Система дошкольного воспитания исключительно на русском и якутском языках приводила к отстранению родителей от воспитания детей и разрыву языковой

преемственности уже в раннем возрасте. Школы-интернаты, где обучение велось на русском и якутском языках при полном исключении эвенкийского, окончательно подрывали механизмы межпоколенческой передачи этнического языка. Особенно негативную роль сыграла непоследовательность языковой политики в образовании: после создания письменности и введения преподавания эвенкийского языка в 1930-х гг., начиная с 1938 г. последовало закрытие национальных школ, в послевоенный период произошла отмена эвенкийского как языка обучения и затем наступил длительный перерыв в его преподавании. Создание единого литературного языка на базе непского говора, непонятного носителям других диалектов, дополнительно осложняло ситуацию для разных территориальных групп эвенков Якутии.

Ослабление способности противостоять ассимиляционному давлению было обусловлено демографическими потерями периода ВОВ, послевоенного голода и разрухи, снизившими жизнестойкость эвенкийского народа, а также индустриализацией Севера. Ликвидация в 1950-1960-е гг. национальных эвенкийских районов и «неперспективных сел» уничтожила территориально-административную основу этнической консолидации. Начавшееся в указанный период масштабное промышленное освоение территории Якутии сопровождалось неуправляемым миграционным потоком, в результате которого коренные жители оказались в меньшинстве на своих исконных землях. Идеологическая кампания против «пережитков прошлого», форсированное переустройство традиционного уклада жизни, а также политика культурной унификации, нацеленная на создание «единого советского народа», способствовали маргинализации традиционной культуры и языка.

Однако характерной особенностью конца XX в. стало то, что продолжающаяся языковая ассимиляция сопровождалась беспрецедентным ростом этнического самосознания эвенков. Если доля владеющих языком сокращалась с 15,1% в 1970 г. до 8,5% в 1989 г., то численность идентифицирующих себя как эвенки устойчиво росла, причем 43,1% прироста в 1979-1989 гг. было обусловлено восстановлением национальности — сознательным выбором эвенкийской идентичности. В постсоветский период процесс этнического возрождения получил

институциональное оформление через создание общественных организаций, восстановление национальных районов и наслегов, развитие этнокультурных центров, а также новые формы культурной активности в цифровом пространстве.

Выявленные процессы отражают качественную трансформацию функций этнического языка: от средства внутриэтнической коммуникации через последовательное вытеснение в ограниченные сферы к полному исчезновению из повседневной практики в большинстве эвенкийских населенных пунктов. Одновременно происходило усиление символической мощности языка, проявляющееся в устойчивом желании изучать язык при ограниченности сфер его использования, формировании двойной этноязыковой идентичности у молодежи и использовании элементов языка как этнических маркеров при минимальном практическом владении.

Система языкового образования, несмотря на создание важных институциональных предпосылок, сталкивается с объективными трудностями. В условиях практически полного отсутствия естественной языковой среды образовательные учреждения становятся единственным пространством контакта с языком. Нестабильность показателей, включая сокращение числа школ с преподаванием эвенкийского с 20 до 11 в 2019-2024 гг., указывает на необходимость укрепления системы как ключевого инструмента языковой ревитализации.

Таким образом, эвенкийский язык в Якутии находится на критической стадии языкового сдвига с почти полной утратой коммуникативных функций. При этом рост этнического самосознания, активизация молодежных инициатив и расширение символического использования языка создают определенный потенциал для ревитализации, реализация которого зависит от понимания символической мощности языка в сознании якутоязычных эвенков – наиболее многочисленной группы эвенков республики.

ГЛАВА 3. МОДУСЫ СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОЩНОСТИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЯКУТОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ

3.1. Территориальная вариативность символической мощности эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия)

Рассмотренные во второй главе исторические процессы языкового сдвига, рост этнического самосознания привели к формированию сложной и противоречивой ЯС у эвенков Якутии в начале XXI в. Данные последних ВПН демонстрируют неожиданный тренд, требующий детального анализа и интерпретации. Так, статистика переписей населения СССР и России за период с 1989 по 2020 гг. фиксирует кардинальные изменения в языковой самоидентификации эвенков. На протяжении двух десятилетий наблюдалась стабильная тенденция к сокращению: в 1989 г. лишь 8,5% эвенков называли этнический язык родным, к 2010 г. эта цифра снизилась до 6,4%. Аналогично снижалась и доля владеющих языком. Однако ВПН-2020 зафиксировала резкий разворот: доля лиц, признающих эвенкийский родным языком, возросла до 15%, а владеющих им – до 11,4%. Подобная тенденция наблюдается и на общероссийском уровне: прирост владеющих составил 6,5%, а считающих этнический язык родным – 2,3% [Данилов, 2025: 207].

Данные изменения можно объяснить через концепцию «коэффициента эмотивности», отражающего долю лиц, которые называют этнический язык родным, фактически им не владея. Сравнительные исследования переписных данных, проведенные авторами концепции, показывают, что рост данного показателя характерен для всех коренных народов России и свидетельствует об усилении СМ миноритарных языков в контексте этнической мобилизации постсоветского периода [Ханова и др., 2024: 62].

Новым в ВПН-2020 стал вопрос об использовании языка, позволивший разграничить владение языком и его реальное функционирование. Данный показатель обнаружил существенный разрыв, особенно выраженный в якутоязычных эвенкийских сообществах, которые являются предметом нашего основного внимания. Анализ данных по шести улусам (районам) республики

(Анабарскому, Булунскому, Жиганскому, Мирнинскому, Оленекскому и Усть-Майскому), в которых проживают якутоязычные эвенки, выявляет характерную картину (см. табл. 1). Перепись зафиксировала 800 эвенков, заявивших о владении этническим языком, но лишь 187 чел. указали на его применение в жизни. Следовательно, только каждый четвертый из заявивших о владении языком использует его, что убедительно свидетельствует о преимущественно символическом характере фиксируемой переписью языковой компетенции.

Таблица 1

Численность эвенков, показатели владения эвенкийским языком и его использования в территориальном срезе по данным ВПН-2020 (чел.)¹⁴

Улус (район)	Численность	Владение языком			Использование языка		
		Э	Р	Я	Э	Р	Я
Алданский	2130	460	2037	1896	76	2015	1864
Анабарский	1074	4	997	1026	0	972	942
Булунский	2097	14	2057	1461	11	1929	1113
Жиганский	2624	536	2506	2160	19	2380	2070
Мирнинский	577	38	560	407	24	544	380
Нерюнгринский	1241	805	1222	72	773	1216	57
Олекминский	1194	305	1147	1044	15	1086	1033
Оленекский	3566	22	3136	1801	15	1251	1787
Усть-Майский	2105	186	2060	1423	118	2046	1344

Наиболее показательным в данном отношении является Жиганский национальный эвенкийский район, демонстрирующий максимальный контраст между декларациями и практикой. Здесь 536 чел. заявили о владении эвенкийским языком. Отметим, что это наибольший показатель среди всех якутоязычных районов. При этом использование языка отметили лишь 19 респондентов, то есть менее 4% от числа заявивших о владении.

Итоги социолингвистического обследования, проведенного нами в вышеуказанном районе [Danilov, 2025], позволяют верифицировать и уточнить переписные данные. Так, выявлена более сложная картина существующей ЯС. Если перепись зафиксировала 20,4% эвенков, заявивших о владении этническим языком,

¹⁴ Согласно Закону РС(Я) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» от 10.07.2003 в таблицу включены улусы (районы) национальными поселениями эвенков. Принятые сокращения: Э – эвенкийский язык; Р – русский язык; Я – якутский язык.

то наш опрос показал, что реальную языковую компетенцию (свободное или разговорное владение) демонстрируют 6,5% респондентов: 0,5% – владеют свободно, 6% – на разговорном уровне. Остальные 46,5% опрошенных, заявивших о каком-либо уровне владения, знают отдельные слова и фразы, что подтверждает наш вывод о преимущественно символическом характере деклараций в переписи.

Анализ причин недостаточного владения этническим языком выявляет преобладание структурных факторов над личностными. Доминирующими препятствиями респонденты называют отсутствие преподавания языка в школе (42%) и отсутствие языковой среды в семье (31%). В совокупности на институциональные ограничения указали 73% опрошенных, значительно превосходя долю указавших на отсутствие потребности в языке (10,5%). Крайне низкий процент респондентов, ссылающихся на нежелание изучать эвенкийский (1,5%), свидетельствует о том, что проблема заключается не в мотивации, а в отсутствии возможностей для изучения и практики языка. Вместе с тем, особенно примечательно, что 46,5% респондентов считают эвенкийский язык важным для будущих поколений. Данный запрос на языковую ревитализацию формирует благоприятную среду для потенциальных образовательных инициатив, которые могут опираться на высокую СМ языка в качестве основы для его возрождения. Отметим, что жиганские эвенки, как и представители других якутоязычных сообществ, возлагают надежды на систему образования как основной институт языковой ревитализации [Данилов и др., 2024: 355].

Процесс трансформации языковых установок иллюстрирует высказывание 38-летней жительницы района: «Раньше я считала родным языком якутский – тот, на котором начала говорить и которым пользуюсь в повседневной жизни. Более того, из-за незнания эвенкийского языка мне было стыдно называть себя эвенкийкой. Сейчас все иначе. Теперь я с гордостью говорю, что я эвенкийка, а мой родной язык – эвенкийский». Подобное свидетельство демонстрирует процесс реэтнизации, когда язык, даже при отсутствии активного владения им, становится одним из ключевых символов этнической принадлежности и средством преодоления комплекса неполноценности, связанного с невладением языком. Как отмечает Н.Я.

Булатова, «многие представители северян, особенно метисы, из-за незнания родного языка боятся идентифицировать себя со своими народами» [Булатова, 2017: 15]. В данном случае осознание эвенкийского языка как родного, вне зависимости от фактической компетенции, не только легитимизирует этническую самоидентификацию, но и трансформирует чувство стыда в чувство гордости.

Иерархия этнических маркеров в сознании жиганских эвенков подтверждает возрастание СМ языка. В структуре этнической идентичности эвенкийский язык занимает третье место (13%), значительно уступая культуре и традициям (64%). Интересно, что язык как маркер идентичности по частоте упоминаний сопоставим с историей и территорией (14%), что подтверждает его значимость как ресурса этничности, несмотря на фактическое вытеснение из повседневного общения. Показательно, что в Оленекском национальном эвенкийском районе, имеющем аналогичный статус, исследование идентичности молодежи показало, что язык как маркер этнической идентичности превосходит по значимости родную землю, природу и историческое прошлое, уступая лишь культуре и обычаям [Захарова, Маклашова, 2025: 102]. Это позволяет предполагать, что со временем роль языка как этнического маркера в сознании жиганских эвенков будет возрастать.

Национальный статус района, присвоенный в 2008 г., по-видимому, играет ключевую роль в формировании позитивного отношения к этническому языку и усилении его СМ в сознании жиганских эвенков, создавая институциональную и идеологическую основу для потенциальной языковой ревитализации.

Сами респонденты подтверждают положительное влияние национального статуса на этноязыковые процессы, отмечая конкретные институциональные изменения. Прежде всего, активизировалась организация традиционного эвенкийского праздника «Бакалдын» как на сельском, так и на районном уровне. Образовательные учреждения (школы и детские сады) интенсифицировали внедрение эвенкийского компонента: расширилась сеть факультативов по эвенкийскому языку, регулярными стали тематические праздники, созданы фольклорные ансамбли. Дома культуры также включились в работу по популяризации языка и культуры. Так, анализ сфер функционирования

эвенкийского языка в районе обнаруживает его церемониальный характер. Для подавляющего большинства респондентов (77%) национальные праздники являются основным или единственным контекстом, где они слышат эвенкийскую речь, что подчеркивает роль культурных мероприятий в поддержании символического присутствия языка в публичном пространстве. Показательно также, что 15,5% респондентов слушают эвенкийские песни, что указывает на потенциал музыкальной культуры как канала популяризации языка среди людей, не владеющих им. Подобное символическое функционирование языка через культурные практики, при полном отсутствии бытового использования, является характерной чертой якутоязычных эвенкийских сообществ.

Институциональная поддержка эвенкийского языка в Жиганском районе проявляется также в его представленности в публичном пространстве сел. В соответствии со ст. 35 Закона РС(Я) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16.10.1992 г., соблюдается требование об оформлении вывесок на государственных и официальных языках региона¹⁵, в данном случае – на эвенкийском. Присутствие эвенкийского языка на вывесках организаций, в учреждениях культуры и образования выполняет символическую функцию, легитимизируя статус языка и укрепляя этноязыковую идентичность жиганских эвенков.

Особенно активно формирование эвенкоязычного пространства происходит в образовательных учреждениях. Педагоги самостоятельно создают визуальную среду, оформляя классы, коридоры и рекреации тематическими стендами, плакатами с текстами на эвенкийском языке. Примечательно, что перевод надписей и подготовка материалов часто осуществляются силами самих учителей, что свидетельствует об их высокой мотивации и личной вовлеченности в процесс языковой ревитализации. Подобная инициатива снизу, не обусловленная административным указанием, отражает реальную заинтересованность педагогического сообщества в возрождении языка.

¹⁵ В Якутии согласно ст. 46 Конституции РС(Я) от 04.04.1992 г. два государственных языка: русский и якутский (саха тыла). В местах компактного проживания КМНС официальный статус имеют эвенский, эвенкийский, юкагирский, чукотский и долганский языки.

Важную роль в повышении языковой компетенции педагогов играют цифровые сообщества практиков. Республиканские группы в мессенджере WhatsApp¹⁶ объединяют энтузиастов и специалистов, которые делятся опытом, консультируют по вопросам перевода и методики, проводят онлайн-обучение эвенкийскому языку. Неформальные сети создают горизонтальные связи между языковыми активистами разных улусов (районов) Якутии, способствуя обмену знаниями и практиками. В целом, цифровые технологии открывают возможности для языковой ревитализации в условиях отсутствия естественной языковой среды. Популярность среди якутоязычных эвенков Жиганского района приобрело мобильное приложение «Ауана». Молодые респонденты особенно активно используют его, отмечая доступность и удобство интерфейса. Вместе с тем эффективность цифровых инструментов в формировании полноценной языковой компетенции еще предстоит оценить, их роль в поддержании интереса к языку и создании ощущения его актуальности для молодого поколения уже очевидна.

Таким образом, в Жиганском районе формируется многоуровневая система поддержки символического функционирования эвенкийского языка, включающая визуальное пространство, культурно-образовательные инициативы. Данная деятельность, несмотря на то, что не обеспечивает восстановления коммуникативной функции языка в полном объеме, создает определенные условия для роста его СМ и формирования позитивных установок, которые могут стать основой для более масштабных ревитализационных программ в будущем.

Схожие процессы развиваются и в Оленекском национальном эвенкийском районе, получившем данный статус в 2005 г., однако с менее выраженной динамикой в показателях переписей. Активизация языковых инициатив здесь происходит в последние годы: 2023 и 2024 гг. были провозглашены «Годами эвенкийского языка», учреждена специальная премия «Мой родной эвенкийский язык», призванная стимулировать языковые практики в семьях¹⁷. К тому же, в 2025

¹⁶ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в России.

¹⁷ Распоряжение Главы Оленекского национального эвенкийского района от 26.02.2024 «О мерах социальной поддержки в МР «Оленекский национальный эвенкийский район» в Год семьи в Российской Федерации, Год детства в Республике Саха (Якутия), Год эвенкийского языка в Оленекском национальном эвенкийском районе». URL:

г. молодой педагог эвенкийского языка А.В. Андреева стала дипломантом Всероссийского конкурса «Лучший учитель родного языка и родной литературы»¹⁸. Приведенные примеры демонстрируют формирование институциональной поддержки языка, которая может усилить уже наметившиеся позитивные тенденции и способствовать росту СМ эвенкийского языка.

Вместе с тем, существенно иная картина наблюдается в Анабарском долгано-эвенкийском национальном районе, получившем статус в 2004 г. Тем не менее по данным ВПН-2020 лишь 4 чел. из 1074 эвенков района заявили о владении эвенкийским языком, причем ни один не указал на его использование. Столь существенное отличие от Жиганского (536 владеющих) и Оленекского (22 владеющих) улусов требует разъяснения; как нам представляется, ключевым фактором здесь является двухкомпонентность национального статуса.

Долгано-эвенкийская двойственность создает специфическую ситуацию конкуренции символических ресурсов и размывания институциональных приоритетов. В отличие от моноэтничных Жиганского и Оленекского эвенкийских районов, где языковая политика сфокусирована на поддержке одного миноритарного языка, Анабарский район сталкивается с необходимостью балансировать между интересами двух КМНС. При этом долганы численно преобладают над эвенками (по ВПН-2020 в районе проживают 1542 долган и 1074 эвенка), что, вероятно, создает асимметрию в распределении ресурсов и внимания.

Показательны в этом отношении данные о лингвистическом ландшафте. Исследования показывают, что публичное пространство обоих населенных пунктов района (Саскылах и Юрюнг-Хая) оформлено преимущественно на русском языке: указатели улиц, режим работы магазинов, рекламные щиты, названия торговых точек и др. Даже вывески органов местного самоуправления и республиканских учреждений представлены только на государственных языках РС(Я) – русском и

<https://mr-olenek.ru/wp-content/uploads/2024/11/rasporyazhenie-o-merah-soczialnoj-podderzhki-v-gs-rf-gd-rsya-geya-oenr-2.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁸ Александра Андреева обладатель Диплома в специальной номинации Ассамблеи народов России Всероссийского профессионального конкурса «Лучший учитель родного языка и родной литературы – 2025» // МКУ «Оленекское районное управление образования» МР «Оленекский эвенкийский национальный район» РС(Я). URL: <https://uoolenek.obr.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3343212> (дата обращения: 12.09.2025).

якутском. Интересно объяснение представителя местной администрации о причинах отсутствия эвенкийского языка на вывесках: «все равно никто не знает языка». При этом долганский язык также отсутствует, но по иной причине: «На долганском будет выглядеть так же, как и на якутском, поэтому не стали дублировать» [Захарова, Захарова, 2022: 73]. Данная аргументация отражает как незнание лингвистической специфики долганского языка (который, несмотря на близость к якутскому, имеет отличия практически на всех уровнях языка), так и пассивность администрации в реализации языковых прав коренных народов.

Социолингвистические материалы подтверждают переписные данные. Подавляющее большинство эвенков (96,7%) в качестве родного языка указывают якутский, и лишь 3,3% – эвенкийский, что существенно контрастирует с другими якутоязычными районами и проявляет отсутствие компенсаторной СМ языка. Показательна структура оснований невладения эвенкийским языком, выявленная в ходе опроса: на первом месте вполне ожидаемо фиксируется утрата языка как средства внутрисемейного общения (46,7%), однако второй по значимости причиной оказывается отсутствие потребности во владении языком (23,3%) [Филиппова и др., 2020: 504]. Последнее особенно интересно, поскольку отражает не внешние факторы, а внутреннюю мотивацию, то есть практически для каждого четвертого эвенка района этнический язык не представляет ценности. Указанная установка резко контрастирует с ситуацией в Жиганском районе, где, несмотря на аналогичное отсутствие языка в семьях, наблюдается высокая языковая лояльность и как следствие – желание возродить язык. В Анабарском же районе низкая СМ эвенкийского языка не компенсирует утрату его функциональных свойств, создавая замкнутый цикл: отсутствие потребности в языке не стимулирует институциональную поддержку, а ее отсутствие, в свою очередь, не формирует позитивных установок у населения. Для сравнения, отсутствие преподавания в школе как причину невладения отметили 20% респондентов, что чуть меньше, чем показатель отсутствия потребности. Таким образом, проблема лежит скорее в сфере ценностных ориентаций и этноязыковой идентичности.

В целом, национальные эвенкийские районы Якутии демонстрируют различные траектории институциональной поддержки этнического языка и, соответственно, разный уровень формирования его СМ. Однако независимо от успешности языковой политики, проводимой на улусном (районном) и наследном (локальном) уровне, общим для всех якутоязычных сообществ остается вопрос о соотношении символического и реального владения языком среди тех, кто обнаруживает знание эвенкийского в переписных листах.

Безусловно, среди них есть и реальные носители языка. Их условно можно разделить на две группы. Первую группу составляют учителя эвенкийского языка, работающие в местных школах. Практически во всех якутоязычных селах эвенкийский язык преподается факультативно, что требует наличия квалифицированных педагогов. Чаще всего это так называемые «новые говорящие» – уроженцы этих же поселений, получившие лингвистическое образование на кафедре северной филологии СВФУ им. М.К. Аммосова или в Институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена. Полевые наблюдения также показывают присутствие педагогов, получивших образование в 1990-х гг. в Якутском педагогическом колледже №2 или Колледже народов Севера в п. Черский по специальностям дошкольного и начального образования.

Вторая группа представлена мигрантами из районов ЮЯ или других регионов РФ, переехавшие по производственным или семейным обстоятельствам. Показательна в данном контексте ситуация в Мирнинском районе. В сс. Сюльдюкар и Тас-Юрях, населенных потомками брагатских эвенков, перепись зафиксировала лишь по 2 чел., заявивших о знании языка. Основная же концентрация владеющих языком в районе наблюдается в промышленных городах: Мирном (13 чел.) и Удачном (12 чел.). Учитывая большую интенсивность миграционных потоков в Мирнинский район, связанных преимущественно с поиском работы в алмазодобывающей промышленности [Томаска, 2022: 207], и тот факт, что трудовая миграция направлена в основном в городские поселения, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что это приезжие носители из других районов Якутии или регионов России.

Тем не менее обе описанные группы остаются малочисленными. Таким образом, у подавляющего большинства эвенков в якутоязычных поселениях показатели владения этническим языком и его использования, вероятнее всего, завышены и имеют желательный характер. Особенно информативны в этом отношении материалы по Усть-Майскому району, занимающему второе место после Жиганского по численности эвенков, указывающих на владение языком, и первое – по его использованию. Согласно переписным данным, 8,8% усть-майских эвенков владеют этническим языком, а 5,6% его используют. Проведенное в 2024 г. социолингвистическое обследование в трех сельских национальных эвенкийских поселениях позволяет верифицировать и уточнить данные.

Из 145 опрошенных эвенков 10 чел. (6,9%) заявили о владении эвенкийским языком, что с минимальным расхождением подтверждает переписные показатели. Однако детализированный анализ уровней языковой компетенции существенно корректирует картину. Свободно владеет 1 респондент, разговорный уровень имеется у 3 чел., остальные 6 – знают лишь отдельные слова и фразы. Примечательно, что аналогичным фрагментарным знанием обладают еще 43 чел., которые при этом не указали владение эвенкийским в своих ответах. Таким образом, если четырех опрошенных со свободным уровнем владения и владеющих разговорным языком условно можно отнести к описанной выше категории реальных носителей («педагоги» и «мигранты»), то остальные шесть респондентов, составляющие большинство заявивших о владении этническим языком, иллюстрируют явление завышенной самооценки языковой компетенции.

Анализ сфер применения эвенкийского языка эвенками Усть-Майского района дополнительно подтверждает его преимущественно символический статус. Наиболее распространенной формой контакта с языком оказалось прослушивание песен на эвенкийском языке (4,8% респондентов), что практически совпадает с долей лиц, утверждавших об использовании языка во время переписи (5,6%). Подобное совпадение позволяет предположить, что под «использованием языка» респонденты понимают не повседневную речевую практику, а участие в этнокультурной деятельности, что может включать как пассивные формы вроде

прослушивания песен, так и активное участие в художественной самодеятельности – исполнение песен, круговых танцев, театральных постановок на эвенкийском языке. При этом они могут не обладать коммуникативной компетенцией в этническом языке, но успешно воспроизводить заученные наизусть тексты песен, сказаний и других фольклорных жанров.

Вместе с тем символическое функционирование эвенкийского языка остается значимым фактором в контексте перспектив его ревитализации. Именно СМ языка формирует позитивные установки относительно его возрождения и передачи будущим поколениям. Показательно, что 60,7% опрошенных эвенков в Усть-Майском районе выражают желание, чтобы их дети и внуки владели эвенкийским языком. Таким образом, СМ может служить фундаментом для потенциальной ревитализации языка, несмотря на уже произошедший языковой сдвиг. Примечательно, что именно Усть-Майский район стал местом формирования целой плеяды активистов языкового возрождения и «новых говорящих»¹⁹, плодотворная деятельность которых, вероятно, служит мотивом для земляков и частично объясняет высокий уровень языковой лояльности усть-майских эвенков.

Важно отметить, что усиление СМ языка не ограничивается якутоязычными эвенкийскими сообществами, но проявляется также в селах с относительно устойчивой сохранностью эвенкийского языка, что подтверждает его системный характер. Так, рост показателей владения языком наблюдается в трех ключевых поселениях ЮЯ (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность эвенков Южной Якутии, показатели владения эвенкийским языком и его использования в территориальном срезе и по месту жительства по данным ВПН-2010 и ВПН-2020 (чел.)

Улус (район) / национальное поселение	Эвенки	Владеющие эвенкийским языком	Использующие эвенкийский язык
--	--------	---------------------------------	----------------------------------

¹⁹ Например, В.Г. Исаков, выучивший эвенкийский язык на курсах А.Н. Мыреевой [Варламов, 2018: 20], специализируется на исполнении эвенкийского эпоса (нимнгакан) и занимается его переводом на якутский язык; его сын А.В. Исаков возглавляет редакцию газеты «Илкэн» и одноименного интернет-портала; М.П. Дьяконова, к.ф.н., занимает пост ответственного секретаря Ассоциации эвенков Якутии; А.Е. Куличкина руководит молодежным ансамблем «Гиркилэн», Н.А. Апросимов управляет разработкой мобильного приложения «Ауапа» и проектным офисом по созданию инновационных образовательных технологий для изучения эвенкийского языка с применением искусственного интеллекта.

	2010	2020	2010	2020	2020
Алданский	2073	2130	-	460	76
<i>в т.ч. с. Хатыстыр</i>	<i>1026</i>	<i>1154</i>	<i>38</i>	<i>412</i>	<i>28</i>
Нерюнгринский	1123	1241	-	805	773
<i>в т.ч. с. Иенгра</i>	<i>816</i>	<i>837</i>	<i>620</i>	<i>768</i>	<i>749</i>
Олекминский	1234	1194	-	305	15
<i>в т.ч. с. Тяня</i>	<i>399</i>	<i>417</i>	<i>82</i>	<i>284</i>	<i>2</i>

В приведенных сельских поселениях, по данным ВПН-2020, сконцентрированы практически все носители языка в соответствующих районах: в Иенгре – 95,4% владеющих языком по Нерюнгринскому району, в Тяне – 93,1% по Олекминскому, в Хатыстыре – 89,6% по Алданскому. По сравнению с ВПН-2010 данный показатель увеличился в Иенгре в 1,2 раза, в Тяне в 3,5 раза, в Хатыстыре в 10,8 раза. Характерно, что наибольший прирост зафиксирован в с. Хатыстыр, где фактическая языковая компетенция утрачена в наибольшей степени. Данное обстоятельство проявляет обратную зависимость: снижение уровня реального владения языком сопровождается ростом его СМ и, как следствие, увеличением числа декларирующих владение им в ходе переписи.

При этом в с. Хатыстыр рост СМ языка подкрепляется ощутимыми усилиями по его ревитализации. На рубеже XX-XXI вв. в селе, несмотря на доминирование якутского языка в повседневной коммуникации и отсутствие последовательно выстроенной системы образования, заметно усилились попытки возрождения языка через образовательные и культурные инициативы (см. § 2.3), а в последние годы наблюдается растущий интерес молодежи и родителей к изучению этнического языка. Примечательны инициативы местных языковых активистов: Дж.В. Сидоров, ныне глава поселения, в 2010 г. основал студию «Тунгус-рекордс», выпускающую современные песни на эвенкийском языке в различных жанрах – от традиционных мелодий до рэпа²⁰; В.Д. Прокопьев, освоивший язык в зрелом возрасте (50 лет), организовал группу в мессенджере WhatsApp²¹ для изучения

²⁰ Спиридонова И.Е. Премьера эвенкийской песни «Хуктывун в Хатыстыре» // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL: <https://ilken.ru/2025/03/14/premera-evenkijskoj-pesni-huktyvun-v-hatystyre/> (дата обращения: 30.06.2025).

²¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в России.

языка²²; воспитатели детского сада А.Ф. Павлова и М.М. Прокопьева создали игру на трех языках для обучения эвенкийскому языку дошкольников, тиражированную республиканским издательством «Айар»²³; уроженка села Ю.Г. Степанова, «новый говорящий», возглавляет молодежный совет эвенков Якутии «Геван», реализующий языковые проекты²⁴, и др. Таким образом, существенный рост показателей владения языком в с. Хатыстыр отражает не только переоценку ценности этнического языка, но и реальные процессы языковой ревитализации.

Данные полевых исследований 2022-2023 гг. позволяют уточнить реальную языковую компетенцию и языковое поведение эвенков в населенных пунктах с относительно удовлетворительной сохранностью языка. Так, в с. Иенгра эвенкийским языком в различной степени владеют 81% опрошенных: свободно – 58,8%, на разговорном уровне – 19,1%, знают отдельные слова и фразы – 22,1%. В с. Тяня владеют 64,7% респондентов: свободно – 27,3%, на разговорном уровне – 29,1%, знают отдельные слова и фразы – 43,6%. Основными коммуникативными сферами функционирования эвенкийского языка остаются традиционные виды деятельности. В тайге и на оленеводческих стадах его используют 50% эвенков Иенгры и 28,2% эвенков с. Тяня, в то время как в селах – 42,9% и 16,5% соответственно. Вместе с тем согласно итогам переписи, в с. Тяня эвенкийский язык используют всего 2 чел., что явно контрастирует с данными по другим эвенкийским поселениям ЮЯ. Вероятно, жители села, где языковой сдвиг распространился позднее, чем в якутоязычных эвенкийских сообществах, носители языка продолжают оценивать его коммуникативные функции строже, сравнивая с прежним уровнем владения. В якутоязычных же поселениях, где эвенкийский язык утрачен давно, любое его использование воспринимается как значимое, что подчеркивает высокую СМ языка в этих сообществах.

²² Спиридонова И.Е. Великтон Прокопьев: путь к родному языку // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL: <https://ilken.ru/2025/02/13/velikton-prokorev-put-k-rodnomu-yazyku/> (дата обращения: 30.06.2025).

²³ Спиридонова И.Е. Традиции и обычаи предков в авторских эвенкийских играх // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL: <https://ilken.ru/2025/09/29/tradiczii-i-obychai-predkov-v-avtorskih-evenkijskih-igrah/> (дата обращения: 30.06.2025).

²⁴ Юлия Степанова: «Мы – мост между поколениями» // Новостной портал КМНСОЮЗ-NEWS. URL: <https://news.kmnsouyz.ru/news/45624> (дата обращения: 22.07.2025).

Межпоколенческая передача языка демонстрирует нисходящую динамику: с бабушками и дедушками на эвенкийском общаются 46,4% респондентов-эвенков в с. Иенгра и 32,9% в с. Тяня, с родителями – 35,7% и 23,5%, с супругами – 15,5% и 7,1%, с детьми – 26,2% и 4,7%. Показатели общения с детьми показывают критическое положение языка в с. Тяня, где межпоколенческая передача практически прервана. В этих условиях важную роль может сыграть проект «Эвэды умук» по методу «языкового гнезда», запущенный в с. Тяня в 2024 г. по инициативе д.ф.н. А.Н. Варламова. Проект реализуется администрацией села совместно с Ассоциацией эвенков Якутии под руководством к.ф.н. М.П. Дьяконовой при финансовой поддержке промышленной компании «Нордголд»²⁵. Первые результаты уже заметны: школьники села стали призерами XII Международной олимпиады по языкам и культурам тунгусов России и Китая «Турэн-2025»²⁶.

В целом, анализ данных переписи и социолингвистических обследований позволяет констатировать формирование нового типа отношения к этническому языку среди эвенков якутоязычных сообществ. Язык, утративший коммуникативную функцию, претерпевает активизацию функции замещения, что проявляется в росте числа людей, заявляющих о владении языком при фактическом отсутствии или минимальном уровне языковой компетенции; в интерпретации участия в этнокультурной деятельности как «использования» языка; в высоком уровне языковой лояльности и желании передать язык следующим поколениям. Важно, что данный процесс не ограничивается якутоязычными сообществами, но и проявляется и в селах с относительно сохранным языком, что свидетельствует о его системном характере: СМ генерируются не стихийно, а в условиях целенаправленной государственной языковой политики постсоветского периода и общего социокультурного подъема, культурного ренессанса, роста национального самосознания и институционального оформления прав КМНС. Символическая

²⁵ Дьяконова М.П. Языковое гнездо – от теории к практике // Официальный информационный интернет-портал Ассоциации КМНС РС(Я). URL: <http://yakutiakmns.org/archives/22202> (дата обращения: 30.06.2025).

²⁶ Дьяконова М.П. Языковое гнездо помогает сохранить эвенкийский язык: четверо школьников из села Тяня успешно выступили на олимпиаде "Турэн-2025" // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL: <https://ilken.ru/2025/09/24/yazykovoe-gnezdo-pomogaet-sohranit-evenkijskij-yazyk-chetvero-shkolnikov-iz-sela-tyanya-uspeshno-vystupili-na-olimpiade-turen-2025/> (дата обращения: 25.09.2025).

мощность языка, таким образом, может рассматриваться как потенциальный ресурс для его ревитализации – прежде всего при условии последовательного расширения его присутствия в системе образования и появления «новых говорящих», способных служить примером для сообщества.

3.2. Влияние этнической идентичности на языковые установки эвенкийской молодежи Северо-Западной и Южной Якутии

Если приведенные в предыдущем параграфе примеры языкового активизма можно оценить как результат мобилизации этнического самосознания [Хилханова 2020: 773], то важно понять, как эти процессы преломляются в сознании молодого поколения. Эвенкийская молодежь представляет особый интерес не только потому, что именно она определит судьбу языка в ближайшие десятилетия, но и в силу того, что молодые демографические когорты сегодня составляют наиболее многочисленную группу среди КМНС [Игнатьева, 2022в: 8]. Это подводит нас к ключевому вопросу: какую роль играет выраженность этнической идентичности в усилении СМ языка среди молодых людей?

В связи с этим проанализированы результаты опроса молодых эвенков, проживающих в якутоязычных эвенкийских селах СЗЯ (с. Саскылах Анабарского района, с. Таймылыр Булунского района, с. Сюльдюкар Мирнинского района, с. Оленек Оленекского района). Для сравнения привлечены данные по эвенкам ЮЯ: с. Иенгра Нерюнгринского района, с. Хатыстыр Алданского района, с. Тяня Олекминского района, которые в настоящее время переживают процесс языкового сдвига. Респонденты были разделены на две категории по уровню этнической рефлексии: тех, кто «никогда не забывает о своей национальности» (высокая этническая рефлексия), и тех, кто «редко задумывается» об этом (низкая этническая рефлексия). В силу значимости возрастного фактора внутри каждой категории были выделены две респондентские группы: от 15 до 19 лет и от 20 до 40 лет.

В якутоязычных сообществах СЗЯ распределение респондентов по уровню этнической рефлексии оказалось относительно сбалансированным: 43,1% опрошенных редко задумываются о своей национальности, тогда как 52,6% –

никогда не забывают о ней. При этом прослеживается заметная возрастная динамика: если среди лиц 15-19 лет доля «редко задумывающихся» составляет 35,4%, то в группе «20-40 лет» данный показатель возрастает до 47,2%. Соответственно, доля «никогда не забывающих» снижается с 60,4% (15-19 лет) до 48,3% (20-40 лет).

Данные различия имеют несколько возможных объяснений. Во-первых, большая этническая рефлексия у наиболее молодых респондентов может быть связана с приоритетами в те годы: молодежь, социализировавшаяся в 2010-е гг., росла в условиях активной институциональной поддержки этнокультурного образования и повышенного внимания к проблемам КМНС, тогда как старшая когорта (20-40 лет) формировалась в условиях социально-экономического кризиса 1990-х гг. Во-вторых, нельзя исключать влияние возрастной селективности: вероятно, с возрастом миграция и расширение социальных контактов за пределами этнической среды ослабляют актуализацию этничности. В-третьих, в условиях завершенного языкового сдвига старшая по возрасту группа может острее ощущать разрыв между «настоящей» эвенкийскостью, предполагающей владение языком, и собственной реальностью, что приводит к дистанцированию от этнической идентичности. Разграничение данных механизмов требует лонгитюдных данных, которыми мы, к сожалению, сегодня не располагаем, но сам факт когортных различий показывает, что этническая рефлексия в якутоязычной среде формируется нелинейно и зависит от меняющегося социально-политического контекста.

Между тем, в ЮЯ картина совершенно иная: 69,1% молодых людей никогда не забывают о своей национальности, и лишь 25,8% редко задумываются об этом. Более того, здесь возрастная динамика обратная: доля «никогда не забывающих» растет с возрастом – с 63,3% у молодежи 15-19 лет до 75% у респондентов 20-40 лет. Доля «редко задумывающихся», напротив, снижается с 30,6 до 20,8%. Иными словами, в относительно благоприятных условиях для языкового воспроизводства этническая рефлексия не ослабевает, а, напротив, укрепляется с возрастом.

Таким образом, полученные данные указывают на принципиально разные траектории формирования этнической идентичности в сообществах, находящихся

на разных стадиях языкового сдвига. В СЗЯ языковой сдвиг произошел давно, и современная молодежь не застала живую эвенкийскую речь. В ЮЯ языковой сдвиг начался значительно позже и продолжается в настоящее время, то есть часть молодых респондентов выросла в условиях, когда эвенкийский язык использовался или еще используется в различной степени в повседневном общении. Данная дифференциация создает методологическое основание для дальнейшего анализа корреляции уровня этнической рефлексии и отношения к языку, детерминированной наличием или отсутствием опыта использования индивидом.

В связи с этим проанализированы представления респондентов о значимости языка и культуры для этнической идентичности. Данный индикатор позволяет выявить восприятие языка как обязательного атрибута этничности («человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа»), желательный, но не обязательный («человеку важно осознавать свою национальную принадлежность, однако знать язык, культуру своего народа не обязательно»), или же его значение отрицается вовсе («сейчас не имеет особого значения осознание человеком своей национальной принадлежности, знание им языка и культуры своего народа»). Распределение ответов в зависимости от уровня этнической рефлексии, возраста и региона представлено в табл. 3.

Таблица 3

Представления респондентов-эвенков о значимости языка и культуры в зависимости от уровня этнической рефлексии, возраста и региона (в %)

Значимость языка и культуры	Высокая этническая рефлексия		Низкая этническая рефлексия	
	15-19 лет	20-40 лет	15-19 лет	20-40 лет
Северо-Западная Якутия				
Обязательно знать язык и культуру	75,9	83,7	41,2	54,8
Знать язык, культуру не обязательно	13,8	9,3	47	23,8
Не имеет значения	6,9	0,2	11,8	14,2
Южная Якутия				
Обязательно знать язык и культуру	80,6	72,2	73,3	60
Знать язык, культуру не обязательно	12,9	16,7	20	30
Не имеет значения	6,5	5,6	6,7	10

В якутоязычных сообществах СЗЯ высокий уровень этнической рефлексии формирует устойчивое позитивное отношение к языку и культуре как обязательным

элементам этнической идентичности. Так, среди респондентов, которые «никогда не забывают о своей национальности», подавляющее большинство считает необходимым знать язык и культуру: 75,9% в младшей когорте и 83,7% в старшей. Примечательно, что доля приверженцев данной позиции увеличивается с возрастом, достигая практически равных значений в группе 20-40 лет, где вариант «не имеет значения» выбрали лишь 0,2% респондентов. Иными словами, сильная этническая идентичность выступает мощным фактором в формировании высокой СМ языка. Чем чаще человек рефлексировал над своей этничностью, тем с большей вероятностью он признает язык неотъемлемым атрибутом «эвенкийскости». Это согласуется с представлением о том, что язык не обязательно должен быть полноценно функционирующим в коммуникативном плане, чтобы быть ключевым символическим маркером этнической идентичности [Баранова, 2006: 24].

Контрастом выступает группа с низкой этнической рефлексией, где позиции распределены относительно равномерно: среди лиц 15-19 лет считают язык и культуру обязательными 41,2% опрошенных, тогда как 47% придерживаются адаптивной позиции «важно осознавать национальную принадлежность, но знать язык не обязательно». Однако с возрастом и в группе с низкой рефлексией происходят значимые изменения: доля считающих язык обязательным возрастает до 54,8% (20-40 лет), а адаптивная позиция снижается до 23,8%. Это указывает на то, что даже при относительно слабой этнической рефлексии опыт жизни без языка может актуализировать его СМ. Тем не менее, разрыв между группами с высокой и низкой этнической рефлексией сохраняется и в старшей возрастной группе (разница в 28,9 п.п.), подтверждая наличие связи между уровнем этнической рефлексии и отношением к языку.

В сообществах ЮЯ, где языковой сдвиг продолжается в настоящее время, связь между этнической рефлексией и позитивным отношением к языку также прослеживается, однако менее выражена. Прежде всего, здесь минимальна дифференциация между группами с разным уровнем этнической рефлексии: среди молодежи 15-19 лет доля считающих язык обязательным составляет 80,6% у респондентов с высокой этнической рефлексией и 73,3% у опрошенных с

противоположной установкой. То есть, даже те, кто редко задумывается о своей национальности, в большинстве своем признают необходимость знания языка и культуры. Когда язык еще присутствует в окружении, его значимость воспринимается как очевидная и не требует особой рефлексии.

Однако с возрастом в обеих группах наблюдается снижение данной позиции: среди лиц с высокой этнической рефлексией доля считающих язык обязательным для этничности снижается с 80,6 до 72,2%, среди респондентов, характеризующихся низкой этнической рефлексией, – с 73,3 до 60%. Одновременно растет доля выбравших позицию «знать язык не обязательно»: с 12,9 до 16,7% и с 20 до 30% соответственно. С одной стороны, она показывает адаптацию к процессу языкового сдвига. Представители старшей возрастной когорты считают, что этническая идентичность может сохраняться и без полноценного владения языком, и подобный опыт, возможно, отражает фрустрацию, связанную с невозможностью остановить языковой сдвиг. С другой, даже при снижении категоричности большинство респондентов (60-72,2%) продолжают признавать необходимость языка независимо от уровня этнической рефлексии, что создает возможности для замедления темпов языкового сдвига. Пока язык еще присутствует в отдельных локальных контекстах, возможна стабилизация языкового сдвига через целенаправленные образовательные и культурные программы.

Сопоставление двух регионов выявляет различные модели соотношения этнической идентичности и признания необходимости языка. Первое различие касается их корреляционной зависимости. В СЗЯ данное соотношение имеет строгую корреляцию: разрыв между респондентами с высокой и низкой этнической рефлексией достигает 28,9-34,7 п.п. В ЮЯ данная связь выражается слабо (разрыв в 7,3-12,2 п.п.), и это, на наш взгляд, означает, что в условиях утраты языка вопрос о его значимости тесно увязывается с выраженностью самокатегоризации людей по этническому принципу, тогда как в условиях относительно регулярных речевых практик его значимость признается ими независимо от уровня этнической рефлексии. Второе различие заключается в возрастной корреляции. В СЗЯ выражение категоричности в оценке необходимости языка (как среди респондентов

с высокой, так и с низкой этнической рефлексией) связан с параметром возраста; в ЮЯ, напротив, чем старше возраст, тем ниже показатели выражения категоричных оценок в обеих группах. Если в первом случае отсутствие языка с возрастом острее переживается как невосполнимая утрата и усиливает его СМ, то во втором – включенность в процессы языкового сдвига делает респондентов более терпимыми к идее, что этничность может существовать без языка.

Следующее измерение СМ языка – восприятие его как родного. Если предыдущий анализ показал, степень включенности компонента «этнический язык» в понятие «этническая идентичность», то теперь вопрос заключается в том, воспринимают ли они эвенкийский язык как свой родной язык. Это качественно иной уровень идентификации, важный для ревитализации, ведь восприятие этнического языка как родного создает эмоциональную основу для его изучения [Боргоякова, 2002: 109]. Человек учит не «язык своего народа», который может восприниматься как наследие прошлого, а свой язык, который необходимо вернуть.

В якутоязычных сообществах СЗЯ прямая языковая самоидентификация не является пока нормой и, как предполагалось, зависит от уровня этнической рефлексии (см. табл. 4).

Таблица 4

Эвенкийский язык как родной у респондентов-эвенков в зависимости от уровня этнической рефлексии, возраста и региона (в %)²⁷

Регион	Высокая этническая рефлексия		Низкая этническая рефлексия	
	15-19 лет	20-40 лет	15-19 лет	20-40 лет
Северо-Западная Якутия	48,3	32,6	11,8	19
Южная Якутия	93,5	83,3	80	50

Среди респондентов с высокой этнической рефлексией доля считающих эвенкийский язык родным составляет 48,3% в младшей когорте (15-19 лет) и 32,6% в старшей (20-40 лет). С точки зрения ресурсов ревитализации эти показатели следует интерпретировать как значительный потенциал: почти половина молодежи

²⁷ Доля респондентов, указавших эвенкийский язык в качестве родного (вопрос предполагал возможность указания до 2 языков).

с высокой этнической рефлексией, никогда не слышавшей живой эвенкийской речи в повседневной жизни, считает эвенкийский своим родным языком.

Сопоставление с данными табл. 3 выявляет следующую закономерность: если среди молодежи, имеющей высокий уровень этнической рефлексии, 75,9% согласны с утверждением, что «человек должен знать язык и культуру своего народа», то лишь 48,3% признают эвенкийский своим родным языком. Разрыв в 27,6 п.п. свидетельствует о расхождении между значимостью языка и его ролью в языковой самоидентификации. Таким образом определенной частью молодежи допускается необходимость этнического языка для осознания этнической идентичности, при этом присутствует дистанцированность от него, восприятие его лишь в качестве «языка предков», «элемента культурного наследия».

Симптоматично, что по мере взросления доля лиц, считающих этнический язык родным, снижается – с 48,3 до 32,6% (-15,7 п.п.). Это контрастирует с данными табл. 3, где доля считающих язык обязательным, напротив, растет с повышением возраста (с 75,9 до 83,7%, +7,8 п.п.). Предполагаем, что с достижением старшей возрастной ступени этнический язык приобретает идеологическое содержание, при этом утрачивает эмоциональный подтекст. Чем дольше человек живет вне речевой среды, тем лучше он понимает его значимость для этнической идентичности (возможно, под влиянием осознания утраты, общения с представителями других эвенкийских сообществ, участия в культурных мероприятиях, столкновении идентичностей, например, с якутской), но тем ему труднее поддерживать ощущение его как своего родного языка при отсутствии владения.

Среди респондентов с низкой этнической рефлексией ситуация совершенно другая. Доля считающих эвенкийский язык родным составляет всего 11,8% в младшей и 19% в старшей возрастной группе. Следовательно, в условиях языкового сдвига восприятие языка как родного в значительной степени зависит от этнической рефлексии. Относительно перспектив ревитализации языка это означает, что работа с молодежью в якутоязычных сообществах должна начинаться не с языка, а с формирования позитивной этнической идентичности. Низкий уровень этнической рефлексии существенно снижает мотивационный потенциал

апелляций к этнической принадлежности как стимулу к освоению языка. С точки зрения теории ожидания, ключевым препятствием является низкая валентность эвенкийской идентичности: если принадлежность к народу не воспринимается как лично значимая, владение его языком также лишается мотивационного смысла. Отмеченное означает, что языковому обучению должна предшествовать работа по формированию ценности самой этнической идентичности – процесс, требующий значительных временных и социальных ресурсов.

Для понимания специфики якутоязычных сообществ сопоставим полученные данные с ситуацией в ЮЯ. Как и ожидалось, здесь наблюдается иная картина: среди респондентов с высокой этнической рефлексией эвенкийский язык считают родным 93,5% в младшей и 83,3% в старшей возрастной группе; среди лиц с низкой этнической рефлексией – 80 и 50% соответственно. Однако с повышением возраста респондентов разрыв между группами увеличивается (до 33,3 п.п.), а доля считающих этнический язык родным снижается в обеих группах. Это указывает на то, что по мере распространения языкового сдвига роль этнической рефлексии в поддержании восприятия языка как родного возрастает, и траектория постепенно приближается к модели СЗЯ.

Однако помимо личного восприятия этнического языка как родного, важно определить, ожидают ли молодые эвенки его институциональную поддержку со стороны государства. Считают ли они целенаправленную языковую политику значимой мерой для развития своего народа (см. табл. 5)?

Таблица 5

Значимость целенаправленной языковой политики для развития народа в оценках респондентов-эвенков в зависимости от уровня этнической рефлексии, возраста и региона (в %)

Регион	Высокая этническая рефлексия		Низкая этническая рефлексия	
	15-19 лет	20-40 лет	15-19 лет	20-40 лет
Северо-Западная Якутия	17,3	25,6	29,4	14,3
Южная Якутия	35,5	27,8	26,7	40

При интерпретации табличных данных важно учитывать методологический контекст: респондентам предлагалось выбрать до трех мер из одиннадцати

предложенных, направленных на развитие народа²⁸. В этих условиях сам факт включения языковой политики в число приоритетного выбора респондентов указывает на ее значимость для развития народа в их оценках.

В якутоязычных эвенкийских сообществах СЗЯ каждый третий (29,4%) респондент 15-19 лет с низкой этнической рефлексией включил языковую политику в число приоритетных мер. Это выше, чем в группе лиц с высокой этнической рефлексией (17,3%), что, вероятно, обусловлено различием в понимании задач развития своего народа. Респонденты с этнической нечувствительностью, как менее вовлеченные в практические вопросы сохранения языка и культуры, могут воспринимать целенаправленную языковую политику как патерналистскую: если язык исчезает, государство должно принимать меры. Респонденты с осознанной этничностью, напротив, могут быть более критичны к эффективности государственных программ в условиях полного языкового сдвига и ориентироваться на альтернативные «низовые» стратегии.

Для сравнения, в ЮЯ среди молодежи с высокой этнической рефлексией показатель существенно выше (35,5%), что указывает на связь между происходящим языковым сдвигом и запросом на государственную поддержку.

С возрастом соотношение меняется: среди респондентов 20-40 лет доля выбравших языковую политику составляет 25,6% у лиц с высокой этнической рефлексией (+ 8,3 п.п.), а с низкой – 14,3% (– 15,1 п.п.). Рост числа приверженцев данной политики среди опрошенных с высокой этнической рефлексией, возможно, свидетельствует о зрелом осознании того, что без институциональной поддержки (создания образовательной инфраструктуры, подготовки педагогических кадров, разработки учебных материалов и др.) индивидуальные усилия по изучению и использованию языка оказываются недостаточными. Снижение показателя среди респондентов с низкой этнической рефлексией (с 29,4 до 14,3%) может указывать

²⁸ 1) поддержка национальной культуры; 2) целенаправленная языковая политика; 3) оздоровление природной среды; 4) государственная поддержка традиционного хозяйства; 5) укрепление государственности Якутии; 6) контроль Якутии за эксплуатацией природных богатств; 7) укрепление власти в стране; 8) укрепление прав общественных организаций; 9) совершенствование взаимоотношений с промышленными организациями; 10) создание национально-территориальной автономии для укрепления правового статуса моего народа; 11) создание Арктического федерального округа.

на то, что абстрактное представление о государственной ответственности за сохранение и развитие языков, характерное для молодежи, по мере взросления уступает место более прагматичному пониманию приоритетов. Так, если человек не вовлечен в вопросы этнической идентичности, языковая политика перестает восприниматься как актуальная мера по сравнению с экономическими и экологическими вызовами. В ЮЯ наблюдается противоположная динамика: среди респондентов с низкой этнической рефлексией показатель с возрастом растет с 26,7 до 40%. Респонденты 20-40 лет в данном регионе застали язык в более активном функционировании и сейчас непосредственно наблюдают процесс его сдвига, что формирует понимание необходимости государственной поддержки даже у тех, кто имеет низкую этническую рефлексия.

В целом важно отметить, что в обоих регионах и во всех возрастных группах вариант «языковая политика» конкурирует с другими актуальными направлениями развития своего народа. Тот факт, что от 14,3 до 40% респондентов включают ее в тройку приоритетов, говорит о том, что язык воспринимается как одна из ключевых сфер, требующих внимания, наряду с экономическими, экологическими и политическими вопросами, при этом данная социальная группа характеризуется готовностью поддержать государственную языковую политику как необходимое направление развития эвенкийского народа.

Выявленный запрос на государственную языковую политику как одно из направлений развития народа ставит вопрос о том, как именно молодые эвенки представляют себе распределение ответственности за сохранение языка и культуры между различными акторами. Табл. 6 позволяет оценить, в какой мере респонденты возлагают ответственность на внешние институциональные структуры (органы власти разных уровней, учреждения культуры, школы), общественные институты (организации, СМИ, семью) или на индивидуальный уровень (каждого представителя народа, индивида).

Таблица 6

Представления респондентов-эвенков об агентах языковой политики в зависимости от возраста и региона (в %)²⁹

Агенты	Северо-Западная Якутия		Южная Якутия	
	15-19 лет	20-40 лет	15-19 лет	20-40 лет
Семья	41,7	69,7	67,3	81
Учреждения культуры	16,7	29,2	28,6	18,8
Общественные организации	12,5	20,2	10,2	6,3
Средства массовой информации	2,1	20,2	6,1	2,1
Общеобразовательные школы	35,4	50,6	42,9	43,8
Вузы, техникумы, училища	4,2	2,2	6,1	4,2
Органы власти местного уровня	10,4	9	10,2	2,1
Органы власти республиканского уровня	12,5	12,4	14,3	14,6
Органы власти федерального уровня	4,2	7,9	8,2	10,4
Каждый человек моей национальности	41,7	18	46,9	39,6
Я сам	29,2	19,1	38,8	25

Итак, согласно итогам опроса, семья лидирует среди всех одиннадцати предложенных субъектов во всех четырех группах, что указывает на понимание того, что межпоколенческая передача языка и культуры в семье является фундаментальным механизмом их сохранения или ревитализации, который не может быть заменен институциональными мерами. С возрастом респондентов значимость семьи существенно возрастает: в СЗЯ – с 41,7% в младшей до 69,7% в старшей когорте (+ 28 п.п.), в ЮЯ – с 67,3 до 81% (+ 13,7 п.п.). Особенно примечательно, что в ЮЯ четыре из пяти респондентов 20-40 лет (81%) определяют семью как наиболее значимый, что можно связать с накоплением личного опыта. Если молодежь 15-19 лет еще не сталкивалась с практическими задачами передачи языка и культуры следующему поколению, то респонденты 20-40 лет, многие из которых уже имеют детей или планируют их, осознают, что без семейной передачи институциональные меры не обеспечат сохранение языка.

Высокие показатели ЮЯ связаны с тем, что в регионе с продолжающимся языковым сдвигом семейная передача еще воспринимается как реальная практика, которую можно и нужно поддерживать, тогда как в якутоязычных сообществах, где язык уже утрачен, роль семьи как субъекта ответственности менее очевиден. Но

²⁹ В таблице представлена доля респондентов, выбравших соответствующий вариант ответа на вопрос «По Вашему мнению, кто должен отвечать за сохранение языка и культуры Вашего народа?». Респондентам предлагалось выбрать до 3 вариантов из 11 предложенных.

вместе с тем, даже при низком показателе в 41,7% (молодежь 15-19 лет в СЗЯ) семья остается значимым субъектом наравне с вариантом «каждый человек моей национальности» (41,7%). То есть понимание роли семьи присутствует даже у тех, кто никогда не наблюдал межпоколенческую передачу эвенкийского языка.

Общеобразовательные школы занимают значимое место во всех группах: второе место в старшей когорте обоих регионов и среди молодежи 15-19 лет в СЗЯ, и третье место среди молодежи этой же группы в ЮЯ. Показатели варьируются от 35,4 до 50,6% – это существенно выше всех других институциональных субъектов (органы власти, учреждения культуры, вузы), что подчеркивает роль школы как основного института передачи языка и культуры, особенно в условиях отсутствия практик семейной передачи. В СЗЯ с возрастом респондентов значимость школы возрастает с 35,4 до 50,6%. Понятно, что в отсутствие семейной передачи школа остается практически единственным институтом, где возможно обучение языку. А в ЮЯ показатели более стабильны: 42,9% у младшей и 43,8% у старшей когорты. Школа устойчиво воспринимается ими как важный, но все же вторичный фактор, дополняющий и поддерживающий семейную передачу языка.

Последние два варианта ответа позволяют оценить, в какой мере респонденты расценивают сохранение языка и культуры как личную обязанность или коллективную ответственность представителей народа в отличие от институциональных субъектов. Прослеживается выраженная возрастная динамика снижения обоих показателей. В СЗЯ доля ответивших «Я сам» снижается с 29,2% среди респондентов 15-19 лет до 19,1% у лиц 20-40 лет, в ЮЯ – с 38,8 до 25%. Аналогично снижается и показатель «Каждый человек моей национальности»: в СЗЯ с 41,7 до 18%, в ЮЯ – с 46,9 до 39,6%.

Рассматриваемая динамика особенно показательна в контексте противоположного тренда в отношении семьи и школы, где показатели с возрастом растут. Почти каждый третий молодой эвенк 15-19 лет в СЗЯ (29,2%) и почти каждый второй в ЮЯ (38,8%) называет себя лично среди субъектов ответственности. Но с взрослением приходит осознание того, что индивидуальные усилия без институциональной поддержки недостаточны, особенно в условиях

завершенного языкового сдвига. Респонденты 20-40 лет могли столкнуться с тем, что без языковой среды, образовательных программ, доступа к ресурсам и сообществу носителей индивидуальная мотивация не приводит к реальному овладению языком. Это формирует мнение, что ответственность должна лежать прежде всего на институтах (семье, школе), способных создать условия для сохранения и ревитализации языка.

Учреждения культуры, общественные организации и СМИ демонстрируют существенно низкие показатели по сравнению с обсуждавшимися выше субъектами, но характеризуются специфической динамикой. Учреждения культуры упоминают от 16,7 до 29,2% респондентов. В СЗЯ обнаруживается прямая корреляция с возрастом: с 16,7 до 29,2%; в ЮЯ, напротив, фиксируется обратная корреляция: с 28,6 до 18,8%. Прямая корреляция в СЗЯ связана с тем, что учреждения культуры (этнокультурные центры, дома культуры, музеи) искусственно создают среду функционирования языка. В ЮЯ, где язык еще функционирует, учреждения культуры, по всей видимости, воспринимаются молодежью как один из важных субъектов ответственности, но с возрастом приходит понимание первостепенной роли семьи. Общественные организации демонстрируют низкие показатели во всех группах, причем в обоих регионах прослеживается тенденция к снижению в старшей возрастной группе.

СМИ показывают разнонаправленную динамику: в СЗЯ имеется резкий рост показателя с 2,1% в младшей до 20,2% в старшей когорте; в ЮЯ, напротив, снижается с 6,1 до 2,1%. Первая тенденция отражает понимание роли массовых медиа в создании языковой среды в условиях полного сдвига: радио, телевидение, газеты, в том числе интернет-ресурсы, на эвенкийском языке могут частично компенсировать отсутствие живого функционирования языка. Небольшой объем выбора СМИ молодежью в обоих регионах (2,1% и 6,1%) скорее связан с тем, что у молодого поколения они замещены социальными сетями, которые не были отдельно представлены в списке субъектов ответственности.

Показатели по трем уровням органов власти (муниципальному, республиканскому и федеральному) находят у респондентов ответы в диапазоне от

2,1 до 14,6%, при этом местные органы власти демонстрируют наиболее низкие показатели среди всех уровней власти. При этом, в обоих регионах наблюдается снижение с повышением возраста респондентов, что может быть связано со скептицизмом относительно возможностей и воли местных властей в решении языковых вопросов. Выбор республиканских органов власти показывает более стабильные и незначительно, но высокие значения: от 12,4 до 14,6%, практически одинаковые по параметрам возраста и территориям, что указывает на восприятие республиканского уровня как релевантного для языковой политики (здесь принимаются управленческие решения о внедрении образовательных программ, финансировании культурно-языковых проектов и др.), но не как приоритетный субъект ответственности. Федеральные органы власти демонстрируют прямую корреляцию в обоих регионах: в СЗЯ – с 4,2 до 7,9%, в ЮЯ – с 8,2 до 10,4%. По нашему мнению, это отражает понимание того, что федеральная политика определяет рамочные условия для сохранения языков коренных народов (законодательство, финансирование программ, международные обязательства России и пр.), несмотря на то, что их перевод в практическую плоскость происходит непосредственно на региональном и местном уровнях.

Важно отметить, что суммарные показатели по всем трем уровням власти остаются низкими. Даже если сложить максимальные показатели по каждому уровню в одной группе, получится около 30-35%, что сопоставимо с показателем по школе, но существенно ниже семьи. Таким образом, государство не воспринимается как главный субъект ответственности за сохранение языка, несмотря на существующий запрос на языковую политику.

Учреждения профессионального образования показывают минимальные значения по всему списку субъектов ответственности: от 2,2 до 6,1%. Тем не менее, среди молодежи 15-19 лет показатели их выбора чуть выше по сравнению с представителями старшей когорты в обоих регионах, что может говорить об ожиданиях, связанных с возможным поступлением молодых людей в вузы, где есть программы по языкам и культурам коренных народов.

Значимость школы как субъекта ответственности за сохранение языка и культуры, выявленная в ответах респондентов, ставит вопрос о том, какую именно школу хотят видеть молодые эвенки – стандартную или этнокультурную³⁰. Табл. 7 позволяет оценить, как предпочтения в моделях образования варьируются в зависимости от уровня этнической рефлексии, возраста и региона.

Таблица 7

Предпочтения моделей школьного образования у респондентов-эвенков в зависимости от уровня этнической рефлексии, возраста и региона (в %)

Модель образования	Высокая этническая рефлексия		Низкая этническая рефлексия	
	15-19 лет	20-40 лет	15-19 лет	20-40 лет
Северо-Западная Якутия				
Стандартная	27,6	30,3	70,6	76,2
Этнокультурная	62,1	69,7	29,4	23,8
Южная Якутия				
Стандартная	22,6	11,1	46,7	40
Этнокультурная	77,4	88,9	53,3	50

В СЗЯ зафиксирована четкая поляризация предпочтений по уровню этнической рефлексии. Среди респондентов, кто никогда не забывает о своей национальности, этнокультурное образование получает поддержка большинства: 62,1% в младшей и 69,7% в старшей возрастной группе. При этом частота выбора данной модели растет с повышением возраста опрошенного лица, демонстрируя накопление опыта в осознании того факта, что именно этнокультурное образование может стать механизмом ревитализации языка и культуры в условиях языкового сдвига. Для респондентов с высокой этнической рефлексией в возрасте 20-40 лет, многие из которых уже имеют детей, вопрос выбора модели образования становится практической задачей: наличие у них желания приобщить детей к эвенкийской идентичности может быть реализовано лишь посредством этнокультурного образования. Для сравнения, в ЮЯ, где эвенкийский язык еще функционирует в локальных контекстах, поддержка этнокультурного образования среди представителей с высокой этнической рефлексией достигает 88,9% среди

³⁰ Под стандартной моделью понимается образование, ориентированное на конкурентоспособность выпускников в общероссийском образовательном пространстве. Этнокультурная модель предполагает образование, направленное на сохранение этнического языка и культуры, формирование этнической идентичности и традиционных хозяйственных навыков с одновременным освоением ценностей мировой культуры.

представителей старшей когорты. Таким образом, в регионе с относительной сохранностью языка этнокультурное образование расценивается не как проект ревитализации, а как продолжение семейной социализации, что формирует практически коллективную поддержку данной модели.

Однако среди тех респондентов, кто редко задумывается о своей национальности, картина противоположная: 70,6% среди лиц 15-19 лет и 76,2% – 20-40 лет склоняются к стандартной модели школьного образования. С возрастом респондентов поддержка только растет, отражая усиление прагматичных соображений. В условиях ограниченных материальных ресурсов и необходимости смены места жительства для получения образования и работы стандартная модель воспринимается как обеспечивающая конкурентоспособность. В якутоязычных сообществах этнокультурное образование может восприниматься как выбор, несущий риски: неясно, насколько эффективно преподается язык, которым не владеют ни учителя, ни родители, и, соответственно, не приведет ли расширение этнокультурного содержания к снижению качества общего образования. Это контрастирует с ЮЯ, где даже среди лиц с низкой этнической рефлексией каждый второй опрошенный (50-53,3%) выбирает этнокультурную модель.

Важно отметить, что даже среди тех, кто редко задумывается о своей национальности, почти каждый третий респондент 15-19 лет (29,4%) и почти каждый четвертый в старшей когорте (23,8%) предпочитают этнокультурную модель образования. Данная группа, характеризуясь низкой этнической рефлексией в повседневной жизни, признает ценность эвенкийской идентичности и готова поддержать институциональные формы ее воспроизводства. Тем не менее стандартная модель остается доминирующей для большинства в данной группе. Спрос на этнокультурное образование в СЗЯ пока концентрируется среди респондентов с высокой этнической рефлексией, что существенно отличается от ответов респондентов ЮЯ, где этнокультурная модель имеет характер мейнстрима, поддерживаемого большинством во всех возрастных группах.

Сопоставление показателей выбора школы как субъекта ответственности и предпочтений в моделях образования выявляет интересную закономерность. В СЗЯ

школа получает высокие показатели предпочтений респондентов. Например, 50,6% представителей старшей когорты называют школу среди ответственных за сохранение языка и культуры, что выше, чем в ЮЯ (43,8%). Однако при этом в СЗЯ лишь меньшинство респондентов с низкой этнической рефлексией (23,8-29,4%) готово выбирать этнокультурную модель образования. Вероятно, здесь школа воспринимается скорее как институт общего образования, который должен включать какие-либо элементы изучения языка и культуры, но не обязательно как полноценная этнокультурная модель.

В целом, этническая идентичность влияет на формирование СМ языка, при этом оно обусловлено контекстом. В якутоязычных сообществах СЗЯ ключевым ресурсом для языковой ревитализации может стать молодежь с высокой этнической рефлексией. Порядка половины из них считают эвенкийский язык родным, три четверти убеждены в необходимости языка и культуры. С возрастом убежденность укрепляется: в когорте респондентов 20-40 лет она достигает 83,7%, становясь потенциальным объектом внедрения образовательных программ и языковых инициатив. Примечательно, что даже среди респондентов с низкой рефлексией также с возрастом укрепляется осознание необходимости этнического языка (с 41,2 до 54,8%), поскольку утрата этнического языка при сохранении этнической идентичности актуализирует его ценность. В ЮЯ ресурсы оцениваются нами как значительные: имеется коллективное мнение о значимости этнического языка, даже среди молодежи с низкой этнической рефлексией 73,3% опрошенных считают владение им обязательным, 80% – признают его родным. На наш взгляд, при функционировании языка в отдельных контекстах, замедление сдвига вполне реально. От 14 до 40% респондентов в обоих регионах включают языковую политику в число приоритетных направлений развития своего народа. Осознание молодежью проблемы утраты и запрос на институциональную поддержку языка выступают основой для развития целенаправленных и разноплановых ревитализационных программ.

3.3. Символическая мощь эвенкийского языка в локальном сообществе с. Сюльдюкар в Северо-Западной Якутии: количественное измерение

Выявленные в настоящем исследовании многообразные региональные различия предваряют качественное исследование СМ эвенкийского языка в конкретных локальных якутоязычных сообществах. Для углубленного анализа модусов СМ обратимся к эвенкам, проживающим в с. Сюльдюкар Мирнинского района.

Сюльдюкар – центр Садынского национального эвенкийского наслега Мирнинского района Республики Саха (Якутия), место компактного проживания брагатских (брангатских, бырагатских, бырангатских) эвенков. Данная этнотерриториальная группа относится к одной из наименее изученных среди эвенков СЗЯ; в силу их относительной малочисленности и обособленности от других территориальных групп не всегда упоминается при перечислении локальных эвенкийских сообществ [Боякова, 2024: 58]. Как было показано в § 2.3, к моменту проведения Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. брагатские эвенки были уже полностью якутоязычны.

По свидетельствам местных жителей, место современного Сюльдюкара служило стоянкой для кочующих эвенков. Впоследствии, уже в советское время, эта местность стала играть значительную роль в региональных грузоперевозках после размещения там складских помещений организации «Холбос», союза потребительской кооперации [Игнатьева, 2019: 63]. Официальное основание села датировано 1956 г., когда в результате ликвидации населенного пункта Улуу-Того, вызванной логистическими трудностями, был образован современный Сюльдюкар.

Исторически местные эвенки занимались домашним оленеводством и вели кочевой образ жизни, однако в XX в. традиционный хозяйственный уклад и эвенкийская культура жизнеобеспечения подверглись существенной трансформации под влиянием советской модернизации. Коллективизация, политика перевода на оседлость и промышленное освоение территории последовательно разрушали прежние практики. Во второй половине 1970-х гг.

оленоводство пришло в упадок, и решающую роль в этом сыграла промышленность [Белолобская, 2024: 49]. Отметим, что местное население внесло огромный вклад в развитие алмазодобывающей промышленности Якутии. Поддержка и усилия местных жителей не просто дополняли, а во многом определяли возможности промышленного освоения [Белолобская, 2025: 30]. Однако ценой этого стала утрата главного фундамента этнообразующего комплекса – оленеводства.

В 1991 г. указом Президиума Верховного Совета Якутской-Саха ССР от 25.12.1991 г. Садынскому наслегу присвоили статус эвенкийского национального, а в 2009 г. распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 г. территория была признана местом традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМНС. Изменения правового статуса (как и в других аналогичных селах – см. § 2.5.) создали благоприятные условия для этнокультурного возрождения.

Практическим результатом стало формирование комплексной системы институтов этнокультурного воспроизводства, активно поддерживаемое местной администрацией и населением. Усилиями жителей села в 1995 г. был создан фольклорный ансамбль «Дылачакан» и основан этномузей «Садын»; в 2006 г. средней общеобразовательной школе (малокомплектной) был присвоен статус этноцентра эвенкийской культуры. Сегодня в деле сохранения и трансляции эвенкийской культуры наряду со школой работает детский сад «Орончикан». Культурно-просветительскую работу ведет Дом культуры «Биракан», руководящий художественной самодеятельностью и ежегодно организующий национальный праздник «Бакалдын». Свой вклад также вносит сельская библиотека, ежегодно проводящая диктант на эвенкийском языке и периодически организующая курсы изучения эвенкийского языка.

По данным ВПН-2020 в с. Сюльдюкар проживает 397 чел., из них эвенков – 210 и якутов – 167. Традиционные виды деятельности (охота и рыболовство) сохраняют свое значение в их жизнеобеспечении. Охотничий промысел остается наиболее распространенной формой зимней занятости жителей села, им в той или иной степени занимаются до 80 % мужского населения [Самсонова, 2017: 26]. Собираательство как традиционный вид деятельности также сохраняется, вместе с

тем находится под угрозой сокращения из-за промышленного освоения территорий [Астахова, 2023: 157]. Кроме того, основу сельского хозяйства составляет животноводство; местный крупный рогатый скот восходит к якутской породе (*якут. саха ынаба*). Наряду с хозяйственными практиками в повседневной жизни села сохраняются элементы традиционной эвенкийской культуры. Обряды и обычаи, связанные с промыслом и семейными событиями, соблюдаются представителями старшего и среднего поколения. Молодежь также продолжает придерживаться этих обрядов, иногда не до конца понимая их смысловую нагрузку [Захарова, 2020: 130]. Традиционная одежда активно стилизуется и выступает одним из главных символов этнической идентичности сьюльдюкарцев [Borisova, 2025, p. 1069]. Культура питания с характерными эвенкийскими блюдами и способами обработки продуктов сохраняется в семейной сфере и на праздничных мероприятиях.

Описанная выше этнокультурная ситуация создает контекст для формирования СМ эвенкийского языка в данном сообществе. Результаты проведенного нами социолингвистического опроса позволяют конкретизировать характер этнической идентичности эвенков Сьюльдюкара и роль языка в ее формировании. Прежде всего обращает на себя внимание исключительно высокий уровень этнической рефлексии: подавляющее большинство респондентов (91,1%) никогда не забывает о своей национальности. Столь высокая степень этнической осознанности практически исключает необходимость корреляционного анализа в зависимости от уровня этнической рефлексии, сделанного в предыдущем параграфе.

Вместе с тем, высокая этническая рефлексия не означает единообразия в понимании содержания этнической идентичности и роли языка в ее конституировании. Представления респондентов о том, что значит быть эвенком, демонстрируют определенную вариативность. Большинство опрошенных эвенков (70%) придерживается максималистской позиции, согласно которой человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа. Однако заметная часть респондентов (21,1%) допускает более гибкую трактовку. Для них важно признание своей национальной принадлежности, но знание языка и культуры не является обязательным условием. Лишь небольшая

доля респондентов (4,4%) полагает, что в современное время этническая самоидентификация и знание языка, национальной культуры не имеют особого значения. Именно эта небольшая группа вместе с лицами, затруднившимися ответить, относится к категории респондентов с низкой этнической рефлексией.

Содержание этнической идентичности проявляется и в выборе этноопределяющих маркеров. Их иерархия (см. табл. 8) позволяет определить место языка в структуре этнического самосознания сюльдюкарских эвенков и оценить потенциал его СМ в условиях полной якутоязычности сообщества.

Таблица 8

Маркеры этнической идентичности эвенков в зависимости от возраста респондентов (в %)³¹

Маркер	Общий массив	Возрастная группа			
		19-35	36-50	51-60	60+
Культура и традиции моего народа	90	88	95,2	91,3	85,7
Язык моего народа	57,8	60	66,7	56,5	47,6
Историческое прошлое	46,7	60	47,6	26,1	57,4
Территория проживания	44,4	36	38,1	56,5	47,6
Национальное сознание и самосознание	36,7	20	47,6	47,8	33,3
Черты характера, психологии	3,3	4	0,0	8,7	0,0
Внешний облик (внешность)	2,2	4	0,0	0,0	4,7

Среди всех маркеров этнической идентичности «язык» занимает второе место (57,8%), безусловным лидером выступают культура и традиции народа (90%), что отражает характерную для якутоязычных эвенкийских сообществ ситуацию, когда утрата языка компенсируется актуализацией культурных практик. Данный тандем создает основу для проявления СМ языка в различных дискурсах.

Язык, как маркер идентичности, детерминирован возрастом: высокие показатели среди молодежи (60%) и представителей среднего возраста (66,7%) объясняются особенностями их социализации. Период их взросления и формирования этнического самосознания совпадает с постсоветским периодом этнического ренессанса, когда на федеральном и региональном уровнях активно разворачивались дискурсы о необходимости сохранения языков и культур коренных народов. Институциональным воплощением отмеченных процессов на локальном

³¹ Респонденты могли выбрать до 3 вариантов ответа. Маркеры ранжированы по общей выборке (колонка «В целом»).

уровне стало присвоение Садынскому наслегу в 1991 г. статуса национального эвенкийского, что запустило ряд позитивных этнических преобразований, в частности, активизацию этнокультурной деятельности, институциональное признание особого статуса эвенкийской идентичности [Данилов, 2020: 187]. Поэтому для указанных возрастных групп, не имеющих языковой компетенции в этническом языке, характерно включение языка как одного из важных ресурсов в конструировании этничности.

Между тем, эвенкийская идентичность старшего поколения, на наш взгляд, связана прежде всего с культурными практиками, хозяйственными навыками и территориальной общностью, что отражается в более высоких показателях маркеров исторического прошлого и территории проживания. Их социализация проходила в советский период, когда доминировал идеологический дискурс интернационализма и слияния народов, а этническая специфика выражалась главным образом через занятость в различных видах традиционной хозяйственной деятельности. Язык для них не несет той высокой символической нагрузки, которую он приобрел в постсоветскую эпоху.

Вместе с тем, 71,1% респондентов-эвенков отмечают, что невладение эвенкийским языком или его неполное знание мешает им ощущать и признавать себя эвенком. Таким образом, даже в условиях устойчивости этнической идентичности без языковой составляющей большинство эвенков переживает отсутствие языковых навыков как кризисное состояние, препятствующее полноценной самоидентификации.

Более явно СМ эвенкийского языка проецируется через признание его родным опрошенными лицами. Так, эвенкийский язык считают родным 24,4% эвенков Слюдякара, это наиболее очевидное выражение СМ языка в условиях заверщенного языкового сдвига. Однако, доля признающих эвенкийский родным существенно ниже доли тех, кто рассматривает язык как важный маркер этнической идентичности (57,8%), что указывает на варьирование между признанием роли языка для этничности и прямой языковой самоидентификацией. Обозначить язык маркером своего народа представляется психологически проще, нежели признать

его своим родным языком, поскольку в первом случае язык атрибутируется группе как коллективное достояние, тогда как во втором – присваивается лично, как элемент индивидуальной идентичности.

Ранжирование по возрасту тех, кто признает эвенкийский язык родным, демонстрирует ту же тенденцию, как и в случае с маркерами идентичности. Максимальный показатель фиксируется в возрастной группе 36-50 лет, где эвенкийский назвали родным 42,9% респондентов. Однако, среди молодежи 19-35 лет он соответствует среднестатистическому показателю внутри выборки (24%). Несмотря на то, что молодежь выросла в период активизации национальной политики, признание эвенкийского языка родным менее характерно для них, чем для людей среднего возраста. Безусловно, это связано с тем, что осознание значимости этнического языка и готовность признать его родным независимо от языковой компетенции есть результат интериоризации. По мере взросления усиливается рефлексия над собственной идентичностью, актуализируется потребность в артикуляции этнической принадлежности через символические ресурсы. Молодые люди находятся на начальной стадии данного процесса, тогда как представители среднего возраста уже прошли путь к более глубокому осмыслению роли языка как маркера этничности.

В группе респондентов 51-60 лет доля признающих эвенкийский язык родным снижается до 21,7%, а среди лиц старше 60 лет снижается до минимального значения (9,5%). Их языковые установки формировались в условиях, когда «родным» считался первый язык – якутский, усвоенный в детстве и использующийся как доминантный в повседневной коммуникации. Тогда как эвенкийский воспринимается как язык предков (эритажный язык), исторически связанный с народом, но не включенный в индивидуальный языковой репертуар.

В целом, признание $\frac{1}{4}$ респондентов-эвенков с. Сьюльдюкар этнического языка родным выступает индикатором его СМ.

Обратимся к аксиологическому измерению: табл. 9 отражает иерархию элементов эвенкийского культурного наследия в восприятии сообщества и место

языка в ней. Респондентам предлагалось оценить значимость элементов культуры и истории по шкале от 0 (совершенно не важно) до 5 (очень важно) баллов.

Таблица 9

Иерархия элементов этнической культуры и истории по степени значимости в восприятии респондентами-эвенками (в %)³²

Элементы	Шкала значимости						Средний балл
	0	1	2	3	4	5	
Обычаи и обряды	1,1	1,1	1,1	5,6	7,8	75,6	4,3
История народа	1,1	0	1,1	3,3	6,7	73,3	4,1
Праздники	0	1,1	1,1	4,4	7,8	68,9	3,9
Национальная одежда	0	1,1	1,1	3,3	10	63,3	3,7
Язык	3,3	1,1	1,1	7,8	6,7	57,8	3,4
Песни и танцы	0	0	2,2	6,7	8,9	55,6	3,4
Национальная кухня	0	2,2	2,2	5,6	8,9	56,7	3,4

В полученной иерархии эвенкийский язык занимает пятое место со средним баллом 3,4. Понятно, что в отличие от обрядов, праздников или материальных атрибутов культуры, язык требует наличия коммуникативной среды, которой здесь нет. В этом отношении культурные практики оказываются более доступными для воспроизводства, учитывая, что они визуальны и могут быть продемонстрированы. Тем не менее, максимальный балл (5 – очень важно) эвенкийскому языку дали 57,8% респондентов. Таким образом, более половины локального сообщества все-таки признает значимость языка, даже если в общей иерархии он не занимает лидирующую позицию, что также свидетельствует о высокой СМ языка.

Распределение респондентов по уровню владения эвенкийским языком, зафиксированное в ходе анкетирования, выглядит следующим образом. Лишь один человек владеет языком свободно – это О.К. Павлова, учитель начальных классов и эвенкийского языка, ныне директор школы. Она являет собой феномен «нового говорящего», овладевшего этническим языком через целенаправленное изучение во взрослом возрасте. Ольга Кирилловна выступает языковым активистом в селе, иницилируя и проводя курсы эвенкийского языка, однако последние не носят регулярного характера. По ее словам, есть курсанты, которые занимаются

³² Средний балл вычислен как средневзвешенное значение по формуле: $(0 \times \%_0 + 1 \times \%_1 + 2 \times \%_2 + 3 \times \%_3 + 4 \times \%_4 + 5 \times \%_5) / 100$, где $\%_i$ – доля респондентов, выбравших соответствующую оценку. Ранжировано по среднему баллу.

индивидуально, чаще – по мессенджеру. Вероятно, данные курсанты составляют группу из 8 чел., указавших на владение языком на разговорном уровне.

Еще 39 респондентов-эвенков и 7 респондентов-якутов отметили знание отдельных эвенкийских слов и фраз. Примечательно, что указанное знание имеет двоякую природу. Часть из них усвоила эвенкийские слова и фразы благодаря активному использованию языка во время праздников, обрядов, а также в визуальном пространстве села. Так, 70% эвенков и 73,3% якутов указали, что эвенкийский язык можно услышать во время культурно-массовых мероприятий, проводимых в Сюльдюкаре. Треть респондентов-эвенков (34,4%) слушает песни на эвенкийском языке, еще 30% – могут спеть песню, что показывает музыку как главный канал усвоения языковых элементов³³. Визуальное присутствие языка упомянули 50% опрошенных эвенков и 46,7% якутов, при этом запрос на расширение такого присутствия языка значительно выше (85,6% эвенков и 80% якутов выступают за оформление визуальной информации на эвенкийском языке).

Вторая составляющая пассивного знания языка связана с эвенкийскими словами, интегрированными в якутскую речь, которые органично функционируют в повседневной коммуникации садынских эвенков. Практически все жители на метаязыковом уровне осознают эвенкийское происхождение данных лексических единиц. «Мы – эвенки, но в повседневной жизни не используем эвенкийский язык. Разве только некоторые слова – амакаан, атаакы, еще несколько» (жен., эвенкийка, 66 лет). Метаязыковое сознание, выражаемое в понимании, что эти слова эвенкийского происхождения, поддерживает связь с этнической идентичностью и создает ощущение языковой особенности локального сообщества, о чем нередко отмечают наши информанты в ходе интервью. Подобное подмечают и живущие в селе якуты: «Когда я приехала, местные жители говорили на якутском, но с какими-то непонятными мне словами. Теперь я сама стала употреблять эти слова, например, муруку, атаакы» (жен., якутка, 45 лет).

³³ Музыка как канал поддержания связи с языком фиксируется и в других социолингвистических контекстах. Так, среди чувашей, переехавших в московский регион, интерес к песне на родном языке сохраняется даже у пассивных билингов [Куцаева, 2018: 8].

Рассмотрим распределение причин низкого владения или отсутствия владения языком (см. табл. 10), которое помогает понять, как эвенки с. Слюдюкар объясняют собственное невладение эвенкийским.

Таблица 10

Факторы низкого уровня или отсутствия владения эвенкийским языком у респондентов-эвенков в возрастном срезе (в %)³⁴

Фактор	Общий массив	Возрастная группа			
		19-35	36-50	51-60	60+
В семье никто не говорил на эвенкийском языке	42,2	52	42,9	34,8	38,1
Отсутствие его преподавания в школе	33,3	8	38,1	56,5	33,3
Не было потребности во владении эвенкийским языком	18,9	36	14,3	4,4	19,1
Не было желания изучать эвенкийский язык	1,1	0	0	0	4,8

На отсутствие внутрисемейной передачи и школьного преподавания языка указывают 42,2% и 33,3% респондентов, соответственно. Вместе эти два структурных фактора составляют 75,5% ответов, при этом есть различия в возрастном срезе. Для молодежи 19-35 лет очевидно, что без языка в семье его невозможно усвоить (52%), тогда как опрошенные лица 51-60 лет чаще подчеркивают роль школы (56,5%), т. е., по их мнению, выходит, что институциональное обучение могло бы дать им язык, которого не было в семье. Промежуточная группа респондентов 36-50 лет балансирует между обеими причинами, соответственно, 42,9% и 38,1%. При этом мотивационные факторы минимальны: отсутствие потребности отметили 18,9%, отсутствие желания – всего 1,1% опрошенных. То есть невладение языком объясняется не нежеланием, а скорее отсутствием условий для овладения им. При этом 41,1% респондентов-эвенков отмечают, что испытывают трудности из-за недостаточного знания или невладения эвенкийским языком.

Непосредственным проявлением СМ эвенкийского языка являются языковые установки респондентов-эвенков по отношению к нему. Обратимся к табл. 11. Здесь и далее для сравнения будем выборочно обращаться к мнению респондентов-

³⁴ Респонденты выбирали только один вариант ответа. Ранжировано по общей частоте упоминаний.

якутов, что позволяет оценить отношение к эвенкийскому языку на уровне всего сельского сообщества.

Таблица 11

Языковые установки респондентов по отношению к эвенкийскому языку (в %)³⁵

Утверждения о языке	Эвенки	Якуты
Позитивные установки		
Хочу использовать его в повседневной жизни	52,2	33,3
У этого языка есть будущее	37,8	16,7
Важно хорошо владеть эвенкийским языком	36,7	40
Престижно знать этот язык	36,7	26,7
Барьеры и ограничения		
Этот язык очень сложный	47,8	43,3
Этот язык невостребованный, его негде применять	25,6	40
Отрицание необходимости		
Можно обойтись без знания этого языка	15,6	33,3
Необязательно знать этот язык	13,3	33,3

Максимальный показатель фиксируется по параметру желания использовать эвенкийский язык в повседневной жизни (52,2% – эвенки, 33,3% – якуты). Скажем, что это стремление людей и есть СМ языка в действии: в условиях его отсутствия больше половины опрошенного массива хотят его использовать. Интересно, что желание использовать язык превышает веру в его будущее, несмотря на то, что рациональная логика предполагала бы обратное соотношение. Таким образом, язык востребован не потому, что у него есть будущее, а потому что он маркирует идентичность. При этом респонденты-эвенки реалистично оценивают существующие барьеры: почти каждый второй (47,8%) признает язык очень сложным, что отражает понимание масштаба задачи при изучении языка с нуля; четверть (25,6%) отмечает невостребованность языка. Однако указанные оценки не отменяют желания использовать язык. Выходит, что СМ эвенкийского языка устойчива даже при осознании практических барьеров.

Наиболее сильное проявление СМ обнаруживается в отказе признать язык необязательным. Лишь 13,3% респондентов согласны с тем, что эвенкийский знать

³⁵ Респондентам предлагалось выразить согласие или несогласие с различными утверждениями об эвенкийском языке. Возможность выбора нескольких утверждений не ограничивалась, поэтому сумма долей превышает 100%. Утверждения сгруппированы по характеру установок: позитивные (признание ценности языка и желание его использовать), воспринимаемые барьеры и ограничения (восприятие препятствий к изучению и использованию), отрицание необходимости владения языком.

необязательно, а 15,6% считают, что без него можно обойтись. Приведенные доли минимальны, учитывая, что садынские эвенки объективно живут без эвенкийского уже несколько столетий.

В целом, языковые установки эвенков с. Сюльдюкар показывают высокую СМ эвенкийского языка и наличие готовой мотивационной базы для ревитализации: это – желание изучать язык (52,2% респондентов), убежденность в его необходимости (86,7% – не считают его необязательным), эмоциональная вовлеченность (41,1% – испытывают дискомфорт от незнания, 71,1% – встречают трудности в самоидентификации без языковой компетенции).

О том, как выше обсужденные установки опрошенных людей проецируются на будущее, свидетельствуют данные о желаемом языковом репертуаре детей и внуков (см. табл. 12). Распределение приоритетов показывает, что язык имеет способность конкурировать с прагматикой доминирующих языков.

Таблица 12

Языковые установки респондентов в отношении желаемого языкового репертуара детей/внуков (в %)³⁶

Язык	Эвенки					Якуты				
	Позиция				Индекс	Позиция				Индекс
	1	2	3	4		1	2	3	4	
Якутский	71,1	18,9	0	1,1	3,42	86,7	10	0	0	3,77
Русский	31,1	26,7	27,8	0	2,60	23,3	50	20	0	2,83
Эвенкийский	30	26,7	10	12,2	2,32	20	13,3	30	10	1,90
Английский	8,9	11,1	15,6	26,7	1,27	13,3	13,3	23,3	36,7	1,76

Как и предполагалось, якутский язык лидирует с индексом: 3,42 – у эвенков и 3,77 – у якутов. Вместе с тем, 71,1% респондентов-эвенков ставят его на первое место для детей и внуков. Высокий приоритет связан не только с тем, что якутский язык остается языком сельской повседневности, но и с ощущением ими угрозы нового языкового сдвига. Показательно, что теперь уже якутский язык, прежде выступавший доминирующим в регионе, испытывает давление со стороны

³⁶ Респонденты распределяли языки по очередности, согласно которой, по их мнению, должны владеть дети/внуки (1-я позиция – прежде всего, 4-я позиция – в последнюю). Часть респондентов разместила несколько языков на одной позиции, поэтому суммы по столбцам превышают 100%. Индекс приоритетности рассчитан как средневзвешенное: $(4 \times \%_1 + 3 \times \%_2 + 2 \times \%_3 + 1 \times \%_4) / 100$, где $\%_i$ – доля респондентов, выбравших соответствующую очередь. Шкала индекса от 1 (низкий приоритет) до 4 (высокий приоритет). Языки упорядочены по индексу приоритетности в группе эвенков.

русского языка. В этих условиях языки КМНС и якутский язык оказываются в сходной позиции, что формирует основу для их солидарности перед лицом общей угрозы языкового сдвига в пользу русского языка.

Респонденты в интервью отмечали, что дети начинают говорить только по-русски, что согласуется и с нашими наблюдениями. Опасения не беспочвенны: исследования Н.И. Ивановой демонстрируют постепенное снижение языковой компетенции среди молодежи саха в Якутии, с 2007 г. по 2021 г. она уменьшилась примерно на 5% при росте доли пассивного владения [Иванова, 2023: 103]. Более того, по актуальным данным исследователя, общее снижение языковой компетенции якутов за период с 2007 по 2024 год составило 17,3%, что свидетельствует об ускорении процесса языкового сдвига³⁷. В детской среде ситуация более напряженная: свободным владением этническим языком характеризуется лишь 47,55% детей-саха, что в два раза ниже показателей взрослого населения [Никитина, 2025: 64]. Таким образом, высокий индекс якутского языка демонстрирует две установки одновременно: на сохранение языка повседневности и на противодействие его вытеснению русским.

Ключевой показатель для измерения СМ – позиция эвенкийского языка. С индексом 2,32 он занимает третье место, существенно опережая английский (1,27). Более того, индекс эвенкийского языка близок к русскому (2,60). Симптоматично, что 30% респондентов-эвенков хотят, чтобы их дети владели эвенкийским языком в первую очередь, а 26,7% – ставят его на второе место. Суммарно 56,7% опрошенных эвенков ставят утраченный язык в первые две позиции приоритетности для детей. Важно, что эвенки, переживающие второй языковой сдвиг (от якутского к русскому), одновременно демонстрируют установку на возвращение первого утраченного языка (эвенкийского).

Интерес к эвенкийскому языку проявляют и респонденты-якуты (индекс 1,90), что также выше английского (1,76). Суммарно треть якутов (33,3%) включают

³⁷ По данным доклада Н.И. Ивановой «Проблемы воспроизводства языка саха: языковые практики и языковые установки», представленного на круглом столе «Государственные и официальные языки Республики Саха (Якутия): проблемы и перспективы» (Госсобрание (Ил Тумэн) РС(Я), 13.02.2026).

эвенкийский язык в первые две позиции. Это значительный показатель для языка, который не является их этническим языком и практически не используется в селе. Они признают эвенкийский язык важным элементом локальной идентичности, поэтому хотят, чтобы дети и внуки овладели им, что расширяет потенциал ревитализации эвенкийского языка за пределы собственно этнической группы.

Однако предпочтения требуют конкретизации: готовы ли жители Слюдякара к практическим шагам по включению эвенкийского языка в образовательные программы детей? Данные о желаемом присутствии эвенкийского языка в дошкольном образовании (см. табл. 13) переводят абстрактное стремление к овладению языком их детьми и внуками в плоскость институциональных форматов.

Таблица 13

Языковые установки респондентов относительно присутствия эвенкийского языка в дошкольном образовании (в %)³⁸

Языковая модель	Эвенки	Якуты
Эвенкийский как основной язык		
Эвенкийский язык обучения и воспитания	18,9	0
Эвенкийский + якутский как предмет	11,1	3,3
<i>Итого: эвенкийский основной</i>	<i>30</i>	<i>3,3</i>
Эвенкийский как предмет (не основной)		
Якутский + эвенкийский как предмет	34,4	36,7
Русский + эвенкийский как предмет	6,7	0
<i>Итого: эвенкийский как предмет</i>	<i>41,1</i>	<i>36,7</i>
Без эвенкийского языка		
Якутский язык обучения и воспитания	17,8	40
Русский + якутский как предмет	4,4	10
Русский язык обучения и воспитания	2,2	10
<i>Итого: без эвенкийского языка</i>	<i>24,4</i>	<i>60</i>

Данные демонстрируют общий запрос на присутствие эвенкийского языка в дошкольном образовании при доминировании компромиссной модели с якутским как основным языком социализации; при этом поддержка со стороны якутского населения (40%) указывает на формирование межэтнической солидарности. Одновременно выявляется устойчивое прагматическое меньшинство среди эвенков (около четверти), последовательно исключаящее эвенкийский язык как из желаемого репертуара детей, так и из дошкольного образования.

³⁸ Респондентам предлагалось выбрать один наиболее предпочтительный вариант. Варианты сгруппированы по степени присутствия эвенкийского языка в образовательном процессе.

Оптимальная модель включения эвенкийского языка – «якутский + эвенкийский как предмет» (34,4% эвенков, 36,7% якутов). Она сохраняет якутский как язык повседневной социализации, противодействуя сдвигу к русскому, и одновременно вводит эвенкийский язык как обязательный элемент, что позволяет реализовать установки родителей на владение детьми обоими языками (71,1% хотят якутский на первом месте, 56,7% – эвенкийский на втором).

Реальная же ситуация не соответствует ожиданиям. Оценивая реализацию права на выбор эвенкийского в качестве языка обучения, лишь 7,8% респондентов-эвенков считают его полностью исполненным, 14,4% – частично воплощенным, а 28,9% констатируют полное отсутствие такой возможности. В подобных условиях показательны языковые установки относительно школьного образования. Данные о желаемом статусе эвенкийского языка в школе (см. табл. 14) фиксируют стремление сделать эвенкийский обязательным предметом для всех учащихся независимо от этнической принадлежности.

Таблица 14

Языковые установки респондентов относительно статуса эвенкийского языка в школьном образовании (в %)³⁹

Статус эвенкийского языка	Эвенки	Якуты
Обязательно для всех учащихся		
Наравне с якутским языком (равный объем)	63,3	53,3
Вместо якутского языка (полная замена)	8,9	6,7
В меньшем объеме, чем якутский язык	5,6	6,7
<i>Всего</i>	77,8	66,7
Обязательно только для эвенков		
Обязательно для эвенков, для других – по желанию	6,7	20
По желанию для всех		
По желанию, независимо от национальности	14,4	13,3

Абсолютное большинство эвенков (77,8%) одобряет обязательность изучения эвенкийского языка к модели паритета эвенкийского с якутским языком (63,3%). СМ эвенкийского языка оказывается сопоставимой с коммуникативной мощностью якутского. В этом ключе особенно важной выглядит межэтническая поддержка обязательности эвенкийского языка для всех учащихся, за что высказались 66,7%

³⁹ Респондентам предлагалось выбрать один наиболее предпочтительный вариант. Варианты сгруппированы по степени обязательности изучения эвенкийского языка.

респондентов-якутов, также чаще выбирая модель его паритета с якутским языком (53,3%). Таким образом, имеется межэтническое согласие относительно выбора оптимальной модели образования, в которой эвенкийский и якутский языки должны изучаться в равном объеме как обязательные предметы.

Менее распространено мнение о дистрибуции обязательности по этническому признаку (6,7% эвенков и 20% якутов выбирают вариант «обязательно для эвенков, для других – по желанию») и этнически нерелевантная модель добровольного изучения (14,4% эвенков и 13,3% якутов).

Школа видится более легитимным пространством для возрождения утраченного языка, чем детский сад. Ожидаемый паритетный статус эвенкийского языка в школьной программе должен компенсировать его отсутствие в реальном использовании и обеспечить ревитализацию. Требование обязательности для всех учащихся, поддержанное респондентами-якутами, свидетельствует о готовности людей воспринимать эвенкийский язык как маркер локальной идентичности, что создает основу для межэтнического согласия в вопросе ревитализации.

Если обязательность определяет институциональный статус эвенкийского языка, то продолжительность обучения показывает, на каких этапах образования он должен изучаться, в связи с чем обратимся к данным табл. 15.

Таблица 15

Предпочтительная продолжительность обучения детей эвенкийскому языку в оценках респондентов (в %)⁴⁰

Вариант обучения	Эвенки	Якуты
До окончания школы	51,1	43,3
До 9-го класса	15,6	23,3
В детском саду и в начальной школе	12,2	13,3
Только в начальной школе	7,8	13,3
Только в детском саду	6,7	3,3
Не хотел бы обучения эвенкийскому языку	0,0	3,3

Большинство респондентов-эвенков (51,1%) выступают за максимальную продолжительность обучения – до окончания школы, что для языка без носителей

⁴⁰ Респондентам предлагалось выбрать один наиболее предпочтительный вариант. Варианты упорядочены от максимальной к минимальной длительности обучения, что совпадает с порядком убывания популярности среди эвенков.

и сфер применения указывает на пиковые значения СМ языка. Еще 15,6% – выбирали обучение до 9-го класса, возможно, исключая старшие классы из-за приоритета ЕГЭ и профильных предметов. Суммарно 26,7% опрошенных ориентированы на краткосрочное обучение, достаточное для знакомства с языком. Подобные доли обнаруживаются у якутов (66,6% за длительное обучение: 43,3% до 11-го, 23,3% до 9-го класса), что отражает единое мнение о воспроизводстве языка через школьное образование.

Однако очевидна эффективность ревитализации, включающей как детей, так и взрослых. Оказалось, что реальный опыт посещения языковых курсов минимален (лишь 16,6% эвенков и 6,7% якутов посещали курсы полностью или частично), но при этом значителен нереализованный спрос: 67,8% эвенков и 53,3% якутов признались, что «было желание, но не было возможности». Готовность изучать эвенкийский в настоящее время выражают 92,2% эвенков и 56,6% якутов, из них 61,1% и 33,3%, соответственно, готовы посещать курсы при их организации в селе.

Обнаружена асимметрия в установках: если эвенки проявляют высокий интерес к изучению языка в обоих поколениях, то якуты более готовы к языковой социализации детей, чем к собственному обучению. Однако даже 60% респондентов-якутов, заинтересованных в личном изучении эвенкийского языка, составляют значительную долю опрошенных лиц, указывающих на межэтнический характер языкового интереса.

СМ эвенкийского языка достигает максимума в показателе готовности взрослого населения с. Сюльдюкар к его изучению. Разрыв между готовностью (92,2% эвенков, 56,6% якутов) и реальным опытом (16,6% и 6,7%) диагностирует проблему ревитализации, которая заключается в отсутствии институциональных возможностей при высокой мотивации опрошенного массива. В данном контексте возникает вопрос: какие формы поддержки эвенкийского языка и культуры практикуются жителями села в отсутствие систематических программ обучения?

Как видно из табл. 16, наиболее распространенной является такая практика поддержки языка, как активное участие респондентов в культурных мероприятиях (31,1% эвенков и 16,7% якутов). Безусловно, это значимая форма языковой

активности. Через исполнение эвенкийских песен, представление фольклорных номеров на сцене, участники мероприятия становятся трансляторами языка и культуры для всего локального сообщества. Они создают публичную языковую среду, где эвенкийский язык звучит и функционирует. Культурные события и акции требуют меньших систематических усилий, чем регулярное посещение курсов, но обеспечивают языковую практику и эмоциональную вовлеченность.

Таблица 16

Практики поддержки эвенкийского языка и культуры в с. Сюльдюкар (в %)⁴¹

Действия по поддержке языка и культуры	Эвенки	Якуты
Активные практики		
Участвую в мероприятиях (конкурсы, концерты, выставки)	31,1	16,7
Участвую в работе общественных организаций	18,9	3,3
Самостоятельно учу эвенкийский язык	14,4	3,3
Пассивная позиция		
Ничего не делаю, хотя считаю поддержку необходимой	37,8	53,3
Отрицание необходимости		
Не считаю, что язык и культура нуждаются в поддержке	0,0	6,7

Примечательно, что самостоятельным изучением языка занимаются 14,4% респондентов-эвенков. Это демонстрирует эффективность обучения, так как объем указанной группы практически совпадает с долей лиц, имевших опыт посещения курсов (16,6%). В этой связи есть основания предположить, что даже кратковременные языковые курсы запускают долгосрочный процесс самообучения на индивидуальном уровне.

Все эвенки считают необходимой поддержку языка и культуры, вместе с тем 37,8% из них ничего не предпринимают для этого. Данный контингент отмечаем как потенциальный ресурс для подключения к деятельности по возрождению языка. Вопрос о механизмах поддержки естественным образом выводит на тему об ответственности: кто должен создавать соответствующие условия, организовывать процесс, обеспечивать необходимыми ресурсами (см. табл. 17)?

Таблица 17

⁴¹ При ответе на вопрос о личных действиях по поддержке эвенкийского языка и культуры множественность выбора не регламентировалась, однако часть респондентов указала несколько видов деятельности. В связи с этим сумма долей превышает 100%, и каждый показатель следует интерпретировать как долю респондентов, вовлеченных в данный вид деятельности, независимо от участия в других формах поддержки. Варианты ответов сгруппированы по характеру вовлеченности: активные практики поддержки, пассивная позиция (признание необходимости без практических действий) и отрицание необходимости поддержки.

**Представления респондентов о субъектах ответственности за возрождение
эвенкийского языка (в %)⁴²**

Субъект ответственности	Эвенки	Якуты
Образовательные институты		
Школа	56,7	36,7
Детский сад	45,6	16,7
Семья и индивидуальная ответственность		
Семья	52,2	40
Каждый человек эвенкийской национальности	18,9	50
Я сам	8,9	10
Учреждения культуры и общественные организации		
Учреждение культуры	20	16,7
Общественные организации	4,4	6,7
Органы власти		
Местного уровня	21,1	20
Районного уровня	10	10
Республиканского уровня	13,3	30
Федерального уровня	5,6	6,7

В представлениях респондентов-эвенков о субъектах ответственности доминируют образовательные институты. По их мнению, главным институтом ревитализации языка является школа (56,7%). Это полностью соответствует их установкам, выявленным ранее: 77,8% – выступили за обязательность изучения эвенкийского языка в школе, 51,1% – за обучение языку до окончания школы. Высокую роль детского сада подчеркнули 45,6% (третья позиция), что демонстрирует понимание важности раннего языкового воспитания: почти каждый второй из них считает, что ревитализация должна начинаться с дошкольного возраста, когда языковая социализация наиболее эффективна. Это также коррелирует с точкой зрения 71,1% респондентов, поддержавших включение эвенкийского языка в дошкольное образование.

Второе место по частоте упоминаний (52,2% эвенков) занимает институт семьи, но в данном случае требуется его осмысление с учетом социологической реальности с. Слюдюкар. Так, в семейной обстановке эвенкийский язык фактически не используется, родители им не владеют и не могут передать его своим

⁴² Респондентам предлагалось выбрать до трех субъектов, которые, по их мнению, должны отвечать за возрождение эвенкийского языка в с. Слюдюкар, поэтому сумма долей превышает 100%. Субъекты сгруппированы по типу институтов: образовательные учреждения / семья и индивидуальная ответственность / учреждения культуры и общественные организации / органы власти разных уровней.

детям. По всей видимости, семейная политика больше понимается как создание мотивационной и ценностной среды. Семья должна формировать у детей позитивное отношение к языку, объяснять его значимость для идентичности, поддерживать эмоциональную связь с культурой предков, создавать условия для изучения (например, записывать ребенка на курсы, поощрять речевую практику). Такое представление и роли семьи как культурного посредника отражает адаптацию к реальности языкового сдвига.

Подавляющее большинство эвенков (92,2%) готовы изучать язык и поддерживают идею его возрождения, однако лишь 18,9% возлагают ответственность на «каждого человека эвенкийской национальности», и только 8,9% выбирают вариант «я сам». Люди искренне поддерживают ревитализацию и готовы участвовать, но не считают себя лично ответственными за это возрождение. Формулировка «каждый эвенк» позволяет признавать ответственность этнической группы в целом. Готовность к изучению сочетается с ожиданием, что кто-то другой организует данный процесс, создаст условия и возьмет на себя инициативу.

Исследованием установлено, что у респондентов-якутов распределение ответственности существенно отличается: половина из них (50%) считает, что ответственность должна лежать на каждом эвенке, а также на каждой семье (40%). Это логичная позиция, которая подчеркивает, что основная ответственность за язык должна быть у носителей связанной с ним идентичности, тогда как неэвенки выступают в роли поддерживающих акторов. Таким образом, якуты видят ревитализацию как этнически локализованную ответственность эвенков, тогда как сами эвенки распределяют ее между различными институтами, не выделяя этническую принадлежность как решающий фактор ответственности.

Интересно, что роль учреждений культуры как ответственных за возрождение языка (20% эвенков и 16,7% якутов) не соответствует высокой популярности культурных мероприятий как практики поддержки языка – в них участвуют 31,1% и 16,7% респондентов соответственно. Люди активно вовлечены в мероприятия, но при этом не рассматривают учреждения культуры как институт возрождения языка.

Таким образом, культурные мероприятия воспринимаются как важный, но вспомогательный элемент поддержки языка, форма его популяризации.

Органы государственной власти всех уровней также не воспринимаются как ключевые субъекты ответственности, с некоторыми различиями между двумя группами. У эвенков доминирует (по убыванию): местный уровень (21,1%), республиканский (13,3%), районный (10%), федеральный (5,6%); у якутов: республиканский уровень (30%), местный (20%), районный (10%) и федеральный (6,7%). Таким образом, эвенки локализуют проблему на уровне своего села и локальных институтов, а якуты видят ее как задачу региональной национальной политики. Однако суммарно не более 30-40% опрошенных считают органы власти какого-либо уровня ответственными за ревитализацию языка.

В целом, эвенкийское сообщество с. Слюдюкар возлагает ответственность за возрождение языка на основные институты социализации. При этом высокая СМ языка не переходит в готовность большинства лично действовать для его возрождения. Ревитализация мыслится как коллективный проект социальных институтов, что порождает зависимость от институциональных решений и пассивность большинства в их отсутствие. Возрождение эвенкийского языка в представлениях локального якутоязычного сообщества – задача школы, детского сада и семьи при поддержке органов власти и учреждений культуры. Индивиды готовы присоединиться к институционально организованному процессу, но не инициировать его самостоятельно.

3.4. Концепт «эвенкийский язык» в языковом сознании взрослого населения с. Слюдюкар: результаты ассоциативного эксперимента

Репрезентация концепта «эвенкийский язык» в языковом сознании слюдюкарских эвенков была исследована с помощью свободного ассоциативного эксперимента среди взрослого населения. Информантам предлагалось назвать первые слова или фразы, которые приходят в голову при упоминании стимула

«эбэнки тыла» (с якут. эвенкийский язык)⁴³. Всего было получено 108 реакций, без учета повторов – 83 уникальные реакции. Анализ языкового состава реакций показал, что 46% были даны на якутском языке, 38% на русском и 16% на эвенкийском. Преобладание якутских реакций объясняется тем, что стимул предъявлялся на якутском языке; высокая доля русских реакций отражает активный якутско-русский билингвизм в речевых практиках селюдокарских эвенков. Это также показывает, что русский язык активно присутствует в их языковом сознании, особенно если речь идет о концептуальных или абстрактных понятиях.

Примечательно, что 16% реакций были даны на эвенкийском языке, несмотря на то, что подавляющее большинство информантов им не владеет. Их анализ показывает, что это реакции в виде названий, приветствий, отдельных слов из песен или надписей на вывесках – то есть прецедентных текстов, актуализирующихся в языковом сознании даже при отсутствии активного владения языком. Таким образом, эвенкийский язык функционирует в сознании носителей как символический код, закрепленный через культурно значимые фрагменты.

Все полученные реакции были распределены по четырем основным тематическим группам (см. табл. 18). Отдельно следует отметить четыре реакции, которые представляли собой прямой перевод самого стимула: на русский – «эвенкийский язык» (3) и на эвенкийский – «эвэды турэн» (1), которые не были включены в тематические группы, поскольку не несут дополнительной смысловой нагрузки, дублируя стимул на другом языке.

Таблица 18

Тематические группы ассоциативных реакций на стимул «эбэнки тыла»

Группа	% реакций	Примеры реакций	Характеристика
Культурная	41	икэллу (4), култуура (4), культура (2), Бакалдын (2), Дылачакан (2), олень (2), орончикан (2), озорво (2), табаһыт (2), булчут (1), песня (1), традиции (1), үгэс (1), үнкүү (1) и др.	Язык ассоциируется с культурой, а также оленеводством как основой традиционного уклада жизни и воспринимается через призму хозяйственной деятельности

⁴³ Стимул специально предъявлялся на якутском языке (функционально первом языке респондентов), что обеспечило естественность и спонтанность реакций.

Идентификационная	26	төрүттэрим тыллара (3), язык предков (2), родной язык (2), мой родной язык (1), норуот тыла (1), мин омугом тыла (1), ийэм тыла (1) и др.	Притяжательная семантика: язык осмысливается через категории родства как маркер этнической принадлежности
Регулятивная	15	сайыннарыахха наада (2), үөрэтиэххэ наада (2), должны владеть свободно (1), должны изучать (1), его надо сохранять (1) и др.	Осознание необходимости действий по отношению к языку; язык выступает объектом воздействия, чем живым средством общения
Оценочная	15	<i>Позитивные:</i> сүдү тыл (1), кэскиллээх тыл (1), что-то манящее (1) и др. <i>Негативные:</i> исчезающий язык (1), незнакомый (1), умнуллан эрэр тыл (1) и др.	Наличие полярных оценок высвечивает внутренний конфликт: признание ценности языка при фиксации реальной ситуации утраты и незнания

Одна из существенных особенностей полученных ассоциаций заключается в доминировании генеалогической, родовой тематики. Слово «предки» встретилось четыре раза, что делает его одной из самых частотных реакций. На якутском языке встретились фразы «төрүттэрим тыллара» (3) (*с якут. язык моих предков*), «мин өбүгэлэрим тыллара» (1) (*с якут. язык моих предков*), «өбүгэлэрбит тыллара» (1) (*с якут. язык наших предков*). Первые две формулы подчеркивают личную связь с предками, третья отсылает к коллективной идентичности. Также встретились реакции «язык моих предков» (2), «язык предков» (1). Посредством ассоциаций для сюльдюкарцев эвенкийский язык репрезентируется прежде всего как язык предков. Кроме того, зафиксированы реакции «язык моего отца», (1) «ийэм тыла» (1) (*с якут. язык моей матери*), где эвенкийский язык атрибутируется через родственную связь. Таким образом, принадлежность языка определяется этничностью носителя, а не фактическим владением.

В полученных ассоциациях наблюдается интересная конфигурация характеристик. С одной стороны, респонденты называют эвенкийский родным языком: «родной язык» (2), «мой родной язык» (1), «мой язык» (1) «төрөөбүт тыл» (1) (*с якут. родной язык*), «төрөөбүт тылбыт» (1) (*с якут. наш родной язык*). С другой, встречаются реакции «билбэт тылым» (1) (*с якут. язык, который я не знаю*), «незнакомый» (1), «кистэлэн код» (1) (*с якут. тайный код*), «таайылла илик» (1) (*с якут. еще не разгадан*). Таким образом, язык оказывается «своим», но

«незнакомым». Статус «родного» определяется принадлежностью к языку предков, к языку народа, к которому принадлежит информант. При этом характеристики «незнакомый» и «тайный» обусловлены отсутствием реального владения языком, невозможностью его понимания.

Выявленное отражает специфику ЯС в с. Сюльдюкар. Его жители сохранили сильную эвенкийскую идентичность (91,1% никогда не забывают о своей национальности), при этом полностью перешли на якутский язык. Реакция «кистэлэн код» (*с якут.* тайный код) указывает на восприятие языка как шифра, требующего расшифровки. Язык предстает не как инструмент свободного владения, но как объект, требующий усилий для понимания, доступ к которому утрачен. Реакция «таайылла илик» (*с якут.* еще не разгадан) развивает эту модель с мотивом сожаления: язык осмысливается как загадка, которая должна была быть разгадана, но осталась нерешенной – фиксация невосполненной утраты.

Наиболее многочисленная группа реакций связана с культурой, что подтверждает данные анкетирования, где культура была обозначена как главный этнический этническим маркер (90%), превзойдя при этом язык (57,8%). «Култуура» (4) (*с якут.* культура) и «культура» (2) – шесть упоминаний, одна из самых частотных реакций. Для сюльдюкарцев язык воспринимается прежде всего как часть культуры.

Значительное количество реакций связано с оленями, оленеводством, охотой: «олень» (2), «табаһыт» (2) (*с якут.* оленевод), «олени» (1), «булчут» (1) (*с якут.* охотник). Данные коррелируют с материалами интервью, где информанты неоднократно отмечали, что эвенкийские слова сохранились преимущественно в оленеводческой и охотничьей лексике, то есть носителями являются оленеводы и охотники. При этом фиксировалась обеспокоенность тем, что с исчезновением оленеводства в селе уходит и этот последний пласт эвенкийской лексики. Терминология оленеводства и охоты осмысливается как финальный фрагмент языка, который еще сохраняется в речевой практике, однако его исчезновение связывается с уходом последних носителей традиционных занятий.

Оленеводческая тематика получила дополнительное развитие в эвенкийских реакциях. Показательно, что большинство из них известны информантам именно из этой сферы: «орончикан» (2) (*с эвенк.* олененок), «орорво» (2) (*с эвенк.* оленей), «эннэкээн» (1) (*с эвенк.* олененок). Многие из приведенных эвенкийских слов также известны из культурного контекста. «Орончикан» является названием песни, которую исполняет местный ансамбль «Дылачакан», и одновременно – детского сада в с. Сюльдюкар. В 2024 г. название детсада было изменено усилиями местных жителей, до этого учреждение именовалось «Колобок». «Орорво» входит в название другой песни «Орорво иргичимни» (*с эвенк.* оленевод, дословно: пастух оленей). «Эннэкээн» также является названием песни.

Само название ансамбля «Дылачакан» встретилось в реакциях дважды. Ансамбль, исполняющий эвенкийские песни, становится репрезентацией эвенкийского языка. Язык возрождается в форме песенного фольклора, что позволяет сюльдюкарцам восстанавливать связь с ним через культурные практики. Встретились также реакции «песня» (1), «ырыа-тойук» (1) (*с якут.* песни-пляски), «үнкүү» (1) (*с якут.* танец), «дьонум-сэргэм ыллыы-үнкүүлүү сылдьаллар» (1) (*с якут.* мои люди поют, танцуют), «традиции» (1), «үгэс» (1) (*с якут.* традиции, обычаи), «обычаи» (1). Эвенкийский язык ассоциируется с культурными практиками, которые начали развиваться с 1990-х гг. (см. § 3.3.), обеспечивая канал его передачи в условиях утраты функции повседневного общения.

Четыре раза встретилась реакция «икэллу» (*с эвенк.* войдите). Как следует из контекста, раньше это слово-приветствие было написано на въездном знаке в с. Сюльдюкар. Похожая ситуация с реакцией «аямамат ирэмэдэкэллу» (1) (*с эвенк.* добро пожаловать), надписью на вывеске у входа в школу. Дважды встретилось название эвенкийского праздника «Бакалдын», который ежегодно организуется в селе. Встретилось также название села на якутском языке – «Сүлдьүкээр» (1). Среди эвенкийских реакций встретилось слово «кунакан» (1) (*с эвенк.* ребенок) – сохранилось, вероятно, из школьной практики. Дважды встретилось «атаакы» (*с якут.* паук) – эвенкизм, активно используемый в якутской речи сюльдюкарцев.

Встретилась фраза «эбэнкилии эйэбэс эбэрдэ» (1) (с якут. по-эвенкийски дружелюбный привет), часть устоявшейся формулы: «Эбэнкилии эйэбэс эбэрдэ, сахалыы сайабаас айхал!» (с якут. по-эвенкийски дружелюбный привет, по-якутски добрая хвала!). Данная ритуальная формула произносится на праздниках и мероприятиях, выражая двойную идентичность сюльдюкарцев: эвенкийскую по происхождению и якутскую по языку. Встретилось также приветствие «дорово» (1) (с эвенк. здравствуйте) – эвенкийское слово, функционирующее как маркер этнической принадлежности в коммуникативных ситуациях.

В целом, реакции показывают, что эвенкийский язык активно присутствует в символическом пространстве с. Сюльдюкар через названия и вывески учреждений, праздничные мероприятия, обозначая «эвенкийскость» пространства и сообщества, создавая визуальную и событийную среду для контакта с языком.

Значительная часть реакций характеризует эвенкийский язык с оценочной точки зрения, и здесь проявляется трагический нарратив утраты. Встретились реакции: «исчезающий язык» (1), «сүтэн эрэр» (1) (с якут. начинает исчезать), «умнуллан эрэ тыл» (1) (с якут. язык, который начинает забываться). Язык описывается как живое существо, которое исчезает, забывается. Особенно выразительны реакции, описывающие речевую (языковую) ситуацию через конкретные формулировки «дьон кэпсэппэт» (1) (с якут. люди не разговаривают), «туттубаппыт» (1) (с якут. мы не используем), «туттулубат» (1) (с якут. не используется), «ким да үөрэппэтэбэ» (1) (с якут. никто не изучал/обучал), констатирующее реальное состояние языка. При этом важна последняя формулировка, где вина оказывается коллективной. Ни школа, ни семья, ни общество не обеспечили передачу языка. Реакция «билбэт тылым» (1) (с якут. язык, который я не знаю) представляет собой личное, болезненное признание невладения этническим языком, где слышится переживание разрыва между тем, что должно быть, и тем, что есть.

Примечательно полное отсутствие формулировки «өлөн эрэр тыл» (с якут. умирающий язык) – ни среди ассоциативных реакций, ни в повседневном дискурсе, зафиксированном в ходе включенного наблюдения. В неформальном общении и

обсуждениях ЯС информанты избегают прямой метафоры смерти, используя процессуальные глаголы: «исчезает», «забывается», «начинает исчезать», что может свидетельствовать о действии культурного табу на название смерти значимого объекта либо о сохранении коллективной надежды на возрождение. Процессуальность описания, в отличие от финальной семантики смерти, оставляет пространство для возможного изменения ситуации, что указывает на незавершенность коллективного переживания языкового сдвига.

При этом встречаются позитивные характеристики: «сүдү тыл» (1) (*с якут.* великий/могучий язык), «кэскиллээх тыл» (1) (*с якут.* перспективный язык, язык с будущим), «что-то манящее» (1), «истоки» (1), «объединяет нацию» (1), «определяет нацию» (1), демонстрирующие ценностное отношение к эвенкийскому языку как к значимому элементу идентичности. Овнешнение языка через признаки «великий», «перспективный» указывает на признание его СМ и потенциала. Реакции «объединяет нацию», «определяет нацию» показывают осознание языка как ключевого маркера коллективной идентичности.

Весьма выразительны реакции, отражающие формирование и/или сохранение позитивного отношения к эвенкийскому языку в условиях его утраты как средства повседневного общения: «что-то манящее», язык воспринимается как нечто притягательное, желанное, к чему хочется приблизиться; реакция «истоки» репрезентирует язык как точку отсчета, к чему можно возвращаться в поисках основ собственной идентичности.

15% реакций можно отнести к регулятивной функции языка – значительный объем свидетельствует об осознании респондентами необходимости активных действий: «үөрэтиэххэ наада» (2) (*с якут.* нужно изучать), «сайыннарыахха наада» (2) (*с якут.* необходимо развивать), «билиэхтээх тылбыт» (1) (*с якут.* язык, который мы должны знать), «должны владеть свободно» (1), «должны изучать», (1) «обязательно изучать всем учащимся» (1), «тилиннэриэххэ наада» (1) (*с якут.* нужно возродить), «сайыннарыахтаахпыт» (1) (*с якут.* мы должны развивать), «дьонно үөрэтиэххэ» (1) (*с якут.* давайте обучать людей), «оҕолорго үөрэтиэххэ» (1) (*с якут.* давайте обучать детей), «его надо сохранять» (1). Семантика

долженствования реализуется через модальные конструкции с «наада» (с якут. нужно), императивы «давайте обучать» и предикаты обязательности «должны», «обязательно». Повторение глагола «үөрэтиэххэ» (с якут. изучать) указывает на обучение как основной путь ревитализации. Формулировки «дьонно үөрэтиэххэ» и «оҕолорго үөрэтиэххэ» эксплицитно называют целевые группы возрождения языка, охватывая как все сообщество, так и подрастающее поколение.

Обращает на себя внимание использование форм множественного числа в таких реакциях, как «билиэхтээх тылбыт» (1) (с якут. мы должны знать), «төрөөбүт тылбыт» (1) (с якут. наш родной язык), «сайыннарыахтаахпыт» (1) (с якут. мы должны развивать), «туттубаппыт» (1) (с якут. мы не используем). Данные формы выражают категорию совместности, демонстрируя, что ответственность за судьбу языка осознается как коллективная. В данном контексте формы единственного числа, выражающих личную инициативу, меньше: лишь две реакции используют единственное число: «желаю владеть» (1) выражает личное желание, тогда как «сайынным» (1) (с якут. я развився) представлено в форме первого лица прошедшего времени. Таким образом, вектор ответственности направлен на коллектив в целом, личная же вовлеченность остается слабо артикулированной.

Интересна реакция «надо возродить, иначе мы не эвенки» (1), представляющая собой единственную формулировку, где ревитализация языка прямо связана с условием существования народа. На глубинном уровне сознания язык воспринимается как главный фактор для сохранения этнической принадлежности. Но даже в этой реакции сохраняется коллективная форма: используется формулировка «надо возродить» (кому-то надо, кто-то должен), а результат сформулирован как «мы не эвенки».

Данные ассоциативного эксперимента подтверждают основные тенденции, выявленные социолингвистическим опросом (см. § 3.3.) и при этом позволяют уточнить характер языковых установок локального сообщества.

Итак, приоритет ценности культуры над ценностью языка количественно подтвержден, соответственно, культура является главным этническим маркером (90%), в ассоциациях культурная группа реакций составляет наибольшую долю

(41%), а лексема «култуура» входит в число наиболее частотных реакций. Генеалогический статус языка подтверждается через сопоставление данных обоих наших исследований. По итогам анкетирования 24,4% респондентов определили эвенкийский как родной язык при отсутствии владения. Ассоциативный материал выявляет доминирование формулы «язык предков» (7 упоминаний).

Осознание утраты языка фиксируется в обоих массивах данных. 71,1% опрошенных людей признали, что невладение языком препятствует полноценной этнической самоидентификации. Ассоциативный эксперимент эксплицирует это осознание через реакции «исчезающий», «люди не разговаривают», «надо возродить, иначе мы не эвенки». Последняя реакция особенно показательна, поскольку связывает языковую утрату с угрозой этнической идентичности.

Ответственность за язык воспринимается как коллективная. Лишь 8,9% участников массового опроса возлагают на себя личную ответственность, тогда как 56,7% – делегирует ответственность школе, 52,2% – семье. Ассоциации грамматически проецируют данную установку: доминируют формы множественного числа, формы единственного числа отсутствуют. Ревитализация воспринимается как коллективная задача без индивидуальной агентности.

Вместе с тем выявляются существенные расхождения между итогами по данным двух аспектов (подходов) исследования. Так, 92,2% участников анкетирования заявили о готовности изучать эвенкийский язык, а в ассоциативном эксперименте личное желание было выражено единственной реакцией («желаю владеть»). Выявленное расхождение отражает разные уровни языкового сознания. Структурированный опрос фиксирует рефлексивные, осознанные установки, где высокий процент готовности к изучению языка свидетельствует о позитивном отношении к языку в сообществе. Ассоциативный эксперимент выявляет спонтанные реакции, менее подверженные рефлексии: доминируют модальности долженствования («должны», «надо», «нужно»); модальности желания («хочу», «буду») представлены минимально. Таким образом, осознанная готовность к изучению языка пока опирается скорее на чувство коллективной ответственности,

чем на внутреннюю индивидуальную мотивацию. При этом само наличие такой готовности представляет важный ресурс для языковой ревитализации.

Опрос показал, что 47,8% лиц признали эвенкийский язык сложным для изучения. В ассоциациях тема объективной сложности языка не получает развития. Фиксируется иной аспект восприятия: встречаются реакции «не знаю», «незнакомый», «тайный код», «не разгадан». Язык концептуализируется не через параметр сложности, что предполагает возможность освоения при приложении усилий, а через параметр доступности. Данный факт указывает на восприятие языка как утраченного знания, требующего не столько изучения, сколько возвращения в коммуникативное пространство сообщества.

По данным анкетирования, 52,2% участников выразили желание использовать язык в повседневной жизни. Ассоциативный материал не содержит реакций, связанных с коммуникативным использованием языка. Представлены констатации текущего состояния («не используем», «люди не разговаривают»). При стремлении использовать этнический язык он осмысливается, главным образом, как культурный символ, маркер этнической идентичности. Коммуникативная функция пока находится на периферии языкового сознания, что закономерно для ситуации языкового сдвига, когда СМ языка только начинает формироваться.

Таким образом, анализ языкового сознания сюльдюкарских эвенков выявляет устойчивую систему установок по отношению к эвенкийскому языку: 1) язык концептуализируется как утраченное наследие предков; 2) утрата переживается как дефицит идентичности; 3) культура выполняет компенсаторную функцию; 3) возрождение языка воспринимается как моральный долг. В настоящее время язык присутствует в локальном сообществе символически, через отдельные культурные маркеры. Определение языка строится не через личное владение (язык как средство коммуникации говорящего), а строится через родовую принадлежность (эвенкийский язык — язык эвенков, которым я являюсь). Подобная концептуализация наделяет язык статусом родного независимо от уровня владения. Коммуникативный критерий замещается генеалогическим.

Доминирование «культурной» группы реакций показывает, что язык воспринимается через призму культуры: он устойчиво связывается с песнями, танцами, праздниками, традициями, охотой и оленеводством. Культура выполняет функцию замещения утраченной языковой компетенции, при невозможности коммуникации на языке сообщество актуализирует культурные практики, что позволяет поддерживать этническую идентичность через альтернативные символические ресурсы.

Утрата языка получает эксплицитное выражение в реакциях: язык характеризуется как исчезающий, забывающийся, фиксируется отсутствие коммуникативной практики (люди не разговаривают), а также отмечается разрыв в языковой трансмиссии (никто не учил). Подобные реакции свидетельствуют об осознании языкового сдвига, при этом утрата воспринимается как коллективный процесс, не связанный с индивидуальным выбором отдельных носителей.

Модальности долженствования представлены широко. Встречаются формулировки с императивной семантикой (должны изучать, нужно возродить, надо развивать). Язык концептуализируется как объект коллективной обязанности. Особое значение имеет формула, связывающая язык с сохранением этничности, эксплицирующая восприятие языка как условия существования этнической группы. При этом императивы выражены преимущественно в коллективных формах, тогда как формы, выражающие личную инициативу или действие, практически не представлены. Складывается ситуация признания необходимости коллективных действий при отсутствии индивидуальной агентности. Ответственность распределяется на уровне локального сообщества, сельских институтов, создавая потенциал для коллективных форм языковой ревитализации.

Эвенкийские реакции в ассоциативном поле функционируют как символические маркеры: названия учреждений, надписи на вывесках, песенная лексика, ритуальные формулы. Таким образом, эвенкийский язык чаще концептуализируется через визуальные и культурные формы. Подобная концептуализация отражает символический статус языка, маркирующего «эвенкийскость» территории и сообщества. Языковое сознание, в свою очередь,

фиксирует семиотическую среду, поддерживающую этническую идентичность при ограниченной коммуникативной функции языка.

3.5. Эвенкийский язык в представлениях детского населения с. Сюльдюкар: экспликация методом свободной дефиниции

Анализ языкового сознания представителей взрослого населения с. Сюльдюкар, проведенный в предыдущем параграфе, выявил паттерны их восприятия эвенкийского языка. Для понимания перспектив межпоколенческой трансляции выявленных установок необходимо обратиться к нарративам подрастающего поколения. Кроме того, внимание к детям-школьникам, как к социальному объекту, обусловлено спецификой условий, в которых формируется их языковое сознание. Так, формирование языковых установок современных школьников происходит в ситуации визуализации эвенкийского языка в публичном пространстве сельского поселения⁴⁴.

Данная особенность определила выбор методики исследования. Среди учащихся 5-11 классов средней школы с. Сюльдюкар (N=16) был проведен психолингвистический эксперимент. Респондентам предлагалось написать короткое эссе на русском языке⁴⁵, продолжив фразу «Эвенкийский язык – это...».

Выборка охватила все возрастные группы средней и старшей школы. Гендерное распределение составило 10 мальчиков и 6 девочек. Все респонденты относятся к эвенкам, двое указали смешанное эвенкийско-якутское происхождение. Методика субъективной дефиниции в форме свободного продолжения фразы позволяет выявить спонтанные когнитивные структуры, через которые организуется восприятие языка. В отличие от структурированного опроса взрослых

⁴⁴ За последние годы присутствие языка усилилось в культурных мероприятиях, образовательных практиках, обрядовой сфере. При этом дети оказываются включены в данную среду целенаправленно, через систему организованных институциональных практик. Образовательные программы по эвенкийскому языку реализуются в начальной школе. Участие в фольклорном ансамбле «Дылачакан» при сельском Доме культуры «Биракан», школьном театральном кружке «Осиктакан» создает пространство регулярного взаимодействия с этническим языком через пение, танцы, обрядовые практики.

⁴⁵ Русский язык использовался как язык письменной рефлексии, поскольку является основным языком обучения, несмотря на то, что в устной коммуникации респонденты преимущественно используют якутский.

(§ 3.3), где использовался набор закрытых вопросов, школьникам была предоставлены неограниченные возможности в изложении собственного видения.

Первичный лингвистический анализ текстов выявил устойчивую повторяемость определенных синтаксических конструкций и лексических единиц. Наиболее частотной оказалась номинативная конструкция с именной частью составного именного сказуемого «мой родной язык» или ее варианты (использована в 11 из 16 работ, 68,75%). Для сравнения, по итогам анкетирования взрослого населения готовность признавать эвенкийский язык как родной составила 24,4% опрошенного массива (см. § 3.3.). Таким образом, у школьников фиксируется высокий уровень идентификации с этническим языком через категорию «родной». Реже встречаются распространенные определительные конструкции с темпоральным или посессивным измерением («язык, на котором разговаривали мои предки», «язык моих предков», «язык моего народа»), которые смещают акцент с личной принадлежности на историческую память или коллективную связь.

Особенностью детских нарративов выступает регулярное использование глаголов со значением процессуальности и незавершенности действия («учу», «стараюсь», «хочу научиться», «буду учить»), выраженные формами несовершенного вида и будущего времени, отражающие восприятие языка как цели, требующей постоянных усилий для достижения.

Модальность высказываний варьируется в зависимости от возраста детей, что позволяет проследить динамику изменения языковых установок. Младшие школьники используют индикатив («мы поем на эвенкийском языке», «мы танцуем»), описывая реальные практики взаимодействия с этническим языком. В средней возрастной группе наблюдается сдвиг в сторону ирреальной модальности («я бы возможно хотела использовать его в повседневной жизни», «если бы я учил эвенкийский язык, то я бы знал все традиции», «если бы я им владел – то был бы еще развит»). Условное наклонение и сослагательное значение маркируют осознание разрыва между желаемым и действительным, который становится предметом рефлексии в подростковом возрасте. У старшеклассников доминирует модальность долженствования («все эвенки должны знать родной язык», «дети

тоже должны знать эвенкийский язык», «каждый человек должен знать язык своего народа»), что характерно и для взрослого населения (см. § 3.4.).

Лексический состав текстов характеризуется высокой степенью повторяемости ключевых единиц. Был проведен частотный анализ наиболее употребительных знаменательных слов (исключая служебные части речи и личные местоимения). Предсказуемо лидируют лексема «язык» (122 употребления) и «эвенкийский» (60 употреблений), что обусловлено заданностью темы. Показательна третья позиция «родной» (17 употреблений), подтверждающая выявленную ранее высокую частотность конструкции «мой родной язык». Далее по убыванию частотности располагаются «народ» (12), «учить» (8), «разговаривать» (8), «культура» (6), «петь» (6), «школа» (6), «предки» (5), «изучать» (5), «знать» (5), «танцуем» (4). Данные лексические доминанты формируют семантические поля, через которые концептуализируется эвенкийский язык.

Сравнение нарративов школьников с результатами анализа языкового сознания взрослого населения (см. § 3.4) выявляет высокую степень преемственности в восприятии эвенкийского языка. Базовые семантические поля остаются общими для обеих групп. Язык чаще ассоциируется с культурой народа и генеалогической тематикой (предки, родители, семья), однако их содержательное наполнение имеет возрастную специфику.

Школьники более эксплицитно связывают язык с конкретными культурными практиками – пением, танцами, обрядами. Это отражает их реальный опыт взаимодействия с языком через систему дополнительного образования, прежде всего через участие в школьном театральном кружке, фольклорном ансамбле при Доме культуры «Биракан» и праздновании Бакалдына. Взрослые же чаще оперируют обобщенными категориями «культура», «традиции», «обычаи».

Ключевым различием становится доминирование в детских текстах категории «обучение». Для школьников язык существует в первую очередь как объект организованного изучения, они пишут об уроках эвенкийского языка. Данная категория минимально представлена в ассоциациях взрослых, для которых опыт формального изучения языка не актуализирован. Связанной с образовательным

контекстом оказывается специфическая для школьников категория – «сложность». Каждый второй ребенок эксплицитно характеризует эвенкийский язык через прилагательные «сложный», «трудный», «непростой». В ассоциациях взрослых подобные оценки полностью отсутствуют. Появление категории сложности объясняется реальным опытом попыток освоения языка в школе. При этом сложность не интерпретируется как непреодолимое препятствие; она становится дополнительным аргументом для необходимости постоянных усилий. Ученица 5 класса формулирует эту логику следующим образом: «эвенкийский язык немного сложный, поэтому постоянно надо учить и читать на эвенкийском». Каузальная связь выстраивается не через отрицание, а через утверждение необходимости усилий. Подобного рода логика соответствует общей тенденции позитивного восприятия языка, зафиксированной в предыдущих параграфах.

Гендерный анализ текстов не выявил существенных различий в базовых установках по отношению к эвенкийскому языку. Однако девочки заметно чаще упоминают конкретные культурные практики, связанные с участием в ансамбле, исполнением песен и танцев, деталями обрядов (в 5 из 6 текстов, 83%). Выявленная закономерность обусловлена спецификой их участия в творческих коллективах Дома культуры. Так, девочки преимущественно занимаются в ансамбле «Аинчаан»⁴⁶. Репертуар ансамбля почти полностью состоит из произведений на эвенкийском языке, что создает регулярный опыт взаимодействия с языком в форме пения и танцев. У мальчиков языковая среда творческих занятий организована иначе. Они преимущественно занимаются в вокальной группе «Күрүлгэн» (*якут. күрүлгэн – водопад*), где репертуар строится в основном на якутских песнях. При том, что эвенкийские произведения присутствуют, их доля значительно меньше, чем в репертуаре «Аинчаан». Эта диспропорция непосредственно влияет на частоту упоминаний конкретных практик использования эвенкийского языка в текстах мальчиков. Таким образом, гендерная специфика восприятия языка оказывается не

⁴⁶ Со слов художественного руководителя ансамбля И.А. Неустроева, название образовано от эвенкийского слова *ая* (хороший, славный, добрый) с добавлением уменьшительно-ласкательного аффикса *-чан*.

столько результатом различий в установках, сколько следствием неодинаковой интенсивности практического взаимодействия с языком через культурные формы.

Концептуальная метафора, понимаемая как базовый механизм организации мышления, позволяет выявить глубинные когнитивные структуры восприятия языка. Анализ детских нарративов обнаруживает несколько устойчивых метафорических моделей, через которые осмысливается эвенкийский язык.

Метафора родства. Наиболее распространенной становится концептуализация языка через семантику родства и семейных отношений. Модель «язык – родство» реализуется в формулировках «язык моих предков», «язык, на котором разговаривали мои предки». Генитивная конструкция эксплицирует отношения принадлежности и наследования. Развернутое выражение метафора находит в тексте ученика 8 класса, излагающего: «эвенкийский язык для меня значит, как семья или друзья». В следующем предложении модель усиливается через отрицательное сравнение («эвенкийский язык нельзя заменить в наших сердцах даже алмазами и золотом»), вводящее противопоставление неотчуждаемой принадлежности (семья, язык) и отчуждаемых материальных объектов (алмазы, золото). Пространственная метафора локализации («в наших сердцах») маркирует язык как внутренний, интимный объект, который не подлежит обмену или замене.

Метафора народа. Вторая значимая модель основана на отношениях идентификации «язык – народ», воплощающихся в таких конструкциях, как «эвенкийский язык – это язык моего народа», «это язык моей национальности». Восьмиклассник формулирует эту связь следующим образом: «Я родился эвенком и говорю на русском, однако я в душе эвенк и я это не забываю, потому что этот язык для меня важен, как моя семья». Здесь фиксируется разрыв между языковой практикой и этнической идентичностью, который разрешается через СМ эвенкийского языка. Пространственная метафора «в душе» указывает на уровень глубинной идентичности, независимой от внешних коммуникативных практик. Кроме того, школьные нарративы демонстрируют более рефлексивное отношение к противоречию между символической и коммуникативной мощностью. Ученик 11 класса пишет, что ему «стыдно за то, что я не знаю свой родной язык, т.к. каждый

человек должен знать язык своего народа». Эмотивная лексема «стыдно» свидетельствует об интернализации нормативного представления о связи этнической принадлежности и языковой компетенции. Отсутствие последней воспринимается как нарушение идеального тождества, требующее компенсации.

Метафора достояния. Третья модель репрезентирует язык через категории обладания и ценности «язык – достояние». Лексическая объективация данной модели обнаруживается в оценочных конструкциях с семантикой высокой ценности («самым близким, единственным и драгоценным»), а также в рассмотренном выше сравнении с материальными ценностями («алмазами и золотом»). Ученица 9 класса характеризует эвенкийский язык как нечто, что «считается самым близким, единственным и драгоценным». Прилагательное «драгоценный» актуализирует одновременно семантику высокой ценности и редкости, а определение «единственный» усиливает представление об уникальности и незаменимости языка. Совокупность этих характеристик формирует восприятие эвенкийского языка как особого достояния, обладающего исключительной ценностью, не поддающейся материальному эквиваленту.

Метафора пути/процесса. Четвертая модель основывается на репрезентации отношений с языком через категории движения и достижения цели «изучение языка – путь». Грамматическим выражением модели служат глаголы процессуальности и целенаправленного действия («учить», «изучать», «стараюсь», «хочу научиться»), рассмотренные в начале анализа. Ученик 10 класса эксплицирует целеполагающий характер отношений с языком: «Я очень хочу учить свой родной язык. Это мое желание», представляя язык как объект стремления, требующий будущих усилий для достижения. Ученица 5 класса развивает указанную модель через императивную конструкцию «учите эвенкийский язык и не забывайте свой родной язык», выстраивая антонимическую пару «учите/не забывайте», которая разграничивает два типа действий по отношению к языку: активное приобретение (учить) и пассивное сохранение (не забывать). Данная метафора отражает институциональный контекст формирования языкового сознания, в котором язык существует в основном как объект целенаправленных образовательных усилий.

Метафора организма/живого существа. Пятая модель выстраивается вокруг концептуализации языка через категории жизни и смерти – «язык – живое существо». Маркерами данной модели служат формулировки об «исчезновении языка», необходимости его «сохранения». Ученик 7 класса описывает критическую ситуацию: «языком владеет совсем мало процентов эвенков». Десятиклассник выстраивает более сложную каузальную цепочку: «Если мы забудем предков и эвенкийский язык, то не будет языка и народа». В данной формулировке устанавливается прямая связь между забыванием и исчезновением. Язык предстает как живое существо, чье существование зависит от памяти носителей. Значимо, что в детских нарративах присутствует рефлексия над механизмами утраты языка. Ученик 9 класса повествует о затоплении с. Туой-Хайа как трагический момент, после которого язык «стал очень стремительно забываться». Показательна грамматическая форма возвратного глагола «забываться», который представляет процесс как происходящий с самим языком, а не с его носителями. Подобная конструкция воплощает восприятие языка как самостоятельного субъекта, подверженного внешним воздействиям.

Метафора культурного артефакта. Шестая модель репрезентирует язык посредством категорий культурных практик и традиций «язык – культурный артефакт». Реализация данной модели происходит через перечисления культурных элементов, с которыми ассоциируется язык («обряды, праздники, традиции, обычаи»). Ученица 6 класса определяет значение эвенкийского языка как «культуру моего народа, обряды, праздники, и то, что касается моего народа». Специфика детских текстов заключается в конкретизации культурных практик через описание реальных праздников и мероприятий, в которых они участвуют. Несколько школьников описывают праздник Бакалдын, который проводится в мае и интерпретируется ими как «прощание с зимой».

Для анализа эмпирического материала был также применен фреймовый анализ. Фрейм, понимаемый как структура знаний о типичной ситуации, позволяет реконструировать когнитивные модели, через которые школьники осмысливают ЯС. Анализ детских текстов обнаруживает несколько устойчивых фреймов.

Фрейм образовательной ситуации. Доминирующим в школьных нарративах становится фрейм, организованный вокруг образовательных практик. Его базовая структура включает следующие компоненты: субъект обучения (я, мы), объект обучения (эвенкийский язык), процесс (учить, изучать, читать, писать), место (школа, класс, урок), результат (знание, владение). Данный фрейм активируется в 15 из 16 текстов (93,75%). Ученица 5 класса актуализирует его базовые элементы: «Мы на нем читаем, пишем, поем, учим стихи». Перечисление глаголов репрезентирует спектр учебной активности. Девятиклассница предлагает более детальную конкретизацию: «Мы на эвенкийском читаем, пишем, танцуем, поем. У нас много традиций и обычаев». Здесь образовательные практики (читаем, пишем) интегрируются с культурными (танцуем, поем), что свидетельствует о культурно-ориентированной модели преподавания этнического языка. Существенным элементом указанного фрейма выступает темпоральное измерение. Несколько школьников эксплицитно фиксируют разрыв между начальной школой, где эвенкийский язык преподавался, и средним звеном, где подобные уроки отсутствуют. Пятиклассница констатирует: «В средних и старших классах его нет». Ученица 11 класса развивает это наблюдение: «В начальной школе мы учили эвенкийский язык. Когда перешли в среднюю школу эвенкийского языка не было, поэтому уже забыли наш родной язык». Конструкция с причинно-следственным союзом «поэтому забыли» эксплицирует каузальную связь между отсутствием институциональной поддержки и утратой знаний, что обусловлено осознанием школьников зависимости языкового воспроизводства от образовательных институтов.

Данные школьных нарративов коррелируют с результатами опроса взрослого населения относительно предпочтительных моделей образования (§ 3.3, табл. 14). Напомним, что 77,8% респондентов высказались за изучение эвенкийского языка как обязательного предмета. Детские тексты обнаруживают рефлекссию над необходимостью указанной институционализации. Ученик 9 класса излагает подобную позицию следующим образом: «С начальных классов до 8 класса можно миновать исчезновение языка. Я считаю, что эвенкийский язык нужно учить, чтобы

избежать исчезновения языка». Здесь эксплицитно артикулируется связь между школьным образованием и сохранением языка.

Фрейм культурного мероприятия. Второй устойчивый фрейм выстроен вокруг культурных практик. Его структура включает: событие (праздник, обряд), участники (мы, группа «Аинчаан»), действия (петь, танцевать), язык действия (эвенкийский), время (май, Бакалдын). Данный фрейм активируется в 12 текстах (75%). Ученица 6 класса репрезентирует полную структуру фрейма: «У нас есть эвенкийские праздники, и я их обожаю. Мне нравится наш обряд Бакалдын. Он проходит в мае, как я понимаю, прощание с зимой. Мы с нашей группой «Аинчаан» танцуем и поем на этом празднике». В данном фрагменте реализуются все элементы фрейма, сопровождаемые эксплицитной эмоциональной оценкой («обожаю», «нравится»). Специфика данного фрейма состоит в том, что он описывает контекст реального использования эвенкийского языка детьми. В отличие от образовательного фрейма, где язык выступает объектом изучения, здесь он функционирует как инструмент культурного действия. Вместе с тем, подобное использование сохраняет ритуализированный характер и не предполагает развития коммуникативной компетенции в полном объеме. Пятиклассница фиксирует это противоречие: «В ансамбле поем на эвенкийском языке и танцуем. Я не очень знаю эвенкийский язык, однако все равно могу немного разговаривать». Синтаксическая конструкция с противительным союзом «не очень знаю, однако могу разговаривать» объективирует возможность фрагментарного использования языка без полного владения им.

Фрейм семейной коммуникации. Третий фрейм связан с семейным контекстом. Его структура включает: участники (родители, родственники), язык общения (якутский, русский), отсутствующий язык (эвенкийский). Специфика данного фрейма состоит в том, что он активируется через отрицательные конструкции, фиксирующие отсутствие эвенкийского языка в семейной коммуникации. Ученик 8 класса пишет: «Я разговариваю на якутском языке, все мои родственники тоже». Ученица 11 класса излагает это более определенно: «Якутский язык – это мой родной язык, которому учили меня с рождения». Конструкция «которому учили

меня с рождения» маркирует якутский как язык естественной социализации в семье, в отличие от эвенкийского языка, который осваивается только через институциональные каналы. Эта же девочка в конце обобщает ситуацию в масштабе локального сообщества: «В Сьюльдюкаре жители по национальности эвенки, однако все говорят на якутском языке». Формулировка фиксирует базовое противоречие ЯС села, воспринимаемое школьниками как объективная реальность.

Фрейм исторической памяти. Четвертый фрейм организован вокруг темпоральной связи с предками. Его структура включает: предки как носители языка (прошлое), современные эвенки как наследники (настоящее), необходимость сохранения связи (императив). Фрейм активируется в 7 текстах (43,75%). Ученик 8 класса репрезентирует его базовую структуру: «Эвенкийский язык – это язык, на котором разговаривали мои предки. Этот язык для меня важен, как и моя национальность. Я буду учить эвенкийский язык, чтобы не забыть». Финальная целевая конструкция «чтобы не забыть» маркирует мотивацию изучения языка через категорию памяти, а не коммуникации. Десятиклассник дополнительно разворачивает фрейм через введение каузальной связи: «Для меня эвенкийский язык – это знание эвенкийского языка, чтобы не забывали предков. Если мы забудем предков и эвенкийский язык, то не будет языка и народа». Условная конструкция устанавливает цепочку зависимостей (утрата языка → забывание предков → исчезновение народа) и свидетельствует о понимании языка как механизма культурной преемственности и сохранения коллективной идентичности.

Фрейм языкового сдвига. Пятый фрейм фиксирует динамический процесс вытеснения эвенкийского языка якутским. Его структура включает: эвенкийский как исходный язык (прошлое), якутский как доминирующий язык (настоящее), траектория вытеснения (процесс). Данный фрейм эксплицитно объективируется в нескольких текстах старшеклассников. Ученик 9 класса пишет: «Уже десятки лет якутский язык вытеснил эвенкийский, и теперь мало кто знает этот язык». Глагол «вытеснил» в форме совершенного вида маркирует процесс как завершённый, а наречие «теперь» указывает на результативное состояние в настоящем. Этот же

мальчик называет конкретное историческое событие как механизм языкового сдвига: «Большим ударом для эвенкийского языка стало затопление села Туой-Хайа. Из-за этого его жители переселились по всему Мирнинскому району. И язык стал очень стремительно забываться». Здесь устанавливается каузальная цепь: затопление → переселение → дисперсия носителей → забывание языка. Метафора «большим ударом» маркирует событие как критическое для судьбы языка, а наречие «стремительно» акцентирует скорость процесса.

Следует отметить, что данная каузальная связь отражает субъективное восприятие школьника и не соответствует исторической хронологии. Как показывают материалы предыдущих параграфов, переход сюльдюкарских эвенков на якутский язык в качестве основного средства коммуникации завершился значительно раньше затопления с. Туой-Хайа (1960-е гг.). Однако сам факт выстраивания подобной объяснительной модели демонстрирует стремление ребенка найти рациональное объяснение наблюдаемой ЯС через конкретное историческое событие, а не через имплицитные социолингвистические процессы. Данное обстоятельство указывает на формирование у подростков каузального мышления о языковой динамике, пусть и основанного на субъективных интерпретациях, не всегда соответствующих точным историческим фактам.

Сопоставительный анализ детских текстов разных возрастных групп выявляет динамику когнитивных моделей восприятия языка. Младшие школьники (5-6 класс) характеризуются конкретным, опытно ориентированным восприятием. Их тексты короткие (в среднем 3-4 предложения), фокусируются на описании непосредственных практик взаимодействия с этническим языком. Средняя возрастная группа (7-8 класс) демонстрирует появление рефлексивного измерения: тексты становятся длиннее, в них появляются метакогнитивные элементы (осознание собственного знания и незнания). Старшеклассники (9-11 класс) переходят к аналитическому восприятию ЯС: их тексты самые длинные и структурированные; для них типично присутствие каузальных объяснений, исторических отсылок, социолингвистических обобщений. Ученик 11 класса

формулирует программу своих действий: «Я в дальнейшем хочу продвигать и реализовать наш родной язык, чтобы наши дети знали свой язык». Глаголы «продвигать» и «реализовать» отражают понимание необходимости целенаправленных институциональных действий для сохранения языка.

Сопоставление качественных данных из школьных эссе с количественными результатами опроса взрослого населения (см. § 3.3) выявляет значительную степень согласованности в сформированности СМ эвенкийского языка. Так, 92,2% опрошенных людей выразили свою готовность изучать эвенкийский язык. В детских текстах данная готовность объективируется посредством глаголов будущего времени и модальности желания («хочу научиться», «буду учить», «хочу знать»), которые присутствуют в 15 из 16 текстов. По итогам опроса 37,8% взрослых респондентов признали наличие перспектив развития эвенкийского языка (см. табл. 11). Нарративы детей также демонстрируют подобную амбивалентную картину. Наряду с оптимистичными формулировками о развитии языка («когда-то в будущем эвенкийский язык станет важным на этой земле») в текстах фиксируется и скептицизм («не вижу будущего у эвенкийского языка, если только следующее поколение будет усердно учить язык»).

Данные о предпочтениях в моделях образования (77,8% поддержали изучение эвенкийского как обязательного предмета, см. табл. 14) также согласуются с содержанием детских текстов. Они включают многочисленные упоминания об изучении языка в школе, сожаления об отсутствии уроков в средних и старших классах, предложения ввести язык в программу обучения с 1 по 8 класс. Ученик 9 класса излагает это следующим образом: «Если в школах будут изучать язык, то об исчезновении эвенков можно временно забыть, так как молодое поколение сможет говорить на эвенкийском языке». Данная формулировка демонстрирует понимание школы как ключевого института языкового воспроизводства в ситуации, когда семья не обеспечивает естественную передачу языка.

Отдельного внимания заслуживает способ репрезентации якутского языка в текстах детей с. Сьюльдюкар. Он не подвергается критике или противопоставлению эвенкийскому языку, а репрезентируется нейтрально, как объективная данность

языковой среды родного села. Ученица 11 класса пишет: «Якутский язык – это мой родной язык, которому учили меня с рождения. Якутский язык один из сложных языков. Якутский язык значит для меня все». Здесь якутский язык характеризуется теми же атрибутами, что и эвенкийский в других текстах (родной, сложный, значит все). Ученик 8 класса описывает ситуацию следующим образом: «Я разговариваю на якутском языке, все мои родственники тоже. Я хорошо знаю обряды, обычаи, традиции моего народа». В данном понимании использование якутского языка в семье не интерпретируется как препятствие для сохранения эвенкийской идентичности. Культурные практики (обряды, обычаи, традиции) выступают альтернативным механизмом поддержания этнической принадлежности.

Анализ эмоционально-оценочной лексики в детских текстах выявляет преобладание позитивных коннотаций при описании эвенкийского языка. Используются прилагательные «красивый» (3), «драгоценный» (1), «близкий» (1), «единственный» (1). Глаголы эмоционального отношения репрезентированы лексемами «люблю» (2), «уважаю» (2), «обожаю» (1), «нравится» (1), «горжусь» (1). При этом позитивная тональность сочетается с реалистичной оценкой сложности эвенкийского языка и трудности его освоения. Прилагательные «сложный» (5), «трудный» (1), «непростой» (1) используются без негативной коннотации и маркируют объективную характеристику, требующую усилий для преодоления. Ученица 5 класса пишет: «Эвенкийский язык немного сложный, поэтому постоянно надо учить». Наречие «немного» смягчает категоричность оценки, а союз «поэтому» устанавливает позитивную каузальную связь (сложный → надо учить, а не сложный → невозможно выучить).

Таким образом, анализ школьных эссе выявляет паттерны восприятия эвенкийского языка через систему концептуальных метафор (родство, тождество, достояние, путь, живое существо, культурный артефакт) и когнитивных фреймов (образовательная ситуация, культурное мероприятие, семейная коммуникация, историческая память, языковой сдвиг). Данные когнитивные структуры демонстрируют высокую степень преемственности с восприятием взрослого

населения с. Сюльдюкар при наличии специфических особенностей, связанных с институциональным контекстом формирования детского языкового сознания. Возрастная динамика отражает эволюцию от конкретного опытно-ориентированного восприятия к рефлексивному и аналитическому пониманию ЯС. Корреляция с количественными данными социалингвистического опроса взрослых верифицирует основной тезис о СМ эвенкийского языка, функционирующего как маркер групповой идентичности независимо от степени владения им.

Значимым представляется то, что зафиксированное в детских текстах позитивное отношение к эвенкийскому языку имеет под собой реальное содержание: оно сопровождается эмоциональной вовлеченностью (присутствие аффективной лексики), когнитивной рефлексией (понимание механизмов языкового сдвига и путей ревитализации) и практической готовностью к действию (изложение конкретных образовательных инициатив). Сформированность у детей устойчивых когнитивных структур, связывающих эвенкийский язык с этнической идентичностью, культурной памятью и коллективным будущим, создает прочную мотивационную базу для успешной реализации программ языковой ревитализации при условии соответствующей институциональной поддержки.

Выводы по Главе 3

Эмпирический анализ подтвердил центральный тезис исследования о формировании символической мощности эвенкийского языка в условиях заверщенного или продолжающегося языкового сдвига. Феномен символической мощности получает количественное выражение через разрыв между заявляемым владением языком и его реальным использованием. Данные ВПН-2020 фиксируют рост доли эвенков Якутии, называющих эвенкийский язык родным (с 6,4% в 2010 г. до 15% в 2020 г.), при минимальном реальном использовании. В якутоязычных районах республики из 800 чел., заявивших о владении языком, только 187 указали на его применение в повседневной жизни, причем под использованием понимаются преимущественно участие в культурных мероприятиях, прослушивание песен, исполнение фольклорных текстов и т.д.

Установлена выраженная региональная вариативность символической мощности языка, детерминированная комплексом факторов. Обретение национального статуса района и наслег генерирует рост символической значимости языка через активизацию культурных мероприятий, расширение образовательных программ и формирование визуальной среды. Жиганский национальный эвенкийский район демонстрирует наиболее выраженную динамику: 536 чел. заявили о владении эвенкийским языком при том, что его использование отметили лишь 19 чел. Анабарский долгано-эвенкийский район показывает противоположную траекторию: двойственность национального статуса создает ситуацию размывания институциональных приоритетов и низкой символической мощности эвенкийского языка. Лишь 4 чел. из 1074 эвенков заявили о владении языком.

Сообщества Южной Якутии, находящиеся в переходной стадии языкового сдвига, демонстрируют максимальный прирост показателей владения именно там, где фактическая компетенция утрачена в наибольшей степени, что подтверждает закономерность обратной зависимости между коммуникативной и символической мощностью языка.

Этническая идентичность выступает ключевым фактором формирования позитивных языковых установок, при этом ее влияние варьируется в зависимости от стадии языкового сдвига и возрастной когорты. В Северо-Западной Якутии среди молодежи с высокой этнической рефлексией 75,9% считают необходимым знать язык и культуру своего народа, тогда как при низкой рефлексии – лишь 41,2%. В Южной Якутии данная связь выражена слабее. Восприятие эвенкийского как родного языка напрямую зависит от уровня этнической рефлексии: в Северо-Западной Якутии среди лиц с высокой рефлексией его считают родным 48,3% молодежи и 32,6% взрослых, при низкой – 11,8% и 19% соответственно. Установлена возрастная динамика: с возрастом растет осознание значимости языка для этнической идентичности, но ослабевает восприятие его как своего родного.

Институциональные ожидания сообщества концентрируются вокруг семьи и образовательной системы как основных агентов языковой ревитализации.

Одновременно запрос на целенаправленную языковую политику отражает понимание необходимости государственного участия в создании инфраструктуры языкового возрождения.

Углубленное исследование с. Сюльдюкар конкретизирует выявленные закономерности на микроуровне и позволяет выделить специфические модусы символической мощности. Готовность к изучению языка (92,2% эвенков и 56,6% якутов) существенно превышает реальные практики (16,6% и 6,7% соответственно). Разрыв в 75,6 п.п. обусловлен отсутствием институциональных возможностей для регулярного изучения и восприятием ответственности за языковое возрождение как коллективной, а не индивидуальной. Большинство респондентов ожидает мобилизации институтов и готовы присоединиться к организованному процессу. Межэтнический консенсус относительно институционализации языка демонстрирует трансформацию эвенкийского в маркер локальной идентичности всего сообщества. Среди эвенков 77,8% выступают за обязательность изучения языка в школе для всех учащихся независимо от национальности, среди якутов данную позицию разделяют 66,7%.

Когнитивные структуры восприятия языка организованы вокруг устойчивых концептуальных метафор. Анализ ассоциаций взрослого населения выявляет доминирование генеалогической тематики («язык моих предков»), культурной группы реакций (41% реакций связывают язык с обрядами, праздниками, оленеводством) и императивных конструкций с модальностью долженствования (15% реакций), преимущественно в коллективных формах. Детские нарративы демонстрируют высокую степень преемственности базовых установок при трансформации способов концептуализации. Конструкция «мой родной язык» используется в 68,75% текстов учащихся. Специфика детского восприятия заключается в концептуализации языка через образовательный фрейм. Возрастная динамика отражает эволюцию от конкретного описания практик взаимодействия с языком у младших школьников через появление метакогнитивных элементов и ирреальной модальности в средней группе к аналитическому осмыслению причин языкового сдвига у старшеклассников.

Сопоставление количественных и качественных данных верифицирует основные закономерности. Разрыв между структурированным опросом и свободным ассоциированием указывает на различие уровней языкового сознания: осознанная готовность к изучению языка основывается на чувстве коллективной ответственности, но не на внутренней индивидуальной мотивации.

Проведенный анализ подтверждает формирование устойчивой системы позитивных установок в якутоязычных сообществах по отношению к эвенкийскому языку при отсутствии или минимальном уровне языковой компетенции. Выявленные интенции к изучению этнического языка, межэтнический консенсус относительно его институционализации, межпоколенческая преемственность установок создают мотивационную базу для потенциальных ревитализационных программ. Реализация данного потенциала детерминирована созданием устойчивой институциональной инфраструктуры языковой поддержки, способной трансформировать коллективную интенцию в индивидуальную агентность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование было посвящено символической мощности эвенкийского языка в условиях языкового сдвига у эвенков Республики Саха (Якутия) и выявлению механизмов его формирования и проявления в сообществах, где коммуникативные функции языка утрачены при сохранении устойчивой этнической идентичности.

Теоретико-методологический анализ показал продуктивность применения концепта символической мощности в изучении языковых ситуаций в условиях языкового сдвига. Отечественная социолингвистика прошла путь от преимущественно объективистской ориентации к признанию значимости субъективного измерения языковой ситуации. Концепт символической мощности, сформировавшийся в конце 2010-х гг., интегрирует разрозненные проявления субъективного отношения к языку под единой теоретической рамкой. Ключевым для настоящего исследования стало свойство символической мощности актуализироваться при снижении или полной утрате коммуникативной функции языка, что позволяет изучать ее как относительно автономный феномен в ситуациях завершенного языкового сдвига.

Методологическая стратегия, построенная на интеграции диахронического и синхронического подходов с применением триангуляции методов и привлечением разнородных источников, позволила реконструировать как исторические траектории языкового сдвига, так и современные проявления символической мощности языка в сознании носителей этнической идентичности.

Историческая реконструкция языкового сдвига продемонстрировала нелинейный характер развития этноязыковых процессов. На Северо-Западе Якутии к концу XIX века сложилась уникальная этноязыковая ситуация, когда практически все коренное население региона, независимо от официальной этнической принадлежности, использовало якутский язык как основное средство общения. Совершенно иную траекторию демонстрирует языковая ситуация в Южной Якутии. Здесь до 1960-х годов сохранялись значительные группы активных носителей эвенкийского языка, особенно среди населения, занятого

традиционными промыслами. Внутри региона диапазон языковых ситуаций был чрезвычайно широк: от практически полной якутизации алдано-майских эвенков, завершившейся к 1920-м годам, до почти стопроцентного сохранения языка у тимптонских эвенков вплоть до 1980-х годов. К началу XXI века и в южных районах произошел масштабный языковой сдвиг. Сохранились отдельные очаги относительной языковой витальности в селах Иенгра, Тяня, Хатыстыр, где эвенкийский язык продолжает функционировать в общении между представителями старшего и среднего поколений или в семьях оленеводов и охотников.

Процесс языкового сдвига у эвенков Якутии был обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов. В досоветский период ключевую роль играли демографическое доминирование якутов, превращение якутской культуры в магистральную, хозяйственная трансформация, массовые межэтнические браки, экономическая зависимость эвенков от якутов в условиях ясачной системы, превращение якутского языка в универсальное средство межэтнического общения. В советский период к этим факторам добавились мощные институциональные механизмы. Политика коллективизации и укрупнения колхозов приводила к созданию смешанных хозяйств с преобладанием якутского населения. Насильственный перевод кочевого населения на оседлость разрушал естественную языковую среду традиционных стойбищ. Система дошкольного воспитания и школы-интернаты с обучением на русском и якутском языках при полном исключении эвенкийского окончательно подрывали механизмы межпоколенческой передачи языка.

Вместе с тем, продолжающаяся языковая ассимиляция с конца XX в. сопровождалась беспрецедентным ростом этнического самосознания и этнической мобилизации эвенков. Диссонанс между утратой языковой компетенции и повышением этнической идентичности запустил компенсаторный механизм, результатом которого стало формирование символической мощности языка.

Эмпирический анализ подтвердил центральный тезис о формировании символической мощности в условиях языкового сдвига. Установлена

закономерность обратной зависимости между коммуникативной и символической мощностью: чем глубже языковой сдвиг, тем выраженной становится символическая значимость утраченного языка. Количественным выражением феномена служит разрыв между декларируемым владением языком и его реальным использованием, между признанием языка родным и наличием языковой компетенции.

Региональная вариативность символической мощности определяется факторами институционального и социального характера. Национальный статус административной единицы выступает катализатором роста символической значимости языка посредством активизации культурных практик, расширение образовательных программ и формирование визуальной языковой среды. Этническая идентичность функционирует как ключевой фактор формирования позитивных языковых установок, при этом ее влияние варьирует в зависимости от стадии языкового сдвига и возрастной когорты.

Углубленное исследование локального сообщества выявило специфические модусы символической мощности эвенкийского языка. Высокая декларируемая готовность к изучению языка при минимальных реальных практиках отражает разрыв между интенцией и действием, обусловленный отсутствием институциональной инфраструктуры. Межэтнический консенсус относительно институционализации языка в образовании указывает на трансформацию языка в маркер локальной идентичности. Перенос ответственности за языковое возрождение с личного на коллективный уровень порождает ожидание институциональных действий.

Когнитивные структуры восприятия утраченного языка сформированы вокруг устойчивых концептуальных метафор, связывающих этнический язык с генеалогией, культурным наследием и моральным долгом. Межпоколенческая преемственность базовых установок при трансформации способов концептуализации от конкретного к рефлексивному свидетельствует о воспроизводстве символической мощности в условиях отсутствия естественной языковой среды.

Исследование продемонстрировало, что языковой сдвиг не является необратимым процессом, завершающимся полным исчезновением языка из жизни сообщества. Язык продолжает существовать в новом качестве – как символический ресурс идентичности, маркер коллективной принадлежности, объект ценностных установок. Совокупность эмпирических показателей свидетельствует о высоком уровне символической мощности эвенкийского языка в якутоязычных сообществах – это свойство языка генерирует потенциал для возможной ревитализации. Однако реализация данного потенциала детерминирована созданием устойчивой институциональной инфраструктуры, способной трансформировать коллективную интенцию в индивидуальную агентность.

Концептуализация символической мощности недоминирующего языка как самостоятельного феномена обретает теоретическую целостность. Выявленные закономерности расширяют понимание роли субъективных факторов в динамике этноязыковых процессов и позволяют переосмыслить дихотомию живых и мертвых языков через признание промежуточных состояний символического существования языка. Практическая направленность исследования связана с определением мотивационной базы этнического сообщества и институциональных условий языковой ревитализации. Выявленный разрыв между декларируемой готовностью к изучению языка и реальными практиками указывает на необходимость создания образовательной инфраструктуры, подготовки педагогических кадров, разработки учебных материалов и формирования языковой среды через культурные институты как условий перевода символической мощности в плоскость реальных ревитализационных практик.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются сравнительный анализ символической мощности этнического языка в различных этноязыковых сообществах, изучение эффективности институциональных моделей языковой ревитализации в условиях заверщенного сдвига, а также анализ роли цифровых технологий в формировании и поддержании символической мощности языков коренных малочисленных народов Севера.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВОВ – Великая Отечественная война

ВПН – Всероссийская перепись населения

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГИС – геоинформационная система

ДФО – Дальневосточный федеральный округ

ЕГЭ – единый государственный экзамен

ИГИиПМНС СО РАН – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

КДУ – культурно-досуговые учреждения

КМНС – коренные малочисленные народы Севера

КЭ – коэффициент эмотивности

МКУ – муниципальное казенное учреждение

МР – муниципальный район

НИИ – научно-исследовательский институт

НОШ – начальная общеобразовательная школа

РАН – Российская академия наук

РГПУ – Российский государственный педагогический университета

РС(Я) – Республика Саха (Якутия)

РФ – Российская Федерация

СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет

СЗЯ – Северо-Западная Якутия

СМ – символическая мощность

СМИ – средства массовой информации

СОШ – средняя общеобразовательная школа

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ЮЯ – Южная Якутия

ЯАССР – Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика

ЯС – языковая ситуация

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы

1. Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера: постановление Президиума ВЦИК от 10 дек. 1930 г.
2. О национальных районах и внешних границах Якутской АССР: постановление Президиума ВЦИК от 20 мая 1931 г.
3. Об образовании в составе Якутской АССР нового Оленёкского района: постановление Президиума ВЦИК от 1 окт. 1935 г.
4. Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 17 апр. 2006 г. № 536-р.
5. Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р.
6. Конституция Республики Саха (Якутия): принята 4 апр. 1992 г.
7. О языках в Республике Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 16 окт. 1992 г. № 1170-ХІІ.
8. О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2003 г. № 59-3 № 121-ІІІ.
9. О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 20 февр. 2004 г. № 111-3 № 243-ІІІ.
10. Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 30 нояб. 2004 г. № 173-3 № 353-ІІІ.
11. О кочевых школах Республики Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 22 июля 2008 г. № 591-3 № 73-ІV.
12. О государственной поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов севера в Республике Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 10 нояб. 2011 г. № 980-3 № 857-ІV.
13. Об утверждении Концепции системы кочевых образовательных учреждений Республики Саха (Якутия): постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 22 апр. 2005 г. № 228.
14. О наделении Оленекского улуса (района) Республики Саха (Якутия) статусом «эвенкийский национальный»: постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 12 окт. 2005 г. ГС № 1292-ІІІ.

15. О наделении Жиганского улуса (района) Республики Саха (Якутия) статусом «эвенкийский национальный»: постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 26 нояб. 2008 г. ГС № 299-IV.

16. О мерах социальной поддержки в МР «Оленекский национальный эвенкийский район» в Год семьи в Российской Федерации, Год детства в Республике Саха (Якутия), Год эвенкийского языка в Оленекском национальном эвенкийском районе: распоряжение Главы Оленекского национального эвенкийского района от 26 февр. 2024 г. № 160-р.

17. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39641> (дата обращения: 20.08.2023).

18. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39644> (дата обращения: 20.08.2023).

19. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (дата обращения: 20.08.2023).

Дореволюционные труды

20. Александров, Н. А. Где на Руси какой народ живет и чем промышляет. Сибирская тайга. Тунгусы / Н. А. Александров. – Москва: Типография И. Я. Полякова, 1900. – 32 с.

21. Георги, И. Г. Тунгузы / И. Г. Георги // Описание всех в Российском Государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей: Ч. 3. Самоедские, манджурские и восточные сибирские народы. Переведено с немецкого. – Санкт-Петербург: Вольная типография Вейтбрехта и Шнора, 1777. – С. 34-55.

22. Ионов, В. М. Поездка к майским тунгусам: (отчет В. М. Ионова о поездке к майским тунгусам в качестве члена Нелькано-Аянской экспедиции инженера В. Е. Попова летом 1903 года) / В. М. Ионов. – Казань: Типо-литография Императорского университета: 1904. – 16 с.

23. Иохельсон, В. И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении / В. И. Иохельсон. – Санкт-Петербург: Типография С. Н. Худякова, 1895. – 37 с.

24. Кларк, П. Вилуйск и его округ / П. Кларк. – Иркутск: Типография штаба войск, 1861. – 165 с.

25. Маак, Р. К. Вилуйский округ Якутской области. Ч. 3 / Р. К. Маак. – Санкт-Петербург: Типография и хромофотография А. Траншеля, 1887. – 192 с.

26. Майнов, И. И. Два типа тунгусов / И. И. Майнов // Русский антропологический журнал. – 1901. – № 2. – С. 1-16.

27. Майнов, И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края / И. И. Майнов. – Иркутск: Типолитография П. И. Макушина, 1898. – XIII, 214 с.

28. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении: В 2-х частях. Ч. 2, отд. 6: Коренные жители Сибири. – Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1878. – 619-833 с.
29. Патканов, С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников: Ч. 1, вып. 2: Тунгусы собственно / С. Патканов. – Санкт-Петербург: Слово, 1906. – 283 с.
30. Серошевский, В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов, 1896. – 719 с.
31. Хитров, Д. В. Описание Жиганского улуса / Д. В. Хитров // Записки Сибирского отдела императорского русского географического общества. – 1856. – Кн. 1. – С. 53-85.
32. Чекановский, А. Л. Дневник экспедиции Александра Лаврентьевича Чекановского по рекам Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873-75 годах / А. Л. Чекановский. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 298 с.
33. Щукин, Н. С. Поездка в Якутск / Н. С. Щукин. – Санкт-Петербург: Типография Конрада Вингебера, 1833. – 240 с.

Литература

34. Абрамова, Т. С. Современное состояние преподавания языков коренных малочисленных народов севера на примере Республики Саха (Якутия) / Т. С. Абрамова, А. И. Горохова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6(85). – С. 415-417.
35. Алексеев, А. Н. Ранние кочевники в Якутии / А. Н. Алексеев // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2013. – Т. 10, № 5. – С. 62-69.
36. Алексеев, А. Н. Формирование якутского народа / А. Н. Алексеев, Р. И. Бравина // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 223-230.
37. Алексеев, Н. А. Шаманизм / Н. А. Алексеев, В. Е. Васильев // Якуты (Саха) / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – Москва: Наука, 2012. – С. 336-450.
38. Алексеева, Е. К. Тунгусоязычные этносы Якутии и сопредельных территорий: трансформации и адаптации этнических культур в условиях глобализации / Е. К. Алексеева // Культура. Духовность. Общество. – 2015. – № 21. – С. 137-141.
39. Алексеева, Е. К. Эвенки и эвены Якутии: страницы тунгусо-маньчжурской истории и культуры в процессе освоения пространства Дальнего Востока / Е. К. Алексеева, Л. И. Миссонова // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 396-443.

40. Алос-И-фонт, Э. Динамика демографии чувашского языка на основе Всероссийских переписей населения (2002-2021) / Э. Алос-И-фонт // Этническая культура. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 15-27.
41. Алпатов, В. М. 150 языков и политика, 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. – Москва: Крафт+, 2000. – 224 с.
42. Алпатов, В. М. История лингвистических учений / В. М. Алпатов. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 366 с.
43. Андреева, Т. Е. О состоянии языкового строительства коренных малочисленных народов Севера РС (Я) / Т. Е. Андреева, К. Н. Стручков // Языки коренных малочисленных народов Севера в системе этнокультурного взаимодействия: сборник научных трудов, Выпуск 1 / Отв. ред. Т. Е. Андреева. – Якутск: Издательство ИПМНС СО РАН, 2003. – С. 16-25.
44. Аношкина, Ж. Г. Банк социолингвистических данных «Языки малочисленных народов России (ЯМАЛ)» / Ж. Г. Аношкина, О. А. Казакевич // Методы социолингвистических исследований / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. – Москва: Доминант, 1995. – С. 7-26.
45. Антонов, Е. П. Национально-государственное строительство в 1920-е годы / Е. П. Антонов // История Якутии: в 3-х томах. Т. III / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021. – С. 135-144.
46. Антонов, Е. П. Образование и наука / Е. П. Антонов, В. Н. Антонова // Якуты (Саха) / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – Москва: Наука, 2012. – С. 449-456.
47. Аргунова, Т. В. Динамика этноязыковых процессов в современной социальной эволюции / Т. В. Аргунова, Р. И. Васильева // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы / Отв. ред. В. Н. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 214-239.
48. Аргунова, Т. В. Лингвистическая образовательная политика в РС(Я): языковая ситуация и функциональное соотношение языков в сфере образования / Т. В. Аргунова // Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия): актуальные проблемы / Отв. ред. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 67-87.
49. Аргунова, Т. В. Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект) / Т. В. Аргунова. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 85 с.
50. Архипов, Н. Д. Эвенкийский компонент в традиционной культуре вилуйских якутов (17-19 века) / Н. Д. Архипов. – Верхневилуйск: Алаас, 2024. – 76 с.
51. Астахова, И. С. Коренные малочисленные народы Севера в зеркале региональной прессы в 1990-е – начало 2000-х гг. (на материалах Республики Саха (Якутия)) / И. С. Астахова // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 10(78). – С. 73-76.
52. Астахова, И. С. Олекминские эвенки Якутии в системе промышленного освоения Севера в XIX-XXI веках / И. С. Астахова // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 221-237.

53. Астахова, И. С. Собирательство у садынских эвенков: традиции и современность (на материалах этнологических экспертиз) / И. С. Астахова // Этносы и флора: региональные традиции и знания как основа гармоничного природопользования: материалы научно-практической конференции / Отв. ред. А. В. Кононов, Н. С. Иванова. – Якутск: СВФУ им. М.К. Аммосова, 2023. – С. 154-158.
54. Афанасьева, Е. Ф. Эвенкийский язык в циркумбайкальском языковом союзе / Е. Ф. Афанасьева // Бурятский язык и литература в школе. – 2023. – № 1. – С. 26-32.
55. Аюпова, Л. Л. Развитие социолингвистики и психолингвистики в Республике Башкортостан: состояние и перспективы / Л. Л. Аюпова, В. Р. Галимьянова, Э. А. Салихова // Вопросы филологии. – 2012. – № 2(41). – С. 122-128.
56. Аюпова, Л. Л. Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации / Л. Л. Аюпова, Э. А. Салихова // Вестник ВЭГУ. – 2007. – № 29-30. – С. 14-23.
57. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистики и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.
58. Баишева, С. М. Этническая специфика социальной адаптации коренных малочисленных народов Севера / С. М. Баишева, А. Г. Томаска // Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / Отв. ред. К. Б. Клоков. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 198-266.
59. Башарин, Г. П. Скотоводство и земельный вопрос у тунгусов Якутии в последней трети XVIII – первой трети XIX вв. / Г. П. Башарин // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. – 1957. – Вып. 12. – С. 121-127.
60. Беликов, В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва: РГГУ, 2001. – 439 с.
61. Белолобская, Г. С. Исчезнувшие стада: утрата оленеводства в эвенкийской общине Западной Якутии в советское время / Г. С. Белолобская // Genesis: исторические исследования. – 2024. – № 12. – С. 42-52.
62. Белолобская, Г. С. Советское освоение Западной Якутии: история невидимого труда каюров Садынского наслега ЯАССР / Г. С. Белолобская // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2025. – № 3(52). – С. 22-32.
63. Белянская, М. Х. Эвенкийский праздник лета Икэнипке / М. Х. Белянская // Традиционная культура. – 2016. – № 1(61). – С. 29-40.
64. Биткеева, А. Н. Динамика развития Федерального и регионального языкового законодательства в РФ: опыт Республики Саха (Якутия) / А. Н. Биткеева, Н. И. Иванова, И. В. Ядреев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2022. – № 4(38). – С. 9-26.
65. Биткеева, А. Н. Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России / А. Н. Биткеева // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 4. – С. 38-52.
66. Биткеева, А. Н. О концепции, методологии и методах социолингвистического прогнозирования (на примере многоязычной Российской Федерации) / А. Н. Биткеева // Социолингвистика. – 2023. – № 4(16). – С. 9-34.

67. Биткеева, А. Н. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект / А. Н. Биткеева, М. Вингендер, В. Ю. Михальченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 6-23.
68. Биткеева, А. Н. Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022-2023 годов) / А. Н. Биткеева, М. А. Горячева, С. В. Кириленко // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 9. – С. 29-55.
69. Биткеева, А. Н. Языковая адаптация диаспоры: стратегии и перспективы развития / А. Н. Биткеева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2018. – Т. 14, № 3. – С. 57-81.
70. Биткеева, А. Н. Языковая ситуация в промышленных районах Республики Саха (Якутия) (на материале полевых исследований 2022-2023 гг.) / А. Н. Биткеева, И. С. Хохолова, Р. А. Данилова // Социолингвистика. – 2024. – № 4(20). – С. 41-70.
71. Боргояков, С. А. Социокультурные проблемы и образование народов Севера / С. А. Боргояков // Арктическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 26-32.
72. Боргоякова, Т. Г. Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности / Т. Г. Боргоякова, Ч. Б. Донгак // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2024. – № 2(50). – С. 75-86.
73. Боргоякова, Т. Г. Структура и содержание ассоциативного восприятия разностатусных языков (английского, русского и хакасского) / Т. Г. Боргоякова, К. А. Покоякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 9. – С. 2823-2826.
74. Боргоякова, Т. Г. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста / Т. Г. Боргоякова, А. В. Гусейнова, К. А. Покоякова. – Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2022. – 160 с.
75. Борисов, А. А. Народонаселение / А. А. Борисов // История Якутии: в 3-х томах. Т. II / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. А. А. Борисов, А. И. Макарова, А. П. Николаев. – Новосибирск: Наука, 2021. – С. 41-45.
76. Боякова, С. И. Брагатские эвенки: история, расселение, хозяйство, современный статус / С. И. Боякова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2024. – № 3(48). – С. 57-68.
77. Боякова, С. И. Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.) / С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 1995. – 128 с.
78. Боякова, С. И. Заключение / С. И. Боякова, М. М. Хатылаев // История Якутии: в 3-х томах. Т. III / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021. – С. 538-540.
79. Боякова, С. И. Культура и ландшафт пограничья: феномен оленекских эвенков / С. И. Боякова // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы всероссийской конференции. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Багашев – Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 2009. – С. 154-156.
80. Боякова, С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.) / С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2001. – 160 с.

81. Бравина, Р. И. Межэтнические контакты на Северо-Западе Якутии по материалам «воздушных» захоронений XVIII-XIX вв. / Р. И. Бравина, Н. Д. Архипов // Известия лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19, № 2(47). – С. 49-65.
82. Бравина, Р. И. Тюркский компонент в этнокультурогенезе якутов / Р. И. Бравина, А. И. Гоголев // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 165-192.
83. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы и исследования / Н. Я. Булатова. – Ленинград: Наука, 1987. – 168 с.
84. Булатова, Н. Я. Языки малочисленных народов Севера / Н. Я. Булатова, Н. Б. Вахтин, Д. М. Насилов // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков: сборник научных трудов / Отв. ред. Д. М. Насилов. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1997. – С. 6-27.
85. Булатова, Н. Я. Языковые процессы в эпоху общественных трансформаций (на материале эвенкийского языка) / Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 5-19.
86. Бурыкин, А. А. Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера: к проблеме взаимосвязи и взаимообусловленности языковых и социокультурных процессов / А. А. Бурыкин // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков: сборник научных трудов / Отв. ред. Д. М. Насилов. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1997. – С. 28-41.
87. Бурятский язык в поликультурном пространстве (социолингвоисторическое исследование) / Г. А. Дырхеева, Н. Б. Даржаева, Ц. Ц. Бальжинимаева, Д. Ц. Бороноева, Д. Б. Сундуева, Б. Б. Аюшеев, Б. Д. Шожоева. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. – 232 с.
88. Варламов, А. Н. Новая история древнего праздника / А. Н. Варламов // Бакалдын – аргиш, длиною в четверть века / Сост. А. Н. Варламов. – Москва: Спутник+, 2018. – 94 с.
89. Варламов, А. Н. Сонинги Дулин Буга: этногенез и этническая история эвенков / А. Н. Варламов. – Новосибирск: Наука, 2022. – 704 с.
90. Варламов, А. Н. Традиционные верования и обрядовый фольклор эвенков Олёкмы: современное состояние / А. Н. Варламов, Т. П. Габышева // Религиоведение. – 2012. – № 4. – С. 48-53.
91. Василевич, Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка / Г. М. Василевич. – Ленинград: Учпедгиз, 1948. – 352 с.
92. Василевич, Г. М. Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков): доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук / Г. М. Василевич. – Ленинград: Издательство АН СССР, 1968. – 67 с.
93. Василевич, Г. М. Эвенки / Г. М. Василевич, А. В. Смоляк // Народы Сибири. Этнографические очерки / Под. ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1956. – С. 701-741.

94. Василевич, Г. М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.
95. Василевич, Г. М. Эвенки: этнографическая монография. Кн. 1. / Г. М. Василевич. – Новосибирск: Наука, 2023. – 352 с.
96. Васильев, В. Н. Предварительный отчет о работах среди Алдано-Майских и Аяно-Охотских тунгусов в 1926-1928 гг. / В. Н. Васильев. – Ленинград: Издательство АН СССР, 1930. – 85 с.
97. Васильев, В. Н. Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов / В. Н. Васильев. – Новосибирск: Наука, 2024. – 688 с.
98. Васильева, Н. Д. Культура и наука в период Великой Отечественной войны / Н. Д. Васильева, М. Э. Грязнухина, Л. Н. Романова, С. А. Григорьев // История Якутии: в 3-х томах. Т. III / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021а. – С. 283-294.
99. Васильева, Н. Д. Новые грани и рубежи в развитии культуры народов Якутии / Н. Д. Васильева, Г. В. Толстых, А. А. Сулейманов, Л. Н. Романова, С. А. Григорьев // История Якутии: в 3-х томах. Т. III / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021б. – С. 517-537.
100. Васильева, О. В. Школьное обучение коренных малочисленных народов Севера: между сохранением культуры и качеством образования / О. В. Васильева, В. Е. Охлопков // Вопросы образования. – 2021. – № 4. – С. 285-310.
101. Васильева, О. В. Этническая идентичность молодежи коренных народов Севера - ценности, ресурсы, дирекции / О. В. Васильева // Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 2022. – С. 72-93.
102. Васильева, Р. И. Современные этноязыковые процессы в полиэтнических улусах Республики Саха (Якутия) (1995-2003 гг.) / Р. И. Васильева. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – с. 76.
103. Вахтин, Н. Б. Социалингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2004. – 335 с.
104. Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. – 338 с.
105. Виноградов, В. А. Социалингвистическая типология: Западная Африка / В. А. Виноградов, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовский. – Москва: Наука, 1984. – 128 с.
106. Виноградов, В. А. Языковая ситуация / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 616-617.
107. Винокурова, Л. И. Аборигенные этносы Республики Саха (Якутия) в модернизирующемся обществе / Л. И. Винокурова // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы / Отв. ред. В. Н. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 163-188.
108. Винокурова, Л. И. Север: общество, этносы, человек / Л. И. Винокурова. – Якутск: ИПМНС СО РАН, 2003. – 100 с.

109. Винокурова, У. А. Воспитание и образование детей народов Севера / У. А. Винокурова. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1997. – 102 с.
110. Винокурова, У. А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? / У. А. Винокурова // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 2. – С. 106-117.
111. Воронкин, М. С. Северо-западная группа говоров якутского языка / М. С. Воронкин. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1984. – 221 с.
112. Габдрахманова, Г. Ф. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во Всероссийской переписи населения 2020-2021 гг / Г. Ф. Габдрахманова, Э. Алос-И-фонт // Социологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 28-39.
113. Габышева, Т. П. Характеристика локальной группы олёкминских эвенков: исторический обзор и современность / Т. П. Габышева // Вопросы гуманитарных наук. – 2012. – № 3(59). – С. 38-40.
114. Габышева, Ф. В. Состояние и проблемные вопросы системы преподавания и изучения родных языков в Республике Саха (Якутия) / Ф. В. Габышева, Т. С. Абрамова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 6(109). – С. 156-158.
115. Гоголев, А. И. Этническая история народов Якутии (до начала XX в.) / А. И. Гоголев. – Якутск: Издательство ЯГУ, 2004. – 104 с.
116. Головкин, Е. В. Проблема сохранения языкового разнообразия: исчезающая прагматика / Е. В. Головкин // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции / Отв. ред. Т. Б. Радбиль. – Нижний Новгород: Деком, 2016. – С. 18-22.
117. Головнев, А. В. Антропология движения (древности Северной Азии) / А. В. Головнев. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 496 с.
118. Головнев, А. В. Ленская «магистраль»: транзит культур / А. В. Головнев // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 231-245.
119. Головнев, В. А. Эвенкийский этноблогинг: виртуальная самопрезентация и теория социальной драматургии / В. А. Головнев // Вестник антропологии. – 2024. – № 2. – С. 129-146.
120. Горячева, М. А. Динамика владения русским языком в Российской Федерации по данным переписей населения 1989-2020 годов / М. А. Горячева // Социалингвистика. – 2023. – № 1(13). – С. 30-48.
121. Горячева, М. А. Языки народов Российской Арктики в системе школьного обучения: динамика функционирования в 2000-2022 годах / М. А. Горячева // Социалингвистика. – 2022. – № 2(10). – С. 148-173.
122. Григорьев, С. А. Национально-культурные объединения Якутии в общественно-политической истории региона конца XX - начала XXI веков / С. А. Григорьев // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 297-308.

123. Григорьев, С. А. Положение коренных малочисленных народов Якутии в постперестроечный период (по материалам республиканской прессы) / С. А. Григорьев // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 2(11). – С. 59-63.
124. Григорьев, С. А. Российская политика на Севере: опыт адаптации коренных малочисленных народов Якутии в конце XX века / С. А. Григорьев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 8. – С. 38-45.
125. Гулида, В. Б. Петербургская социалингвистика: пятнадцать лет развития / В. Б. Гулида, Н. Б. Вахтин // Вопросы языкознания. – 2010. – № 2. – С. 106-119.
126. Гурвич, И. С. Культура северных якутов-оленьеводов (к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа) / И. С. Гурвич. – Москва: Наука, 1977. – 246 с.
127. Гурвич, И. С. Этническая история северо-востока Сибири / И. С. Гурвич. – Москва: Наука, 1966. – 269 с.
128. Гурвич, И. С. Этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири / И. С. Гурвич // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. – Москва: Наука, 1970. – С. 195-225.
129. Данилов, И. А. Витальность эвенкийского языка в субъектах Российской Федерации, переписное измерение / И. А. Данилов // Социалингвистика. – 2025. – № 1(21). – С. 201-222.
130. Данилов, И. А. Молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): этноязыковая идентичность и речевое поведение / И. А. Данилов, В. Б. Игнатьева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2022. – № 4(38). – С. 27-40.
131. Данилов, И. А. Символическая мощь эвенкийского языка в контексте устойчивости этнической идентичности эвенков Якутии / И. А. Данилов, Н. Е. Захарова, А. Е. Захарова // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 4. – С. 348-359.
132. Данилов, И. А. Эвенкийский язык в селе Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия): обратный языковой сдвиг? / И. А. Данилов // Социалингвистика. – 2022. – № 2(10). – С. 174-192.
133. Дегтева, Ж. Ф. Пространственная организация традиционных этнокультурных ландшафтов Якутии / Ж. Ф. Дегтева // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2019а. – № 1(36). – С. 113-132.
134. Дегтева, Ж. Ф. Этнокультурное районирование полиэтнических северных территорий (на примере Якутии) / Ж. Ф. Дегтева // Наследие и современность. – 2019б. – Т. 2, № 1. – С. 63-78.
135. Долгих, Б. О. О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в северной Сибири / Б. О. Долгих // Советская этнография. – 1952. – Вып. 1. – С. 51-59.
136. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – Москва: Издательство АН СССР, 1960. – 620 с.

137. Дырхеева, Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) / Г. А. Дырхеева. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2020. – 236 с.
138. Дырхеева, Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития / Г. А. Дырхеева. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2002. – 188 с.
139. Дырхеева, Г. А. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 1. – С. 62-74.
140. Егорова, М. В. Функции эвенкийских круговых танцев в культурной среде современной Якутии / М. В. Егорова // Культура и цивилизация. – 2022. – Т. 12, № 5-1. – С. 686-695.
141. Ерофеева, Е. В. Пермская школа социолингвистики: итоги работы и перспективы развития / Е. В. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2014. – № 2(26). – С. 160-171.
142. Захарова, А. Е. Социолингвистическая ситуация в полиэтническом регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) / А. Е. Захарова, Н. Е. Захарова // Единство и многообразие языков и культур народов России (на примере Республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан) / Отв. ред. А. В. Псянчин. – Уфа: УФИЦ РАН, 2023. – С. 196-219.
143. Захарова, А. Е. Язык как ресурс витальности коренных малочисленных народов Якутии (на материалах социологических исследований) / А. Е. Захарова, Е. Г. Маклашова // Социолингвистика. – 2025. – № 1(21). – С. 92-117.
144. Захарова, Н. Е. Исследование культурно-языкового ландшафта Анабарского улуса Республики Саха (Якутия) / Н. Е. Захарова, А. Е. Захарова // Социолингвистика. – 2022. – № 2(10). – С. 70-80.
145. Захарова, Н. Е. Экстралингвистические факторы, влияющие на функционирование эвенкийского языка (на примере эвенкийских национальных сел Олекминского района Республики Саха (Якутия)) / Н. Е. Захарова // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сборник научных статей / Отв. ред. С. М. Баишева, А. Г. Томаска. – Якутск: ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2019. – С. 169-175.
146. Захарова, Н. Е. Языковое сознание эвенков-билингвов Якутии (на материале прилагательных, обозначающих черты характера человека) / Н. Е. Захарова // Филология: научные исследования. – 2020. – № 12. – С. 126-136.
147. Зырянов, А. И. Маргинальные территории / А. И. Зырянов // Географический вестник. – 2008. – № 2(8). – С. 9-20.
148. Иванашко, Ю. П. Социолингвистическая ситуация в с. Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области / Ю. П. Иванашко, О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, Л. Н. Максимова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 13-33.

149. Иванов, В. Н. Освоение Якутии Русским государством и последствия этого процесса / В. Н. Иванов // История Якутии: в 3-х томах. Т. II / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. А. А. Борисов, А. И. Макарова, А. П. Николаев. – Новосибирск: Наука, 2021. – С. 32-36.

150. Иванова, Н. И. Билинни саха кийитэ сахалыы сана туьунан (психоллингвистика проблематын туруоруу) / Н. И. Иванова // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества: Сборник научных статей. – Якутск: Районный Отдел Народного Образования Министерства науки и профтехобразования, 2007. – С. 133-138.

151. Иванова, Н. И. Межкультурная коммуникация: социопсихоллингвистическое измерение инкультурации студентов-якутян в странах востока / Н. И. Иванова, Л. Н. Семенова // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов, Оренбург, 01–05 июля 2009 года. – Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет, 2009. – С. 224.

152. Иванова, Н. И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихоллингвистический аспект / Н. И. Иванова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 130 с.

153. Иванова, Н. И. Этноязыковая идентичность молодежи саха в контексте включенности родных (этнических) языков молодежи других субъектов РФ в образы будущего / Н. И. Иванова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2023. – № 2(40). – С. 100-113.

154. Иванова, Н. И. Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихоллингвистический аспект / Отв. ред. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 20-75.

155. Иванова, Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в начале XXI в., этносоциопсихоллингвистический аспект / Н. И. Иванова. – Новосибирск: Наука, 2022. – 284 с.

156. Игнатьева, В. Б. Исторические аспекты формирования национальной идентичности народов Севера / В. Б. Игнатьева // Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 2022а. – С. 19-48.

157. Игнатьева, В. Б. Малая родина как ресурс формирования идентичности молодого поколения северян / В. Б. Игнатьева // Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 2022б. – С. 94-115.

158. Игнатьева, В. Б. Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование) / В. Б. Игнатьева. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 144 с.

159. Игнатьева, В. Б. Предисловие / В. Б. Игнатьева // Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 2022в. – С. 5-16.

160. Игнатьева, В. Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории / В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 1999. – 142 с.

161. Игнатьева, Е. П. История Бырангатского рода: Сюрюнда. Садын. Сьюльдюкар / Е. П. Игнатьева. – Якутск: ИП Тимофеева, 2019. – 256 с.
162. Имеева-Кысылбаикова, М. И. Языковая ситуация в эвенкийском с. Иенгра: изменения в условиях языкового сдвига / М. И. Имеева-Кысылбаикова, Л. А. Игнатенко // Казанская наука. – 2023. – № 11. – С. 237-239.
163. Казакевич, О. А. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций / О. А. Казакевич, Е. М. Будянская, А. П. Евстигнеева, Ю. Б. Коряков, Д. Д. Мордашова, С. В. Покровская, К. К. Поливанов, Е. А. Ренковская, З. М. Халилова, К. О. Шейфер // Вопросы языкознания. – 2022. – № 4. – С. 7-47.
164. Каплунова, М. Я. Социолингвистические сценарии языкового развития как стимул для мониторинга языковой ситуации в Российской Федерации / М. Я. Каплунова // Социолингвистика. – 2023. – № 4(16). – С. 53-69.
165. Кондрашкина, Е. А. Динамика языковой лояльности у финно-угорских народов России / Е. А. Кондрашкина // Язык и общество в современной России и других странах: материалы Международной конференции, Москва, 21–24 июня 2010 года. – Москва: Институт языкознания РАН, 2010. – С. 185-188.
166. Коряков, Ю. Б. Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт / Ю. Б. Коряков, Т. И. Давидюк, В. С. Харитонов, А. П. Евстигнеева, А. А. Сюрюн. – Москва: Институт языкознания РАН, 2023. – 80 с.
167. Крысин, Л. П. Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы исследований / Л. П. Крысин, Е. А. Земская. – Москва: Русские словари, 1998. – 39 с.
168. Крючкова, Т. Б. Развитие отечественной социолингвистики / Т. Б. Крючкова // Социолингвистика вчера и сегодня: сборник научных трудов / Отв. ред. Н. Н. Трошина. – Москва: ИНИОН РАН, 2008. – С. 8-49.
169. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов: Т. 1. 1-я книга / Г. В. Ксенофонтов. – Якутск: Национальное издательство РС(Я), 1992. – 416 с.
170. Куликова, А. Н. Этнокультурная ситуация эвенков Беллетского наслега Алданского района Республики Якутия в современных социальных, межнациональных и экономических условиях / А. Н. Куликова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1(31). – С. 41-50.
171. Курчатова, Т. Т. Сохранение традиционных отношений народов Якутии / Т. Т. Курчатова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 39. – С. 147-152.
172. Ламажаа, Ч. К. Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 583-600.
173. Майнов, И. И. Население Якутии / И. И. Майнов // Якутия: сборник статей / Под ред. П. В. Виттенбурга. – Ленинград: Издательство АН СССР, 1927а. – С. 323-420.

174. Майнов, И. И. Население Якутии / И. И. Майнов. – Ленинград: Издательство Академии наук, 1927б. – 98 с.
175. Маклашова, Е. Г. Индивидуальные практики взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с промышленными компаниями (опыт Южной Якутии) / Е. Г. Маклашова, Ю. Г. Степанова // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 493. – С. 17-27.
176. Маклашова, Е. Г. Культурная идентичность индигенных народов: современные практики сохранения и развития / Е. Г. Маклашова // Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 2022. – С. 138-162.
177. Маклашова, Е. Г. Этнокультурные факторы и их роль в современной жизни коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (на материалах социологических исследований эвенков Южной Якутии) / Е. Г. Маклашова // Россия и АТР. – 2021. – № 4(114). – С. 42-52.
178. Мамонтова, Н. А. Кочевание на просторах Интернета: репрезентация эвенкийской культуры on-line / Н. А. Мамонтова // Сибирские исторические исследования. – 2014. – № 2. – С. 95-125.
179. Мамонтова, Н. А. На каком языке говорят настоящие эвенки? Дискуссии вокруг кочевого детского сада / Н. А. Мамонтова // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 2. – С. 70-91.
180. Мамонтова, Н. А. Язык и идентичность в научном и политическом дискурсе конца XIX – первой половины XX века / Н. А. Мамонтова // Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока: Эвенки. Эвены. Негидальцы. Уильта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Орочи. Тазы / Отв. ред. Л. И. Миссонова, А. А. Сирина. – Москва: Наука, 2022. – С. 83-97.
181. Марфусалова, А. Д. Жизнь – в развитии / А. Д. Марфусалова. – Якутск: Сайдам, 2018. – 416 с.
182. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – Москва: Аспект Пресс, 1994. – 206 с.
183. Миссонова, Л. И. Изучение северных тунгусов в академическом проекте "История Якутии" / Л. И. Миссонова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 4(55). – С. 235-247.
184. Михальченко, В. Ю. Национально-языковые проблемы в СССР и перспективы социолингвистических исследований / В. Ю. Михальченко // Русский язык. – 1991. – № 11. – С. 13-15.
185. Михальченко, В. Ю. Проблема витальности языков малочисленных народов России / В. Ю. Михальченко // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992 / Отв. ред. В. М. Солнцев. – Москва: Институт языкознания РАН, 1992. – С. 39-44.
186. Михальченко, В. Ю. Российская социальная лингвистика: прошлое, настоящее, будущее / В. Ю. Михальченко // Вопросы филологии. – 1999. – № 1(1). – С. 22-28.

187. Михальченко, В. Ю. Этапы развития отечественной социалингвистики: СССР, Россия / В. Ю. Михальченко // Социалингвистика. – 2023. – № 3(15). – С. 8-15.
188. Михальченко, В. Ю. Языковая ситуация в СССР / В. Ю. Михальченко, В. М. Солнцев // Функционирование языков в многонациональном обществе / Отв. ред. В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. – Москва: АН СССР. Институт русского языка, 1991. – С. 50-72.
189. Москвичева, С. А. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме / С. А. Москвичева, А. Вио, Р. Р. Замалетдинов // Russian Journal of Linguistics. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 687-714.
190. Москвичева, С. А. Типы языковой лояльности: на примере карельского языка в Республике Карелия / С. А. Москвичева // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция: Доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. – Москва: Тезаурус, 2014. – С. 479-485.
191. Мыреева, А. Н. Влияние русского языка на говоры эвенков Якутии / А. Н. Мыреева // Вопросы языка и фольклора народностей Севера: сборник статей / Отв. ред. Б. Н. Путилов. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1972. – С. 3-10.
192. Мыреева, А. Н. Языковая ситуация и перспективы развития языка эвенков Якутии / А. Н. Мыреева // Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы: сборник научных трудов / Отв. ред. М. М. Хатылаев. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – С. 71-74.
193. Мьяриянова, Э. Т. Деятельность политических партий в республике. Общественные движения и религиозные организации / Э. Т. Мьяриянова, Н. Д. Васильева, С. А. Григорьев // История Якутии: в 3-х томах. Т. III / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021. – С. 467-478.
194. Народы Севера России как часть циркумполярной цивилизации / В. А. Роббек, Д. И. Сыроватский, У. А. Винокурова, И. И. Винокуров, Ю. Е. Пахомов, Т. П. Родионов. – Якутск: Илкан, 1994. – 39 с.
195. Неустроева, А. Б. Основные направления развития традиционных отраслей Севера в Республике Саха (Якутия): экспертное мнение / А. Б. Неустроева, В. В. Михайлова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 1(44). – С. 91-105.
196. Никаева, Т. М. Этнические стереотипы в образе мира русских, якутов, эвенков и эвенов / Т. М. Никаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 75-81.
197. Никитина, В. Н. Уровень владения родным языком детей саха в моноэтнической среде Республики Саха / В. Н. Никитина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2025. – № 3(49). – С. 61-69.
198. Никифорова, В. С. Символические технологии освоения Севера: календарные праздники и обряды этнических сообществ Севера / В. С. Никифорова, Е. Н. Романова // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13, № 11-1. – С. 29-38.

199. Николаев, С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии / С. И. Николаев. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1964. – 204 с.
200. Никольский, Л. Б. Синхронная социолингвистика. Теория и проблемы / Л. Б. Никольский. – Москва: Наука, 1976. – 168 с.
201. Новгородов, И. Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты / И. Н. Новгородов. – Якутск: СМУК-Master, 2009. – 248 с.
202. Парникова, А. С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. / А. С. Парникова. – Якутск: Якутское книжное издательства, 1971. – 151 с.
203. Певнов, А. М. Лингвистические свидетельства истории народов Якутии / А. М. Певнов // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 273-280.
204. Петров, А. А. Институт народов Севера: изучение и преподавание родных языков и культур в контексте международного сотрудничества / А. А. Петров, С. А. Урун // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 591-604.
205. Петров, А. А. Роль научных исследований в развитии преподавания родных языков малочисленных народов севера в вузах России / А. А. Петров // Реальность этноса. Родной язык, фольклор, культура и литература коренных народов России в системе образования: проблемы и перспективы сохранения и развития: сборник статей / Отв. ред. И. Л. Набок. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 21-28.
206. Петров, Ю. Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика / Ю. Д. Петров. – Москва: Academia, 1998. – 190 с.
207. Попов, Б. Н. Семейная культура народов Северо-Востока России: традиции и инновации / Б. Н. Попов. – Новосибирск: Наука, 1993. – 262 с.
208. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
209. Роббек, В. А. Малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия) (некоторые проблемы выживания как этносов) / В. А. Роббек, А. В. Кривошапкин // Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы: сборник научных трудов / Отв. ред. М. М. Хатылаев. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – С. 3-15.
210. Роббек, В. А. Новые альтернативы в теории и практике организации образования в целях сохранения языков малочисленных народов Севера / В. А. Роббек // Образование как фактор развития языков и культур этнических меньшинств / Ред. Г. А. Бордовский, Н. В. Гороховатская, И. Л. Набок, А. А. Петров. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 48-57.
211. Роббек, В. А. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и социолингвистические проблемы языков малочисленных народов Севера / В. А. Роббек, П. А. Слепцов. – Якутск: ИПМНС СО РАН, 1999. – 59 с.
212. Романова, А. В. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков / А. В. Романова, А. Н. Мыреева, П. П. Барашков. – Ленинград: Наука, 1975. – 212 с.

213. Романова, А. В. Очерки токкинского и томмотского говоров / А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Ленинград: Наука, 1962. – 107 с.
214. Романова, А. В. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров / А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Ленинград: Наука, 1964. – 170 с.
215. Романова, Е. Н. Модус многодорожья в жизненной стратегии коренных малочисленных народов Севера Якутии / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева, Е. К. Алексеева // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 2(71). – С. 118-126.
216. Романова, Е. Н. Степная сага коневодов Арктики: от древних времен до недавних событий / Е. Н. Романова, В. Б. Игнатьева, В. М. Дьяконов // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 9-19.
217. Романова, Е. Н. Формирование этнолокальных природно-культурных ландшафтов: варианты взаимодействия / Е. Н. Романова, Н. К. Данилова, В. Б. Игнатьева // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 245-259.
218. Саввинов, А. И. Оленеводство / А. И. Саввинов // Якуты (Саха) / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – Москва: Наука, 2012. – С. 155-157.
219. Самсонова, И. В. Взаимоотношения коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний (на материалах Мирнинского района Республики Саха (Якутия)) / И. В. Самсонова, А. Б. Неустроева, М. Б. Павлова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3(13). – С. 21-33.
220. Санникова, Я. М. Массовая коллективизация и ее последствия / Я. М. Санникова // История Якутии: в 3-х томах. Т. III / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. С. И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021. – С. 186-195.
221. Семенова, С. С. Двухязычные, многоязычные - диалог народов и культур. Языковое образование в Республике Саха / С. С. Семенова // Народное образование. – 2012. – № 8(1421). – С. 64-71.
222. Сивцева, С. И. Демографические последствия Великой Отечественной войны для коренных малочисленных народов Якутии / С. И. Сивцева // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 10(102). – С. 128-134.
223. Сирина, А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение / А. А. Сирина. – Москва: Восточная литература, 2012. – 604 с.
224. Слепцов, П. А. Происхождение и развитие языка / П. А. Слепцов // Якуты (Саха) / Отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – Москва: Наука, 2012. – С. 107-122.
225. Слепцов, П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания / П. А. Слепцов. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
226. Солнцев, В. М. Введение / В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1 / Ред. Г. Д. МакКоннелл, В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. – Москва: Академия, 2000. – С. IX-XLVII.
227. Солнцев, В. М. Русский язык: проблема языкового пространства / В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко // Языки Российской Федерации и нового зарубежья:

статус и функции / Ред. В. Ю. Михальченко, Т. Б. Крючкова. – Москва: УРСС, 2000. – С. 5-18.

228. Степанов, В. В. Численность и расселение / В. В. Степанов // Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока: Эвенки. Эвены. Негидальцы. Уильта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Орочи. Тазы / Отв. ред. Л. И. Миссонова, А. А. Сирина. – Москва: Наука, 2022. – С. 23-57.

229. Степанов, Г. В. Объективные и субъективные критерии определения понятия «вариант языка» / Г. В. Степанов // Типология сходств и различий близкородственных языков / Ред. Г. В. Степанов. – Кишинев: Штиинца, 1976. – С. 8-14.

230. Степанов, Н. Н. Малые народы Якутии / Н. Н. Степанов // История Якутской АССР. Т. 2. Якутия от 1630-х годов до 1917 г. / Под ред. С. А. Токарева, З. В. Гоголева, И. С. Гурвича – Москва: Издательство АН СССР, 1957. – С. 95-110.

231. Степанов, Н. Н. Тунгусы в XVII веке в Якутии / Н. Н. Степанов // Якутия в XVII веке (очерки): сборник / Под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. – С. 182-219.

232. Степанова, Ю. Г. Молодежный активизм и социальное включение: современные практики / Ю. Г. Степанова // Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: Итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 2022. – С. 204-219.

233. Степанова, Ю. Г. Основы политики устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера: к вопросу об институционализации в Республике Саха (Якутия) / Ю. Г. Степанова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2025. – № 1(50). – С. 103-115.

234. Стернин, И. А. Методы описания семантики слова / И. А. Стернин. – Ярославль: Истоки, 2013. – 34 с.

235. Стернин, И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

236. Стручков, К. Н. Коммуникативная культура эвенков села Иенгра в современных условиях / К. Н. Стручков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 91-98.

237. Стручков, К. Н. Социолингвистические факторы языковой картины мира эвенков в РС(Я) / К. Н. Стручков // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – № 2(69). – С. 38-44.

238. Стручков, К. Н. Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы / К. Н. Стручков. – Новосибирск: Наука, 2009. – 120 с.

239. Сулейманов, А. А. Деятельность Института языка, литературы и истории по исследованию якутского языка в арктических районах Якутии в 50-60-е годы XX века / А. А. Сулейманов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2017а. – № 2(22). – С. 209-218.

240. Сулейманов, А. А. Из истории этнических процессов на территории Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия) / А. А. Сулейманов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2023. – № 2(64). – С. 32-41.
241. Сулейманов, А. А. Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 1960-х гг. / А. А. Сулейманов // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2018а. – № 3(19). – С. 261-267.
242. Сулейманов, А. А. Этническая идентичность населения Северо-Западной Якутии и научные дискуссии 50-х гг. XX в / А. А. Сулейманов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 10(72). – С. 172-175.
243. Сулейманов, А. А. Этнические процессы и этническая идентичность аборигенного населения Российской Арктики в 50-80-е годы XX века (по материалам полевых исследований в Якутии) / А. А. Сулейманов // Научный диалог. – 2017б. – № 7. – С. 162-174.
244. Сулейманов, А. А. Этнографическое изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 1960-х – 1970-х гг. / А. А. Сулейманов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018б. – № 2(44). – С. 62-70.
245. Терехина, А. Н. Кочевые школы: ограничения или возможности? / А. Н. Терехина // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 137-153.
246. Токарев, С. А. Общественный строй якутов XVII-XVIII вв. / С. А. Токарев. – Якутск: Якутское государственное издательство, 1945. – 409 с.
247. Томаска, А. Г. Трудовая миграция и интеграционный потенциал принимающего сообщества / А. Г. Томаска // Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Новосибирск: Наука, 2022. – С. 202-220.
248. Туголуков, В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. – Москва: Наука, 1985. – 284 с.
249. Туголуков, В. А. Эвенки / В. А. Туголуков // Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. – Москва: Наука, 1982. – С. 129-154.
250. Убрятова, Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / Е. И. Убрятова. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 151 с.
251. Унру, С. А. Проблемы этнической идентификации в поликультурном пространстве Арктики / С. А. Унру // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2022. – № 1(27). – С. 24-35.
252. Ушницкий, В. В. Проблемы древней истории народов Якутии. – Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, 2016. – 143 с.
253. Ушницкий, В. В. Проблемы межэтнического взаимодействия саха и эвенков / В. В. Ушницкий, С. А. Алексеева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 61. – С. 152-157.

254. Ушницкий, В. В. Формирование магистральной якутской культуры / В. В. Ушницкий // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 5. – С. 158-170.
255. Фарахутдинов, Ш. Ф. Всероссийская перепись населения 2020-2021 гг. глазами переписчика / Ш. Ф. Фарахутдинов, Н. Г. Хайруллина // Социологические исследования. – 2022. – № 11. – С. 66-73.
256. Федорова, А. С. Картографирование демографических процессов в местах проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / А. С. Федорова, А. Н. Саввинова // Успехи современного естествознания. – 2024. – № 11. – С. 85-92.
257. Федорова, С. А. Генетическая история народов Якутии / С. А. Федорова, Н. А. Барашков // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2020. – С. 280-294.
258. Филиппова, В. В. Анабарский регион Якутии в XX – в начале XXI веков: особенности этнокультурного ландшафта / В. В. Филиппова, Л. И. Винокурова, Я. М. Санникова, Н. Е. Захарова, А. Е. Захарова // Научный диалог. – 2020. – № 11. – С. 495-508.
259. Филиппова, В. В. Брагатские эвенки и промышленное освоение западной Якутии / В. В. Филиппова // Аграрная история. – 2023а. – № 15. – С. 17-29.
260. Филиппова, В. В. Взаимодействие коренных малочисленных народов: жизнестойкость и устойчивость развития отдалённых и труднодоступных территорий / В. В. Филиппова, М. В. Куклина, А. И. Труфанов, А. Н. Саввинова, Н. Е. Красноштанова, А. С. Федорова, А. П. Итегелова, Д. В. Кобылкин // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 2. – С. 263-284.
261. Филиппова, В. В. Вилуйские эвенки: пример возвращения к локальной идентичности / В. В. Филиппова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – Т. 28, № 2. – С. 20-28.
262. Филиппова, В. В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. / В. В. Филиппова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 176 с.
263. Филиппова, В. В. Локальные особенности расселения и динамика численности населения Усть-Майского улуса (района) в XX-XXI вв. / В. В. Филиппова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – № 1(38). – С. 34-50.
264. Филиппова, В. В. Пространственно-временная дифференциация населения Республики Саха (Якутия) / В. В. Филиппова, Г. А. Гнатюк // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 3(205). – С. 59-65.
265. Филиппова, В. В. Эвенки Якутии в XX-XXI веках: пространственно-временная дифференциация численности расселения / В. В. Филиппова // ИнтерКарто. ИнтерГИС. – 2023б. – Т. 29, № 2. – С. 244-255.
266. Филиппова, Н. И. Современное состояние этнокультурного и поликультурного образования коренных малочисленных народов Севера (по результатам мониторинговых исследований в высших учебных заведениях) / Н. И.

Филиппова, А. В. Иванова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 1. – С. 100-108.

267. Ханова, А. Ф. Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020) / А. Ф. Ханова, Т. А. Большина, О. В. Драгой // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – № 2(44). – С. 58-69.

268. Хилханова, Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) / Э. В. Хилханова // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. – 2020. – Т. 3, № 16. – С. 756-815.

269. Хилханова, Э. В. Субъективные данные в социолингвистике и методы их исследования в ракурсе прогнозирования / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Социолингвистика. – 2023. – № 4(16). – С. 35-52.

270. Хилханова, Э. В. Человеческий фактор в российской социолингвистике (субъективные заметки) / Э. В. Хилханова // Вопросы языкознания. – 2025. – № 4. – С. 129-156.

271. Хилханова, Э. В. Язык и этническая идентичность в зеркале переписей населения и региональных обследований: на примере бурятского языка / Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – № 4(46). – С. 112-126.

272. Хилханова, Э. В. Языковое сознание и языковые установки: социолингвистический аспект / Э. В. Хилханова // Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Отв. ред. Д. Л. Хилханов. – Москва: Восточная литература, 2016. – С. 11-51.

273. Цирульников, А. М. Социокультурный подход к развитию образования в сельских территориях / А. М. Цирульников // Педагогика сельской школы. – 2022. – № 2(12). – С. 5-32.

274. Цыбенова, Ч. С. Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва / Ч. С. Цыбенова // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 17. – С. 180-193.

275. Цыбенова, Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социолингвистический аспект / Ч. С. Цыбенова. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 170 с.

276. Цыбенова, Ч. С. Языковое сознание в контексте исследования языковой ситуации / Ч. С. Цыбенова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 56-66.

277. Челышева, И. И. Историческая социолингвистика: границы и возможности (на материале романских языков) / И. И. Челышева // Социолингвистика. – 2020. – № 4(4). – С. 8-20.

278. Шарина, С. И. Миноритарные языки в Республике Саха (Якутия): особенности современной языковой политики / С. И. Шарина // Социолингвистика. – 2022. – № 2(10). – С. 32-52.

279. Швейцер, А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики / А. Д. Швейцер // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. – Москва: Наука, 1976б. – С. 31-41.
280. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер. – Москва: Наука, 1976а. – 176 с.
281. Ярославский, Е. М. О Якутии: труды дореволюционного периода / Е. М. Ярославский. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. – 130 с.
282. Borisova, I. Z. Traditional Clothing as an Indicator of Self-Identification and a Factor of Cultural Preservation in the Context of Industrial Development of Ancestral Lands (Using the Example of the Evenki of Syuldukhar) / I. Z. Borisova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2025. – Vol. 18, No. 5. – P. 1051-1071.
283. Danilov, I. A. Ethnolinguistic Identity of the Sakha-Speaking Evenks: Results of a Study in the Zhigansk District of the Republic of Sakha (Yakutia) / I. A. Danilov // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2025. – Vol. 22, No. 2. – P. 240-250.
284. Ignatyeva, V. B. Is the Reindeer Run Endless? / V. B. Ignatyeva, E. N. Romanova, L. S. Zamorshchikova // Sibirica. – 2022. – Vol. 21, No. 3. – P. 71-96.

Справочные издания

285. 10 лет Концепции обновления и развития национальных школ Республики Саха (1991-2001). Концепция: итоги и значение / Под ред. Т. И. Петровой. – Якутск: ЯФ Издательства СО РАН, 2001. – 57 с.
286. Бюллетень Совета по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия) за 2004 год. – Якутск: Офсет, 2005. – 168 с.
287. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский диалектологический словарь / Г. М. Василевич. – Ленинград: Учпедгиз, 1934. – 314 с.
288. Габышева, Ф. В. Образование: опыт, проблемы, приоритеты: выступления и доклады / Ф. В. Габышева. – Якутск: Издательство ИРО МО РС (Я), 2004. – 120 с.
289. Габышева, Ф. В. Современные ориентиры в социальном и духовном развитии Республики Саха (Якутия): доклады, выступления, интервью и другие материалы за 2012 год / Ф. В. Габышева. – Якутск: Издательство ИРО и ПК, 2013. – 285 с.
290. Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / Сост.: М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
291. Диалектологический словарь якутского языка / Сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – Москва: Наука, 1976. – 391 с.
292. Захарова, Н. Е. Эвенкийский ассоциативный словарь. Эвенки Южной Якутии / Н. Е. Захарова. – Новосибирск: Наука, 2022. – 247 с.
293. Иванова, Н. И. Языковая ситуация и проблемы функционирования языков в Республике Саха (Якутия): аналитические, справочные материалы / Н. И. Иванова, М. Г. Дегтярева, В. Н. Петров. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. – 49 с.

294. Красная книга языков народов России / Гл. ред. В. П. Нерознак. – Москва: Academia, 1994. – 116 с.
295. Марфусалова, В. П. Эвенкийский язык: учебное пособие / В. П. Марфусалова. – Якутск: ИД СВФУ, 2018. – 132 с.
296. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь / А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 796 с.
297. Роббек, В. А. Концепция развития языков малочисленных народов Севера / В. А. Роббек. – Якутск: Северовед, 1999. – 13 с.
298. Роббек, В. А. Проблемы сохранения и развития языков народностей Севера на период 1991-2005 гг.: концепция развития / В. А. Роббек. – Якутск: ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, 1988. – 23 с.
299. Романова, А. В. Диалектологический словарь эвенкийского языка: Материалы говоров эвенков Якутии / А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Ленинград: Наука, 1963. – 216 с.
300. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. – Москва: ИЯз РАН, 2006. – 312 с.
301. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2-х томах. Т. I: А-Н / Под ред. В. И. Цинциус. – Ленинград: Наука, 1975. – 672 с.
302. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2-х томах. Т. II: О-Э / Под ред. В. И. Цинциус. – Ленинград: Наука, 1977. – 992 с.
303. Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. – Москва: ГИС, 1958. – 802 с.
304. Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. В. Ю. Михальченко. – Москва: Азбуковник, 2016. – 872 с.
305. Языковая политика в Республике Саха (Якутия): итоги реализации Государственной целевой программы «Языковое строительство в РС(Я)» за 2005-2006 гг. / Отв. ред. Н. И. Иванова – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. – 152 с.

Диссертации

306. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект: специальность 10.02.19 "Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Аюпова Людмила Лутфеевна. – Уфа, 1998. – 335 с.
307. Бажеева, Т. П. Социальный и языковой аспекты формирования раннего (детского) бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия: специальность 10.02.22 "Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бажеева Татьяна Петровна. – Улан-Удэ, 2001. – 169 с.
308. Баранова, В. В. Греки Приазовья: этническое самосознание и язык: специальность 07.00.07 "Этнография, этнология и антропология": диссертация на

соискание ученой степени кандидата исторических наук / Баранова Влада Вячеславовна. – Санкт-Петербург, 2006. – 214 с.

309. Биткеева, А. Н. Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Биткеева Айса Николаевна. – Москва, 2006. – 435 с.

310. Боргоякова, Т. Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Боргоякова Тамара Герасимовна. – Москва, 2002. – 327 с.

311. Галимьянова, В. Р. Языковая ситуация Краснокамского района Республики Башкортостан: социолингвистический аспект: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Галимьянова Венера Ринатовна. – Уфа, 2003. – 206 с.

312. Гусейнова, А. В. Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гусейнова Аурика Вагифовна. – Абакан, 2014. – 176 с.

313. Дырхеева, Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: история и современность, проблемы и перспективы: специальность 10.02.22 "Языки, народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Дырхеева Галина Александровна. – Улан-Удэ, 2002. – 352 с.

314. Ершова, Е. О. Русский язык в немецкоязычном мире XVI-XIX вв. (историко-социолингвистическое исследование учебной литературы разных жанров): специальность 10.02.01 "Русский язык": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ершова Евгения Олеговна. – Москва, 2013. – 191 с.

315. Журавель, Т. Н. Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Журавель Тамара Николаевна. – Красноярск, 2015. – 171 с.

316. Иванова, Н. И. Языковая ситуация в Республике (Саха) Якутия: якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект): специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Иванова Нина Иннокентьевна. – Якутск, 2021. – 375 с.

317. Кириленко, С. В. Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кириленко Светлана Владимировна. – Москва, 2016. – 276 с.

318. Куцаева, М. В. Функционирование чувашского языка в диаспоре московского региона: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на

соискание ученой степени кандидата филологических наук / Куцаева Марина Васильевна, 2018. – 301 с.

319. Мамонтова, Н. А. Идентичность и язык илимпийских эвенков в XX - XXI вв.: специальность 07.00.07 "Этнография, этнология и антропология": диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мамонтова Надежда Александровна. – Москва, 2013. – 358 с.

320. Местникова, А. Е. Социальные основания реализации языковых прав коренных малочисленных народов Севера в системе образования (на примере Республики Саха (Якутия)): специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы": диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Местникова Акулина Егоровна. – Улан-Удэ, 2010. – 206 с.

321. Хилханова, Э. В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсный и социолингвистический анализ: на материале языковой ситуации в этнической Бурятии: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Хилханова Эржен Владимировна. – Улан-Удэ, 2009. – 356 с.

322. Цыбенкова, Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: специальность 10.02.19 "Теория языка": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Цыбенкова Чечек Сергеевна. – Улан-Удэ, 2013. – 240 с.

Электронные ресурсы

323. Александра Андреева обладатель Диплома в специальной номинации Ассамблеи народов России Всероссийского профессионального конкурса «Лучший учитель родного языка и родной литературы – 2025» [Электронный ресурс] // МКУ «Оленекское районное управление образования» МР «Оленекский эвенкийский национальный район» РС(Я). URL: <https://uoolenek.obr.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3343212> (дата обращения: 12.09.2025).

324. Дьяконова М.П. Языковое гнездо – от теории к практике [Электронный ресурс] // Официальный информационный интернет-портал Ассоциации КМНС РС(Я). URL: <http://yakutiakmns.org/archives/22202> (дата обращения: 30.06.2025).

325. Дьяконова М.П. Языковое гнездо помогает сохранить эвенкийский язык: четверо школьников из села Тяня успешно выступили на олимпиаде «Турэн-2025» [Электронный ресурс] // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL: <https://ilken.ru/2025/09/24/yazykovoe-gnezdo-pomogaet-sohranit-evenkijskij-yazyk-chetvero-shkolnikov-iz-sela-tyanya-uspeshno-vystupili-na-olimpiade-turen-2025/> (дата обращения: 25.09.2025).

326. Коряков Ю.Б. Этноязыковой состав всех населенных пунктов России [Электронный ресурс] // Lingvarium. URL: <http://lingvarium.org/russia/index.shtml> (дата обращения: 24.08.2024).

327. Спиридонова И.Е. Великтон Прокопьев: путь к родному языку [Электронный ресурс] // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL:

<https://ilken.ru/2025/02/13/velikton-prokopev-put-k-rodnomu-yazyku/> (дата обращения: 30.06.2025).

328. Спиридонова И.Е. Премьера эвенкийской песни «Хуктивун в Хатыстыре» [Электронный ресурс] // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL: <https://ilken.ru/2025/03/14/premera-evenkijskoj-pesni-huktyvun-v-hatystyre/> (дата обращения: 30.06.2025).

329. Спиридонова И.Е. Традиции и обычаи предков в авторских эвенкийских играх [Электронный ресурс] // Портал коренных народов Севера «Илкэн». URL: <https://ilken.ru/2025/09/29/tradiczii-i-obychai-predkov-v-avtorskih-evenkijskih-igrah/> (дата обращения: 30.06.2025).

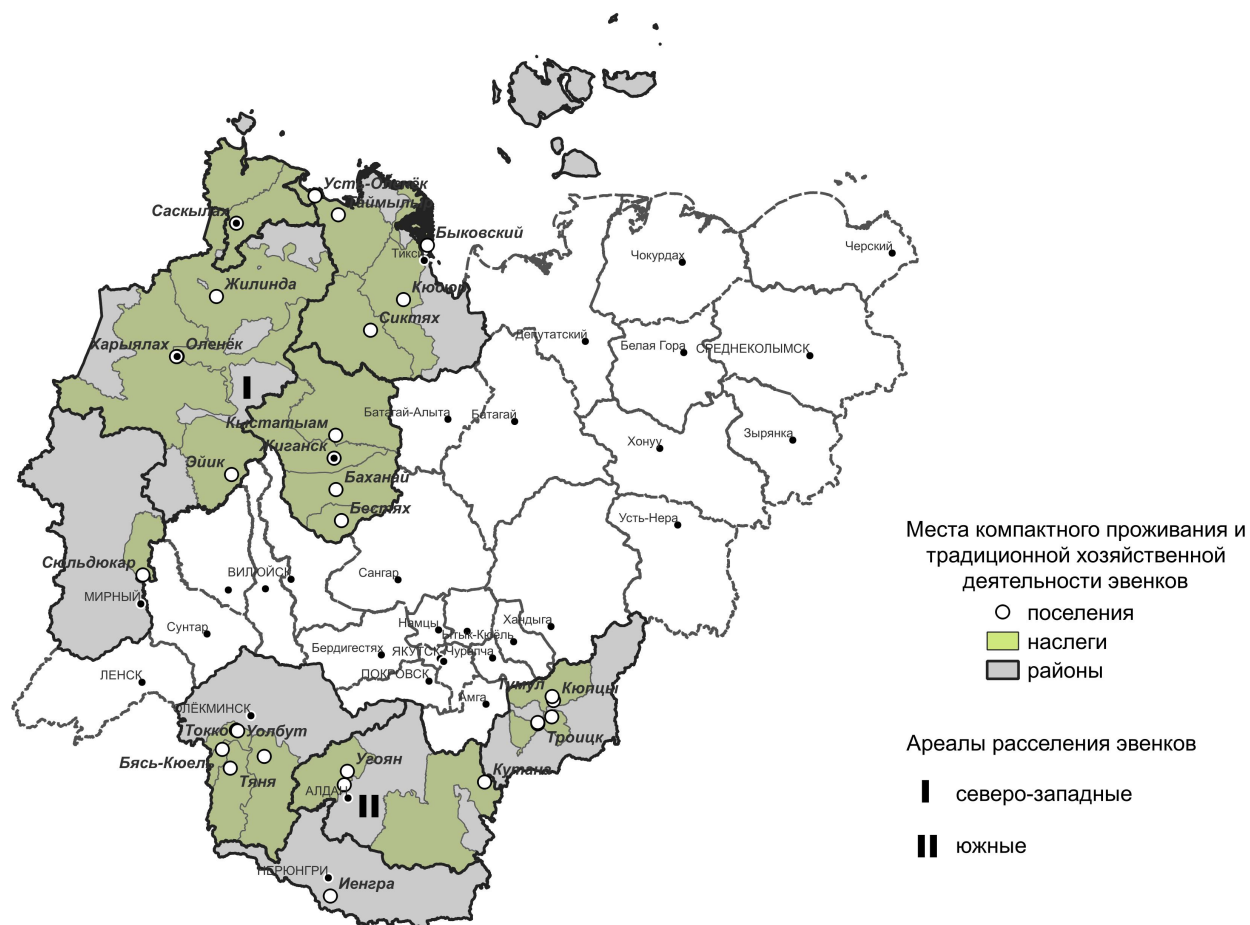
330. Юлия Степанова: «Мы – мост между поколениями» [Электронный ресурс] // Новостной портал КМНСОЮЗ-NEWS. URL: <https://news.kmnsoyuz.ru/news/45624> (дата обращения: 22.07.2025).

331. ГИС-карты по языкам, культуре и расселению КМНС в Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Арктический многоязычный портал. URL: <https://arctic-megapedia.com/maps-1/> (дата обращения: 19.08.2025).

ПРИЛОЖЕНИЯ

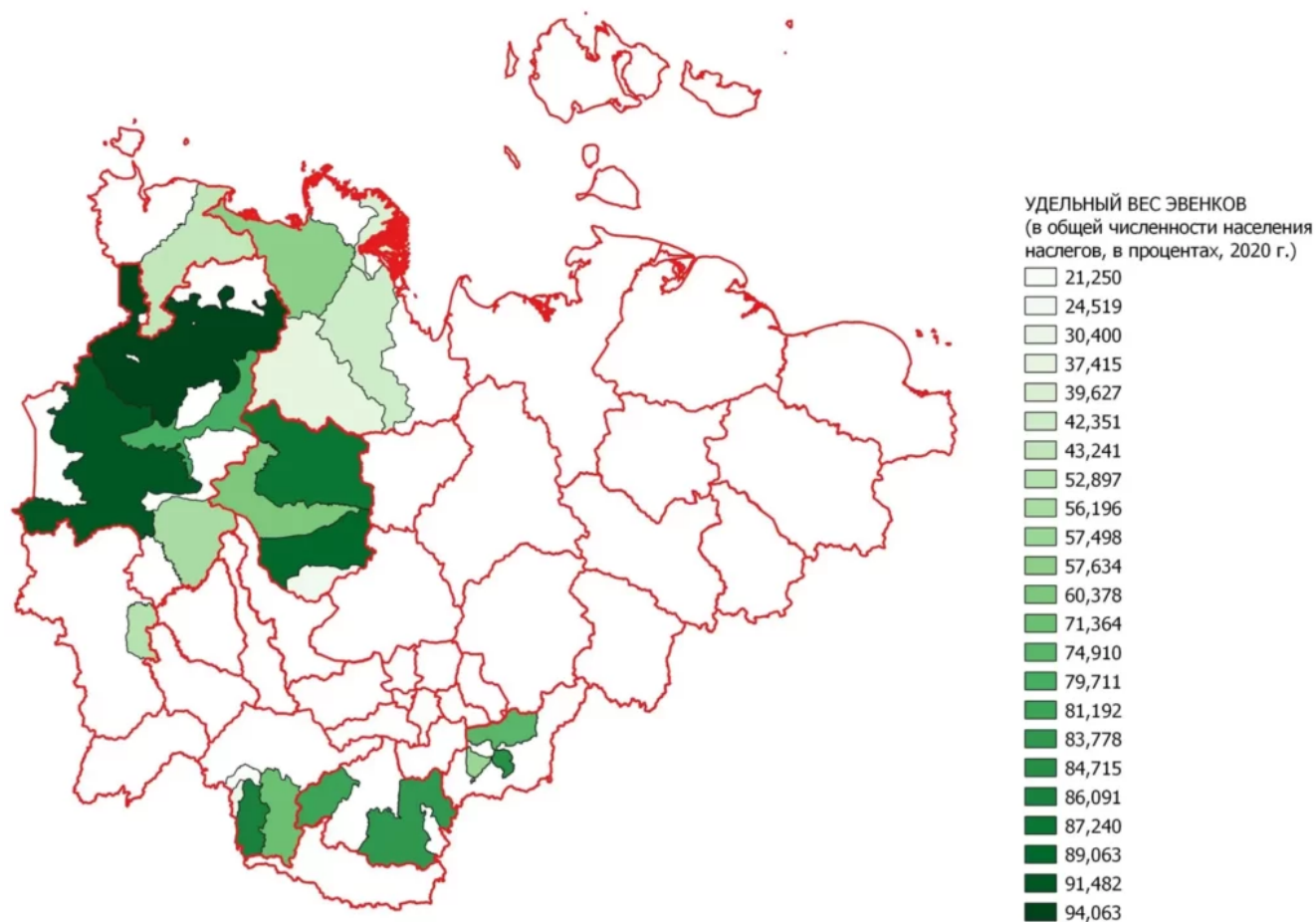
Приложение 1

Ареалы расселения эвенков в Республике Саха (Якутия)

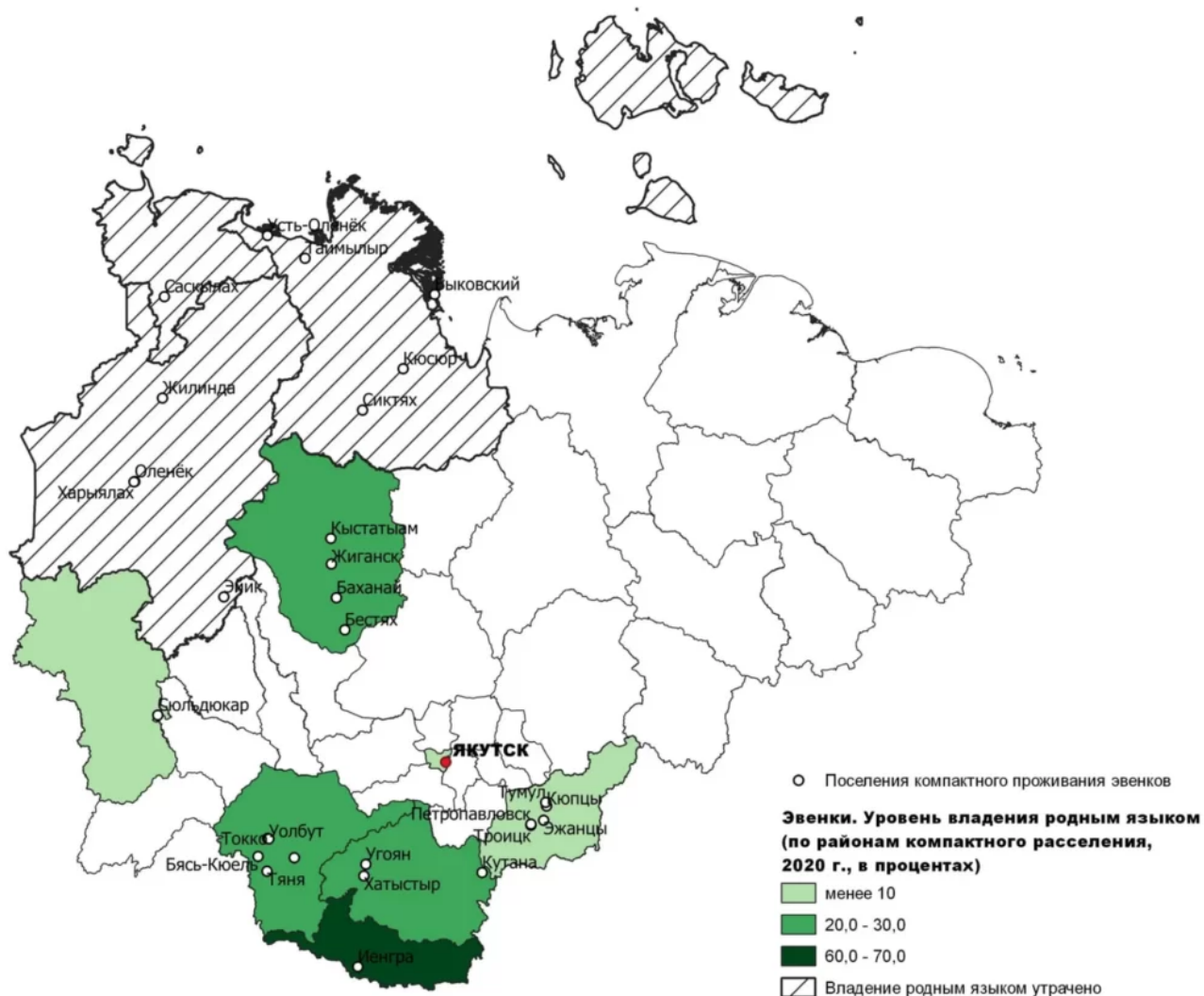
© Составлено В.В. Филипповой, к.и.н., с.н.с. Центра арктических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 2026.

Удельный вес эвенков в Республике Саха (Якутия)
(в общей численности населения наслегов, в процентах, 2020 г.)

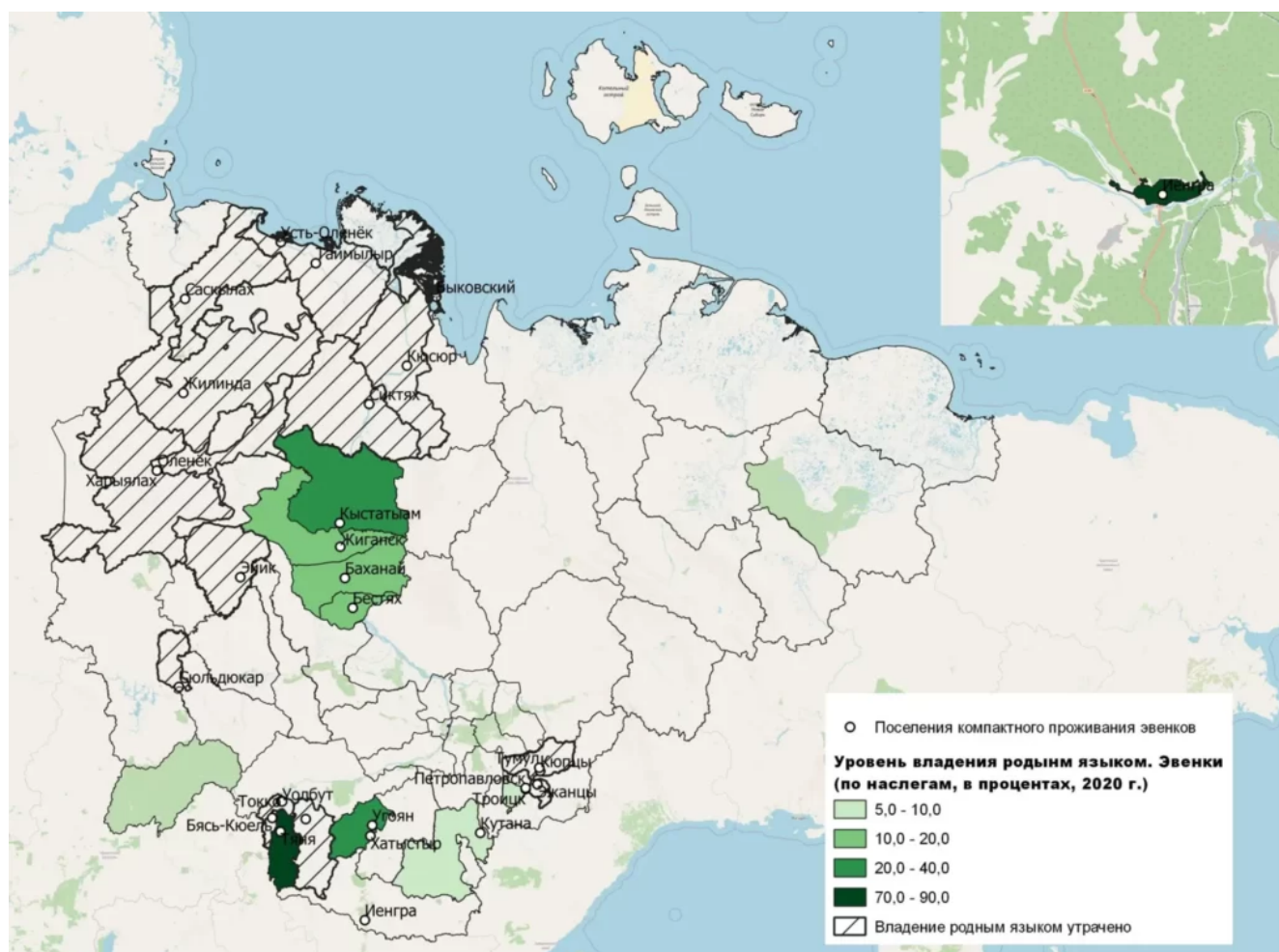
© Составлено в лаборатории электронных картографических систем
эколого-географического отделения Института естественных наук
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 2023.
URL: <https://arctic-megapedia.com/maps-4/> (дата обращения: 19.08.2025).

Уровень владения эвенками Республики Саха (Якутия) этническим языком
(по районам компактного расселения, в процентах, 2020 г.)

© Составлено в лаборатории электронных картографических систем
эколого-географического отделения Института естественных наук
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 2023.
URL: <https://arctic-megapedia.com/maps-3/> (дата обращения: 19.08.2025).

Уровень владения эвенками Республики Саха (Якутия) этническим языком
(по наследам, в процентах, 2020 г.)

© Составлено в лаборатории электронных картографических систем
эколого-географического отделения Института естественных наук
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 2023.
URL: <https://arctic-megapedia.com/maps-3/> (дата обращения: 19.08.2025).